

В ЖЕЛАННОМ
ПЛЕНУ

БЕЛЛА АВРОРА

Делайла «Лили» Флинн привыкла к своим серым будням. Лили живет в них на протяжении двадцати двух лет. Ее скучная жизнь внезапно переворачивается с ног на голову, когда ее нагло похищают из собственной спальни. Или же она так считает. Нокс Тэйлор слишком важная шишка в своей сфере, чтобы быть нянькой. Больше всего он желает побыстрее завершить свою миссию, чтобы избавиться от слишком умной девчонки-сорванца, Лили. День за днем, Нокс наблюдает за странным поведением Лили. Она не похожа на остальных женщин, которых он когда-либо встречал. Он подбирается ближе к девушке, только лишь для ее собственной защиты... верно? Лили никогда не думала, что она найдет первых настоящих друзей в плену. Через что она пройдет, чтобы сохранить их?

Редактор: Matreshka Вычитка, оформление и обложка: Mistress

Белль Аврора

В желанном плену

1 глава

Серия неудачных событий

Лили

«Она обернула свою маленькую ручку вокруг его твердого ствола и сжала.

— Я могу сделать тебя счастливым. Просто дай мне шанс, малыш».

— Не делай этого, Брок. Не поддавайся на это, — я бормочу себе под нос. Нажимая на экран своей электронной книги, чтобы перелистнуть страницу, я съеживаюсь и хныкаю: — Ах ты, тупой сукин сын! Она же спит с твоим братом! — качаю головой и вздыхаю. — Так тебе и надо, что влюбился в шлюху.

Дверь моей спальни открывается и моя сестра Тера, прокрадывается внутрь и закрывает за собой дверь, аккуратно, чтобы не издать ни звука. Я смотрю, во что она одета и решительно трясую головой. Выражение на ее лице умоляет. Она ничего не говорит, просто широко улыбается и взволнованно кивает. Я вздыхаю.

— Нет, Тера. Я почти попала в прошлый раз.

— Лили, ты засохнешь как старый чернослив. Тебе же всего лишь двадцать два, милая. Поживи немного! — она звучит раздраженно.

Неожиданно, чувствуя необходимость обороняться, я сердито смотрю на нее.

— Я живу нормально, спасибо тебе большое.

Лицо Теры смягчается, и она садится на край моей кровати.

— Он не может удерживать нас всегда, ты же знаешь? Мы когда-нибудь повзрослеем.

Я знаю, что она права.

Ненавижу, когда она права.

Меня зовут Делайла Флинн. Все, кроме моего отца, зовут меня Лили. Я провожу большую часть своих дней здесь — в моей спальне. Это не всегда был мой выбор, но спустя много лет, я научилась любить свою комнату. Она стала своего рода храмом для меня.

В этой комнате, я могу быть кем заблагорассудится. Никакого давления. Никаких ожиданий. Я могу делать всё, что хочу. И мне нравится всё так, как оно есть.

Наша семья владеет транспортной компанией, которая называется «Флинн Логистикс». Мой отец приехал в Америку из Ирландии, когда ему было тринадцать лет. У его семьи ничего не было. Когда я говорю ничего, я имею в виду ничего. Он рассказывал мне истории о том, как мой дедушка приходил домой с работы и снимал свое пальто только для того, чтобы передать его моему отцу, чтобы тот не замерз, пока будет идти на свою работу в бакалейную лавку, где он выставлял товары на полки.

Им приходилось делить пальто. Это было общее пальто! Вот насколько бедны они были.

Мама познакомилась с отцом, когда училась в старшей школе. Старшая школа не была вариантом для моего отца. Его семья не могла себе этого позволить и опять же, в этом нет ничего постыдного. Так вышло, что мама и отец жили в одном квартале и вскоре подружились. Через год мама безнадежно влюбилась в моего папу; ее никогда не волновало то, что он был беден. Ее семья была ненамного лучше. Но она думала, что если она подружится с ним, тогда сможет справиться со своими чувствами. Чего она на самом деле не знала, так это того, что отец любил ее так же сильно, если не больше. Но он не пригласил бы ее на свидание, пока не был бы уверен, что сможет обеспечить ее должным образом. Отец

говорит, что он полюбил ее еще до того, как узнал ее имя.

Поговорим о том, как вырасти, имея нереалистичный взгляд на любовь. Как будто подобное вообще может случиться со мной. Вероятность что такая история случится с кем-либо, возможно, одна на миллион.

Я безумно восхищаюсь своим отцом. То, чего он добился в жизни — это чудо. Он начал работать в транспортном сортировочном центре в крупной логистической компании, когда ему было шестнадцать лет. Он провел свой первый год, надрывая задницу и показывая своему начальнику, что он был надежным и полон энтузиазма. Вскоре, его повысили из сортировочного центра до управляющего транспортом. Он провел в этой компании пять лет и научился всему, что мог. От упаковки и доставки товаров до понимания как устроена сортировальная машина и управления командой обслуживания. Он откладывал каждый лишний пенни и уволился, когда ему был двадцать один год. Вот тогда он и основал «Флинн Логистикс». Это было очень рискованно. К счастью, это был риск, который окупился. Как обожает говорить мой отец со своим грубым ирландским акцентом: «Ты не можешь потерять что-то, если у тебя ничего нет».

«Флинн Логистикс» сейчас идет нос к носу с главными транспортными компаниями. Мы, как конкуренты, представляем большую угрозу для них, и я вижу, как гордость озаряет лицо моего отца, когда упоминается этот факт.

Мой отец немного гиперопекающий. Когда я говорю, что он немного гиперопекающий, это что-то типа: Ченнинг Татум немного хорошенький... а именно очень сильно. Итак, вот я, взрослая девушка с моей сестрой и по совместительству единственным другом. Если я хочу выйти из дома для чего-либо — мне нужен сопровождающий. То же самое касается моей сестры, но она изворотливая и находит пути для обхождения правил. Я никогда по-настоящему не понимала, почему было так, но мой отец из тех людей, с кем лучше не спорить. Не поймите меня неправильно, мой отец — любящий и заботливый человек. Он очень редко повышает свой голос на кого-либо и нужно приложить немалые усилия, чтобы разозлить его. Он хороший папа, просто чересчур параноик. Но среди домашних папа пользуется большим уважением, которое он по праву заслужил. Итак, правило номер один — вы никогда не задаете вопросов моему отцу.

Наша семья небольшая. Только я, моя старшая сестра Тера, моя мама и мой папа. Мы живем в большом особняке в элитном районе Атертон, Калифорния. Я думала, что этот дом был слишком показушным, когда мы в него переехали. Я имею в виду, я знаю, что у нас есть деньги, но отец настоял, чтобы мы переехали из старого, милого, с четырьмя спальнями дома в этот уродливый, четыре года назад. Наш новый дом состоит из десяти спален, шести ванных комнат, библиотеки, трех кабинетов, солярия, огромного бассейна и домика возле бассейна, размером с наш старый дом, также теннисного корта и, конечно же, современной системы сигнализации.

Я ненавижу этот дом. В нем нет ничего уютного. Он стерильный. Он как тюрьма украшенная, чтобы выглядеть как дворец. Но я-то лучше знаю: вижу его насквозь.

Мой отец был так взволнован, когда показывал мне мою новую комнату в первый день здесь. Когда дверь распахнулась, он прокричал: «Та да». Я чуть не упала в обморок.

Моя спальня чертовски огромная. Она площадью в пятьсот тридцать квадратных футов, и это размер половины нашего старого дома. Если я стою в дверях и смотрю в свою комнату, то вот что я вижу: слева огромная кровать из красного дерева с балдахином и покрывалом с цветочным рисунком. Рядом находится подходящий ей комод из красного дерева только для

красоты, потому что у меня не так много одежды (я не девочка, которая любит бегать по магазинам), письменный стол, который я тоже никогда не использую, потому что предпочитаю делать все школьные задания в кровати. Есть дверь, которая ведет во встроенный шкаф и другая дверь, ведущая в мою личную смежную со спальней ванную комнату. Справа — полностью оснащенная развлекательная система с большим телевизором с жидкокристаллическим дисплеем, DVD плеером, приставкой PlayStation 3, новым стерео, который также выполняет функцию объемного звука, когда я смотрю фильмы, два удобных дивана, и мое любимое — моя библиотека, простирающаяся вдоль всей черной стены.

Чтение — это мой способ убежать. Оно заставляет мой мозг работать, что дает мне небольшое временное облегчение от моей замкнутой жизни.

Моя комната выкрашена в бледно-розовый цвет, который я люблю. У меня есть несколько картин на стенах и огромное эркерное окно, ведущее на маленькую террасу.

У Теры, которой двадцать четыре года, комната выглядит так же, как и моя и расположена прямо напротив. Наши две спальни — это единственные постоянно жилые комнаты на втором этаже; остальные — комнаты для гостей. Мама и папа занимают единственную спальню на первом этаже. Отец сказал, что так безопаснее для Теры и меня в случае, если незваный гость придет воровать в ночи. Таким образом, их спальня будет первой, до которой он доберется. Вы можете в это поверить? Я закатила глаза и сказала ему, что он слишком много смотрит сериал «Место преступления».

Выглядывая из-за своей электронной книги, я украдкой гляжу на свою сестру. Ее щенячьи глазки широко раскрыты в мольбе, и она хлопает ресницами. Она выглядит как страдающий запором ши-тцу. Я смеюсь:

— Даже не пытайся. Я не пойду. Ты хочешь тусоваться? Тусуйся, Тера. Я остаюсь здесь.

Она опускает руки на покрывало и рычит на меня:

— Отлично! Становись сумасшедшей кошатницей. Мне неважно. И не говори, что я не пыталась помочь, когда ты будешь поглаживать своих кисок всю ночь напролет, мечтая, чтобы кто-то погладил твою.

Я смеюсь, когда она соскальзывает с моей кровати и идет к стене с зеркалом в полный рост, встроенном в мой шкаф. Поворачиваясь, она спрашивает:

— Как я выгляжу?

Взглянув, я молча оцениваю ее.

Она красива. Как всегда. Одетая в черные короткие шорты, которые делают ее длинные ноги невероятно длиннее. Темно-зеленая, расшитая блестками блузка на бретельках, которую она надела, выделяет ее изумрудно-зеленые глаза, ее темно-бордовые волосы спадают каскадом по ее спине мягкими волнами, и босоножки на маленьком каблучке делают весь образ обманчиво невинным. Она берет пару моих золотых сережек-висюлек и надевает их.

По правде говоря, я очень похожа на мою сестру. Когда люди видят нас вместе, они спрашивают, не близнецы ли мы. Мы выглядим почти идентично тому, как наша мама выглядела, когда она была моложе: темно-рыжие волосы, зеленые глаза, высокие и стройные. Мой отец всегда говорил, что надеялся, что мы будем такие же уродливые, как и он. Это никогда меня не смешило, потому что мой отец действительно довольно красивый. Он высокий, крепкого телосложения, у него темно-каштановые волосы и светло-зеленые глаза.

— Ты выглядишь прекрасно, Рахрах, — говорю я с легкой завистью.

Она улыбается на мое упоминание ее детского прозвища. В ее взгляде появляется мягкость, и она смотрит на меня. Она шепчет:

— Пожалуйста, пойдём со мной. Ещё один разок.

Опуская подбородок, я медленно качаю головой.

— Нет, я сразу стану душой компании, — я ухмыляюсь ей. — Я же знаю, как ты любишь быть в центре внимания. Я бы не лишила тебя этого. Ты иди. Я прикрою.

Подходя ко мне, она садится обратно на кровать и обнимает меня. Я обнимаю ее в ответ настолько сильно, как могу, но чтобы не задушить ее. Она хихикает:

— Ха-ха сучка, — она долго обнимает меня, перед тем как пробормотать: — Так будет не всегда. Посмотришь, — и это заставляет меня захотеть разрыдаться.

Мой взгляд затуманивается и в носу начинает покалывать.

— Я знаю, — бормочу ей в плечо.

Сжимая ее еще раз, отпускаю и натягиваю на лицо фальшивую улыбку.

— Иди. Быстро.

Тера подбегает к окнам, которые ведут на мою террасу, и посылает мне воздушный поцелуй. Она открывает дверь и выходит, когда мы обе слышим отчетливый голос отца по системе внутренней связи, установленной у меня в комнате:

— Тера, Делайла. Вниз. Сейчас же.

Ошеломленное выражение лица Теры — бесценно. Я взрываюсь смехом и говорю ей напевающим голосом:

— Кто-то попался.

Глаза широко раскрыты от шока, она сердито шипит:

— Не может быть. Он не может знать. Это должно быть что-то другое.

Я пожимаю плечами.

— К счастью, ты не ушла. Мы обе были бы под домашним арестом на целый месяц.

Тера смотрит на себя. Она выглядит так, будто собирается в клуб, и мы должны скрыть ее наряд до того, как мой отец увидит.

— Снимай свою обувь и надевай мой халат. Затяни его потуже.

Она скользит в мой красный японский шелковый халат и завязывает его настолько туго, что она, вероятно, перекрыла циркуляцию крови вниз от ее талии. Мы спускаемся вниз и заходим в столовую. Как только я вижу моего отца, я понимаю две вещи: он уставший и обеспокоенный.

Вот дерьмо. Нехорошо.

Мама сидит рядом с ним, держа его за руку, при этом выглядя в равной степени уставшей и вдвойне обеспокоенной.

Дважды дерьмово. Что-то не так.

Мы с Терой стоим в дверях в столовую и смотрим друг на друга с явным беспокойством, она берет мою руку в свою и сжимает ее. Я прочищаю горло, и мой папа смотрит на меня. Он натягивает на лицо фальшивую улыбку:

— О, вот и вы. Проходите, девочки мои. Присаживайтесь.

Я люблю акцент моего отца.

Мы с Терой садимся поближе друг к другу. Я перевожу взгляд с мамы на отца и спрашиваю:

— Что случилось? И вы вообще не умеете лгать, поэтому не говорите: «Ничего».

Отец сердито смотрит на меня:

— Следи за языком, Делайла.

Я ненавижу, когда меня называют Делайла.

Мама поглаживает его руку. Она смотрит на меня и мою сестру и объясняет:

— Есть кое-какие проблемы в «Флинн Логистикс».

Мы с Терой смотрим друг на друга в шоке, в то время как моя сестра шепчет:

— Мы теряем дом?

Отец хмурит брови:

— Нет. Это не связано с деньгами, — он вздыхает и прикрывает лицо руками. Что бы это ни было — это волнует его... очень сильно.

У меня сжимается сердце.

Устав ходить вокруг да около, я смотрю прямо на своего отца:

— Какие проблемы?

Папа глубоко вздыхает и откидывается в своем кресле:

— Ну, поступали кое-какие обвинения. Обвинения такого рода, что человек может попасть в тюрьму на... на очень долгое время.

Мы вдвоем с моей сестрой кричим в неверии:

— Что?

Мама вмешивается:

— Успокойтесь, девочки. Ваш папа не сделал ничего плохого, поэтому они мало что могут сделать. Мы предоставили полиции полный доступ к компьютерам и документации на складе и везде, где им потребуется. — Она улыбается, но улыбка не касается ее глаз. — Всё будет хорошо.

Отец кивает головой:

— Джетт и Джейми помогают, чем могут. Мы показали полиции, что сотрудничаем с ними. Я оставил их заниматься этим делом. Полиция не хочет, чтобы я возвращался туда, пока они во всем не разберутся.

Молчание окутывает нас как густой туман. Я съеживаюсь:

— Да уж, это, действительно, отстой.

Губы отца дергаются:

— Да, милая. Это — отстой. Но как сказала твоя мама, все будет хорошо. Я в этом уверен.

Тера задает вопрос, который меня тоже очень интересует:

— Какие именно обвинения?

Отец смотрит на нас некоторое время, прежде чем ответить:

— Ну, это сложно. Всё, что вам нужно знать, так это то, что мы повышаем меры безопасности здесь и на складе. Колледж под запретом пока не закончится расследование. — Смотря на мою сестру, лицо отца смягчается в извинении. — Прости, Тера.

Тера выглядит так, будто сейчас расплачется. Это ее второй год в колледже. Я работаю с отцом во «Флинн Логистикс» на протяжении последних двух лет. Он называет это стажировкой; я же называю это хитрый способ следить за мной. Единственные люди, которых я там вижу — это Джетт и Джейми. Я крайне редко покидаю офис.

Джетт и Джейми Харрисон — это две правые руки моего отца. Они переехали сюда из Ирландии три года назад. Ну, вообще-то, отец привез их из Ирландии, чтобы они жили с нами и работали на складе. Лучшего друга моего отца, с которым он рос, звали Киан

Харрисон. Хотя я его никогда не встречала, я много слышала о нем и несколько раз разговаривала с ним по телефону. Он был жизнерадостным мужчиной, всегда смеялся и шутил. Казалось, его никогда не задевало то, что отец стал большой «шишкой» в бизнесе. Для Киана, он всегда будет Киараном Флинном с запачканным лицом, который играл с ним в футбол при любой возможности.

Они были настоящими друзьями, пока однажды ночью, три года назад, жена Киана, Айлин, не позвонила, чтобы сообщить нам, что Киан умер от сердечного приступа. Отец много говорил с Айлин, чтобы убедиться в ее благополучии. Он посылал ей деньги, от которых она отказывалась. Отец был опустошен. Никакие деньги не могли помочь. Айлин позвонила однажды ночью, и после недолгого разговора, отец спросил, что он может сделать, чтобы помочь ей. Он сказал ей, что сделает всё, что будет в его силах. Она робко спросила, мог ли он дать работу ее двум сыновьям-близнецам во «Флинн Логистикс». Отец был более чем счастлив сделать это. Если сыновья Киана были похожи на своего отца — они бы были отличным прибавлением в бизнесе.

Так вышло, что сыновья Киана были в точности такие же, как и их отец. Милые, вежливые и смешные. Оба — трудолюбивые парни, в возрасте двадцати шести лет. Они — идентичные близнецы. Они великолепны.

Иными словами... «МММ».

Высокие и стройные, накачанные, с черными волосами и серыми, почти серебряными глазами. Они просто... вау. Я видела, как они оба пялились на Теру. Они влюблены в нее по уши. И проблема в том, что она так же по уши влюблена... в них обоих. Это верный путь к беде, будьте уверены.

Отец вырывает меня из моих мыслей словами:

— Простите, девочки. Я ничего не могу с этим поделать. Тера, я отсрочу остаток семестра в колледже, и ты останешься дома с Делайлой и мной. Мы будем работать на дому, будем делать всё что сможем, пока они не скажут, что мы можем возвращаться.

Опуская свой подбородок, я наклоняю голову в пол. Рука Теры сжимает мою настолько сильно, что я знаю — она больше всего хочет визжать во всю силу свои легких и крушить всё вокруг в комнате. Я понимаю. Правда. Колледж был ее единственной свободой, а теперь и ее нет... теперь она станет такой же, как и я.

Поверженной.

Резко поднимаясь, я заявляю:

— Ну, если это всё, прошу меня извинить. Я немного устала.

Отец смотрит на меня:

— Конечно, дорогая. Если это то, чего ты... — телефон отца вибрирует на обеденном столе. Экран светится ярким красным светом. Когда папа берет телефон, чтобы посмотреть на дисплей, он заметно бледнеет. Смотря на меня и Теру, он твердо говорит:

— Девочки, идите к себе в комнаты. Сейчас же. Заприте двери изнутри. Я не хочу, чтобы вы выходили, пока я вам не скажу. Никто, кроме меня. Вы понимаете?

У меня холодеет кровь. Я не могу двигаться. Я в оцепенении.

— Я сказал, вы меня понимаете? — отец кричит, и это встряхивает меня. Я решительно киваю головой и уголком глаз вижу, что Тера делает то же самое. Отец, сфокусированный на чем-то, проходит мимо меня и Теры и шепчет:

— Бегом!

Мои ноги двигаются сами по себе.

Я тащу Теру по коридору, пробегая в своих носках, я скольжу каждые несколько шагов. Мы поднимаемся вверх по лестнице, и когда достигаем наших комнат, я крепко ее обнимаю. Она шепчет:

— Вероятно, ничего серьезного, Лили. Делай то, что говорит отец, хорошо? — я киваю ей в плечо.

Мы расходимся. Я слышу, как она входит в свою комнату и закрывает за собой дверь. Я открываю дверь в свою комнату, все еще держась за дверную ручку, и застываю, твердая как айсберг.

Ох, к черту мою жизнь!

2 глава

Похищенная

Лили

Давление нарастает у меня в ушах, ладони потеют, и я свожу свои колени, чтобы они перестали трястись.

Пялясь на лицо в маске высокого, накачанного незваного гостя со смуглым цветом кожи, я изо всех сил пытаюсь придумать, что же я должна делать, но моя голова заполнена только белым шумом.

Он стоит возле моей кровати, неподвижный, одетый в черную футболку, черные брюки-карго и черные армейские ботинки. Маска на нем тоже черная. Это необычная маска. Она сшита и закрывает всю голову. Отверстия для глаз круглые, но покрыты своего рода сетками, так что ты не можешь смотреть человеку прямо в глаза. То же самое с дырками для носа и рта. Я никогда раньше такого не видела. Я почти хочу спросить, где он взял эту маску. Она выглядит в стиле стимпанк, и если бы я увидела его на улице, а не в своей комнате, будучи напуганной до ужаса, я бы спросила, где он ее взял.

Что за реакция? Сосредоточься!

В моем мозгу сразу загорается табличка с надписью: «Ушел, вернусь не скоро».

Движение в дверях моего шкафа отвлекает мое внимание от незваного гостя. Когда появляется другой, точно так же одетый мужчина в маске, только крупнее и выше первого, я понимаю — я в заднице.

Ну, как-то так. Прощай, жестокий мир. Да просто катись к чертям, первосортный сукин сын.

Мне следовало ускользнуть с Терой сегодня ночью. Господи, как же она на меня разозлится!

Из-за приглушенного крика из комнаты Теры я покрываюсь холодным потом. Мгновение паникую, прежде чем внутри меня зарождается стальное бесстрашие. Я глубоко дышу и успокаиваю себя.

Я не сдамся без боя!

Хватаюсь за дверную ручку, делаю маленький шаг назад, и мужчина возле моей кровати медленно качает головой. Вот дерьмо! Он меня пугает.

Я делаю еще один маленький шаг назад. Моя сестра снова кричит, на этот раз громче. Этот крик режет меня, как острый нож масло. Мужчина возле моего шкафа делает шаг навстречу ко мне. Я ловлю на себе его пристальный взгляд и делаю еще один шаг назад. Прежде чем понять, что делаю, я разворачиваюсь и бегу что есть сил в комнату моей сестры. Я благодарю Бога, что она не успела запереть дверь. Открываю дверь и вижу еще двух людей в масках, удерживающих Теру. Мои руки трясутся, когда я вижу ее лицо, залитое слезами. Я бросаюсь к ее письменному столу, хватаю хрустальную вазу, которая стоит в углу, и подкрадываюсь к мужчине в маске № 4. У него нет возможности меня увидеть, так как он стоит ко мне спиной. Не задумываясь, я изо всех сил разбиваю вазу о его голову. Ваза разлетается на кусочки, и мужчина падает на колени с криками:

— Бл*дь!

Сильные руки хватают меня за талию и поднимают. Я пинаюсь и ору:

— Нет! Отпустите мою сестру!

Сжимая руки в кулаки, я со всего маха бью по лицу человека в маске. Он рычит:

— Остановись!

Остановиться? Ты надо мной издеваешься? Как насчет... нет!

— Ублюдох хренов! Отпусти меня! — я кричу что есть мочи.

Костяшки пальцев пульсируют, но я пытаюсь ударить его снова и снова. Его голова за моей, так что я больше не могу дотянуться до его лица. Вытягивая руку вперед, я сгибаю ее и сильно бью его по ребрам локтем. Он отпускает меня, и я с глухим звуком падаю на пол. Вскочившая на ноги, бегу вперед всего пару шагов, прежде чем более крупный и высокий мужчина в маске № 2 перекидывает меня через плечо и бежит со мной вниз по лестнице. Моему животу очень больно, такое чувство, будто меня сейчас вырвет. Я даже не осознаю, что начала плакать до того момента, как мне с трудом удастся сделать глубокий вдох. Мужчина несет меня вниз по коридору и по направлению к входной двери.

Вот же наглости у этих ребят! Похищать нас через главную дверь?

Это же просто самонадеянно.

Я визжу:

— ПАПА! МАМА! ПОМОГИТЕ!

Приглушенный спор, который я не совсем могу разобрать, долетает до моих ушей, и я слышу, как мой отец кричит: «Делайла», как раз в момент, когда человек в маске выносит меня через парадный вход.

Боль просачивается сквозь меня. Мое напряженное тело расслабляется в поражении, и я всхлипываю в спину мужчине. Я выкрикиваю:

— Пожалуйста, отпустите меня! О, господи, пожалуйста!

Но шаг мужчины даже не замедляется.

Пока мы пересекаем границы наших владений, он крепко держит меня и засовывает в кузов большого черного фургона. Как только моя задница касается сиденья — фургон уезжает. Во мне не осталось сил бороться. Мужество, которое я чувствовала ранее, полностью испарилось, а в голове начала крутиться только одна мысль...

Это официально.

Меня похитили.

В задней части фургона крошечная тьма. Я ни хрена не вижу. Я не имею даже представления, куда меня везут. Всё, что я знаю, так это то, что Громила не отпускает мои руки.

По ощущению грузовик останавливается после двадцати часов езды, когда на самом деле прошло примерно двадцать минут. Боковая дверь открывается, и свет наполняет кузов. Я осматриваюсь, и страх сжимает мое горло.

Позади нас есть еще три человека. Они все настолько тихие, что я их даже не заметила. Они тоже в масках. Если бы у Дьявола были слуги — вот как бы они выглядели. Я в этом уверена.

Я перепугана до безумия.

Громила тянет меня за руку и вылезает из фургона, потянув меня за собой. Я оглядываюсь. Мы в подземной парковке, которая абсолютно пустая. Я взвизгиваю, когда он

опять перекидывает меня через плечо и несет, как мешок картошки. Я как бы не возражаю сейчас не идти самой, потому что не думаю, что смогла бы, даже если б захотела, но, черт побери, его плечо, которое утыкается мне в живот, причиняет адскую боль. Мое лицо искажено от боли, и я процеживаю сквозь стиснутые зубы:

— Пожалуйста, поставьте меня на землю. Вы делаете мне больно.

К моему полному ошеломлению он так и делает.

Мужчина ставит меня на ноги перед собой, одной рукой хватая меня за плечо, а другой — снимает свою маску. И вот я плююсь на пару голубых глаз, которые настолько холодные, что если поискать слово «арктический» в энциклопедии — эти глаза будут изображены под этим термином.

— Даже не думай попробовать сбежать. — Когда он говорит это своим грубым и холодным голосом, я понимаю, что в это время пятилась назад от него.

Меня охватывает страх. Мгновенно я осматриваюсь вокруг.

Темно. Безлюдно. Пустынно.

Две мысли вспыхивают у меня в голове: попытаться провернуть побег или идти с грубым мужчиной с ледяным голосом. Мысленно я взвешиваю свои варианты. Побег — значит бежать. Убежать далеко с ногами, похожими на желе не удастся, что в итоге приведет меня к очередному захвату безумно разъяренным похитителем.

Я опять сканирую всё, что меня окружает, отчаянно пытаюсь найти способы побега. Моя голова опускается, когда я не могу найти ни одного. Я смотрю в лицо своему похитителю и киваю в знак согласия.

Мудак ухмыляется, и я так сильно хочу пнуть его по яйцам.

Должно быть, по моему лицу видно, о чем я думаю, потому что его ухмылка перерастает в широкий, глумящийся оскал.

Вообще-то мужчина выглядит довольно-таки неплохо. Он не красив в традиционном смысле этого слова, его красота — грубая, мужественная. У него кривой нос, на вид его ломали несколько раз, но у него высокие скулы и мощный подбородок. Его пухлые губы скрывают белые зубы, которые немного кривые вниз. Возникает впечатление, что этот мужчина никогда особо и не хотел быть красивым пареньком. У него темные, коротко стриженные волосы. Его рост и телосложение ужасно пугают. Его руки выглядят так, будто они могут раздавить человеческую голову безо всяких усилий.

Его грубость, весь его внешний вид, работает на него, чтобы сделать его устрашающим. Чертовски жаль, что он засранец и преступник, которому я бы хотела вспороть брюхо ржавой пилой.

Когда все остальные выходят из фургона, я шокирована, увидев женщину среди мужчин. Какая женщина могла бы принимать участие в таком деле? Она, должно быть, бессердечная сука. Когда она снимает свою маску, она посылает мне грустную улыбку, которую мне хочется стереть с ее хорошенькой мордашки пощечиной. Она выше меня, подтянутая и стройная, с длинными темно-каштановыми волосами и карими глазами. Мужчина со смуглой кожей, который как я уверена, тогда стоял возле моей кровати, снимает свою маску и улыбается мне. Его темные волосы короткие, но подстрижены не под машинку. Его карие глаза мягкие и теплые. Он вздергивает подбородок в мою сторону и говорит:

— Как дела?

Я сердито плююсь на него

Совершенно очевидно, что эти ребята — идиоты. Психически нестабильные — каждый

из них.

Третий мужчина не снимает маску. Он садится на переднее пассажирское сиденье, и фургон уезжает прочь, оставляя меня с этой странной и потенциально опасной группой людей. Девушка приближается ко мне и ласково спрашивает:

— Не хотела бы ты попить воды?

Я ничего не хочу от этих людей. Избегая ее пристального взгляда, я мотаю головой.

Мужчина и женщина небрежно стоят сбоку, в то время как красавчик Громила держит меня в своей железной хватке. Он мотает головой влево, и мужчина со смуглой кожей и женщина вскакивают, чтобы следовать безмолвному приказу.

Вот дерьмо. Он здесь босс. Просто прекрасно.

Я рискую взглянуть на него, чтобы поймать на себе его прищуренный, наблюдающий за мной взгляд. Он недолго изучает, прежде чем его пристальный взгляд останавливается на моих волосах. Я уверена, что выгляжу — «красе в гроб кладут», но мне плевать. Он — причина того, почему я выгляжу так дерьмово, и я принимаю гордое выражение лица. Я выпрямляюсь, становясь выше, и бросаю взгляд прямо на него.

Получи, засранец.

Окей, внутри мне страшно до дрожи в ногах, но я не позволю ему это увидеть. Сейчас мне придется не сопротивляться, чтобы дождаться удобного момента и попытаться бежать.

Будь сговорчивой. Будь вежливой. Заставь их подумать, что ты следуешь их плану.

Ладно-ладно. Время менять стратегию. Я опускаю глаза и прочищаю горло:

— Извините, хм-м, мужчина. Можете мне сказать, что я здесь делаю? — он смотрит мне в глаза, но не отвечает. Я пытаюсь выдержать его пристальный взгляд, но его голубые глаза буравят мои. Мне становится немного неловко, и я опускаю свои глаза ниже на его грудь и спрашиваю еще раз: — Если вы чего-то хотите, я могу помочь вам получить это. Если бы вы только сказали мн...

Он обрывает меня грубым:

— Нет.

Потом он отворачивается от меня, крепче хватая мою руку. Он разворачивает мое лицо от себя, и неожиданно я слепну.

— Эй. — Этот засранец завязал мне глаза! — Эй! — я снова кричу и пытаюсь снять повязку, мои руки молотят воздух, когда я веду с ним односторонний бой. Своей огромной рукой он держит мои руки и сильно их сжимает.

— Если ты будешь сопротивляться, то потеряешь ту небольшую свободу, которая у тебя сейчас есть, — он говорит четко и медленно, прямо мне на ухо. Я столбенею и покрываюсь мурашками.

Я не хочу потерять эту небольшую свободу, но не могу удержаться, и из меня вырывается:

— Ты же знаешь, что ты — засранец, верно?

Более маленькая и холодная рука сжимает меня, и я слышу веселый женский голос:

— Все в порядке — он знает.

Мы идем, и идем, и, черт побери, идем, пока я не слышу скрип открывающейся двери. Женщина шепчет:

— Будь готова. Какое-то время мы будем находиться здесь.

Я вздыхаю. Просто прекрасно.

Часы сидения на этом ужасном стуле приводят к тому, что моя задница начинает неметь. Я елжу из стороны в сторону, извиваюсь, пока один из похитителей не вздыхает громко и проводит рукой по своим волосам.

Это тот, который сексуальный. Ну, конечно же.

Я смотрю в его ледяные голубые глаза и умоляю:

— Пожалуйста. Я не знаю, чего вы от меня хотите, но я сделаю всё, что угодно. Я отдам вам всё, что угодно, просто дайте мне, черт побери, уйти. Я никогда вас не видела. Я никогда никому об этом не расскажу. — Я опускаю подбородок, мой голос звучит шепотом: — Пожалуйста, — моя голова остается опущенной, и как в замедленной съемке чувствую, как слеза падает мне на колени.

Я слышу смешок моего похитителя, и это разрушает мои размышления. Я внезапно всхлипываю, а мой похититель смеется еще громче.

Я проиграла.

— Вы, хреновы засранцы! Получаете кайф от напуганной до смерти девушки? Что вы за мужчины такие? А я вам скажу — какие! Вы те, кто никому не нравятся, поэтому им приходится объединяться, чтобы не оказаться в самом низу пищевой цепи, добывая себе пропитание, как бешеные гребаные собаки! — моя грудь вздымается от ярости. Оба мужчины прекратили смеяться и начали хмуриться. Я смотрю на сексуального, в его жесткие, холодные глаза, и визжу: — Ты хуже мерзавца, и я, мать твою, ненавижу тебя! — я понимаю, что у меня истерика и прыскаю со смеху. Смеясь, я кричу: — Меня заперли в какой-то дыре! — я смеюсь настолько сильно, что тяжело дышу. — Никто не знает где я! — я сдавленно смеюсь. — Я умру в одиночестве! — смех выходит из меня какое-то время, медленно стихая, пока, я окончательно не останавливаюсь.

Я подавлена. Опустошена. И до смерти напугана.

Мужчина со смуглой кожей спрашивает:

— Ну что, полегчало?

Я не смотрю на него. Я отвожу свой взгляд, машу головой и шепчу:

— Нет, абсолютно не полегчало. — Наконец я смотрю на него. — Как бы ты себя чувствовал, если бы тебя похитили?

Его губы дергаются, и он смотрит на сексуального красавчика Громилу. Глаза красавчика встречаются с моими.

— Ты привязана к стулу? — я смотрю вниз, на свои голые запястья и машу головой.

Он бросает следующий вопрос:

— Тебя избили?

Я смотрю ему в глаза и машу головой. Он кивает в знак согласия. Я смиренно выпаливаю:

— Я просто хочу домой.

Он поднимает брови:

— Ты такая, мать твою, надоедливая, что больше всего я хочу отпустить тебя прямо сейчас... но я не могу.

Я борюсь с желанием назвать его гребаным кретином и перевожу взгляд на его ботинки. Мои губы сжимаются. Он откидывается назад на своем стуле и говорит:

— Тебя не похитили, Делайла.

Я выпучиваю глаза, смотрю ему в лицо и спрашиваю:

— Кто ты?

Губы красавчика дергаются:

— Я человек, который спас твою жизнь, малышка.

Кто, мать твою?

Я осматриваю сырую, бетонную комнату. Все трое моих похитителей выглядят забавляющимися. Откидываясь назад на стуле, от которого моя задница немеет, я пытаюсь говорить, но мой рот открывается и закрывается, как у рыбы без воды. Мужчина со смуглой кожей смеется:

— Вот дерьмо, Нокс. Ты ее сломал.

Женщина переводит свой взгляд на него:

— Оставь ее в покое, Рок. Она многое перенесла сегодня и без твоих глупостей.

— О, да ладно. Я же само очарование. Все от меня в восторге. — Он подмигивает, затем шлет ей воздушный поцелуй. Она вспыхивает настолько сильно, что мне кажется, она может утратить свою невозмутимость и пнуть его.

И вот я сижу, вся такая напуганная и растерянная, пока они добродушно подшучивают.

Наконец-то ко мне возвращается мой голос, и я тихо спрашиваю:

— Кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит?

Женщина открывает свой рот, но мужчина, которого называют Нокс, обрывает ее ледяным взглядом.

— Позже.

Она кивает в знак согласия, затем улыбается мне извиняющейся улыбкой. Она подходит ко мне и протягивает свою руку:

— Меня зовут Констанс. Но если ты будешь называть меня Констанс, то я за себя не отвечаю. Люди зовут меня Бу, и мне бы хотелось, чтобы и ты так делала.

Ну, она выбила почву у меня из-под ног, и теперь тяжело быть безразличной по отношению к ней. Кажется, она искренне милая... но это может быть просто игра. Вероятно, это и есть игра. Да, я уверена — это игра. Вытянув руку, я отвечаю на ее рукопожатие.

— Делайла. Но, если ты назовешь меня Делайлой — я за себя не отвечаю. Люди зовут меня Лили.

Она улыбается, затем кивает:

— Лили, — она произносит мое имя и вдумчиво кивает. — Ты мне не кажешься хрупкой, маленькая Лили. Может, я буду называть тебя Диди?

Диди — это одно из трехсот пятидесяти семи прозвищ, которыми меня называет моя сестра. Мои губы дергаются в улыбке, и я киваю. Она улыбается мне и шепчет:

— Мне кажется, мы станем хорошими друзьями.

Мужчина со смуглой кожей резко встает и подходит ко мне. Небрежно отталкивая Бу с пути, он протягивает мне руку:

— Рок. Но ты можешь называть меня... — он задумывается, — Гром В Штанах.

Я кусаю губы, чтобы не засмеяться. Бог свидетель, я не хочу очередного разъяренного похитителя. Бу не сдерживается и прыскает со смеху:

— Какого хрена? Гром В Штанах? Почему? Ты что, король метеоризма?

Рок объясняет:

— Нет! Это потому что у меня огромный член! — Бу смеется еще сильнее. настолько сильно, что она сгибается пополам. Рок сверлит ее взглядом и обращается к Ноксу: — Ну же,

босс. Это классное прозвище, правда?

Губы Нокса дергаются, но он кивает Року. Выражение лица Рока становится удрученным, и он обращается ко мне:

— Ладно, никакого Грома В Штанах. Называй меня просто Рок.

Кто эти ребята?

Я уверена, что именно так чувствовала себя Алиса, когда падала в кроличью нору. Я сижу, а все трое смотрят на меня с настороженностью, как будто я могла бы сбежать. Я в находящейся под землей, звуконепроницаемой, бетонной комнате с тяжелой металлической дверью, закрытой на ржавый засов.

Я имею в виду, я конечно сорвиголова и все такое, но я не МакГайвер [1]. МакГайвер — король безбашенных. Seriously, кто еще мог бы сбежать от болгарских экстремистов, соорудив бомбу из зубной нити, лимонного сока и отбеливателя? Это, мать его, производит впечатление.

Часы Нокса издают звуковой сигнал, и он встает:

— Время идти.

Мой желудок завязывается в узел. Я не хочу уходить. Здесь я чувствую себя в безопасности.

Затем трое идут в заднюю часть комнаты и отодвигают шкаф для хранения инструментов, я шокирована, видя, что за ним скрыта потайная дверь. Дверь почти такая же, как и та, через которую мы пришли сюда. Бу пытается открыть ее, но она не поддается. Следующим пытается Рок, и она скрипит, но все равно не открывается. Последним пытается открыть ее Нокс, и от напряжения мышцы на его руках раздуваются.

Ничего. Никак. Фиг... Можно смело говорить — дверь заклинило.

— Как мы отсюда выберемся? — я даже не осознавала, что стою настолько близко к Ноксу, пока он не разворачивается, и мой нос утыкается ему в грудь.

Он холодно смотрит на меня сверху вниз:

— Хочешь посмотреть, как работает взрывчатка?

Мои глаза расширяются, и я хочу крикнуть: «Черт возьми, да!», но сдерживаюсь и говорю скупающим голосом:

— Конечно. Как скажешь.

Его губа дергается тем милым способом. Рок и Бу принимаются за работу, размещая на дверных петлях что-то, что по внешнему виду напоминает серый пластилин. Нокс тянет меня, чтобы я стала за ним, защищая меня своим огромным телом. Бу кричит:

— Огонь!

Две маленькие петарды взрываются небольшим облаком дыма. И это я скажу... Я немного разочарована:

— Ну, это было разочаровывающе. — Рок и Бу посмеиваются, пытаясь заставить дверь открыться. Я съеживаюсь, как только свежий воздух ударяет мне в лицо. Нокс поворачивается ко мне, и я тихонько спрашиваю: — Куда вы меня ведете?

Он долго смотрит на меня, прежде чем ответить:

— Домой.

3 глава

Возвращение домой

Лили

Когда Нокс сказал, что мы возвращаемся домой, я полагала, что он имел в виду, что отвезет меня обратно ко мне домой. Вот почему я так охотно пошла. Я практически запрыгнула в большой, черный фургон, улыбаясь как идиотка, и выкрикивая:

— Чего же мы ждем? Поехали!

Итак, мы едем уже около часа, и я не имею ни малейшего представления, где же этот дом находится. Они не ответили ни на один из ста заданных мною вопросов, и я добилась того, что вижу, как щека Нокса дергается от нервов. Он бросает на меня сердитый взгляд:

— Ты когда-нибудь затыкаешься?

Потерпев поражение, я впадаю в подавленное состояние. Я официально расстроена. У меня нет моего мобильного телефона, чтобы проверить как там мои родители и сестра. Неожиданно, я осознаю, что не спросила, куда их забрали, и мое сердце пропускает удар. Я паникую:

— Я знаю, ты сказал, что мы поговорим об этом позже, но пожалуйста, ответь на один вопрос.

Он вздыхает, затем нетерпеливо огрызается:

— Что? Какой вопрос?

— Моя семья. Они в безопасности? Где моя сестра? Это туда вы меня везете? — выпаливаю я.

Он выглядит раздраженным.

— Во-первых, это три вопроса, ответы на которые приведут к еще большему их числу. Поэтому, ответ — нет. Я не отвечу ни на один из твоих вопросов сейчас.

С тонированными окнами, неожиданно я благодарна за темноту. Мои глаза щиплет, а в груди болит. Я просто хочу знать, что с ними всё хорошо. Это — всё. Я зажмуриваюсь, но слезы льются из моих глаз. Я успокаиваю свое дыхание насколько это возможно, но неожиданно громко всхлипываю, и теперь я уверена — он знает, что я плачу. И это паршиво. Я не хочу быть такой девушкой. Ну, вы понимаете: плаксивой, слабой нюней. Это не я. Ладно, есть смягчающие обстоятельства, но мне все равно это не нравится.

Этот тип — Нокс, не делает ничего, чтобы я поверила, что он меня защищает, а я так надеялась, что это правда. Когда ты сталкиваешься с плохими обстоятельствами, тебе хочется верить в то, что в конечном итоге все закончится наилучшим образом. И это то, чего я хочу. Но я не могу доверять этому парню. Почему еще ему понадобилось бы держать в секрете что-то настолько простое, как безопасность моей семьи?

Может, этот парень просто засранец?

Он — засранец! Никаких может.

После того как я всхлипываю во второй раз, Нокс вздыхает. Пододвигаясь ко мне, он наклоняет свою голову ближе к моей и шепчет:

— С твоей мамой и отцом все хорошо. Твоя сестра в порядке. Мы разделили вас по веской причине. Они в безопасности.

Не в силах посмотреть на него, я киваю в тонированное окно. Это забавно, как

несколько простых слов могут изменить твой настрой. Мгновенно я чувствую себя неожиданно сильнее. Я много читаю, поэтому знаю силу слов. Они могут вознести тебя с самого глубокого дна до абсолютной высоты в зависимости от момента, и также наоборот. Я благодарна за успокаивающие слова Нокса. Я заставляю себя прекратить плакать и напоминаю себе, что все будет хорошо, если я буду делать все, что они хотят. Мысленно корю себя. Больше никаких слез. Я сильнее этого.

Я гадаю, сколько займет времени добраться до дома.

Внезапно фургон останавливается. Никто не говорит. Они молча передвигаются, и это начинает меня пугать. Чувствуя беспокойство, я нарушаю тишину:

— Мы уже на месте?

Не отвечая, Нокс освобождает мою руку и надевает повязку мне на глаза.

Сукин сын.

Ух-х. Мне это не нравится. Повязку на глаза должны снять. Громко вздыхая, я тянусь и сдергиваю ее со своих глаз.

— Я думаю, ты понимаешь, что я не собираюсь бежать. Куда, мать твою, я побегу?

Взгляд Нокса свирепый, и его губы кривятся.

— Какого хрена, Делайла! Когда я надеваю на тебя повязку, значит на это есть чертова причина. — Он пододвигается ближе ко мне и шепчет: — Не дави на меня, малышка. Ты не хочешь увидеть мою плохую сторону.

Мгновение я моргаю, прежде чем мои глаза расширяются, я отстраняюсь от него и, как и он, шепчу ему в ответ:

— Это твоя хорошая сторона?

Он ничего не говорит, но его щека опять нервно дергается. Я думаю, что он, возможно, что-нибудь сделает со мной. Я еще не уверена в этом.

Поднимая свои руки вверх, я уступаю.

— Хорошо, хорошо. Господи. Я надену чертову повязку на глаза. Не заводись. И не называй меня Делайлой. — Я вижу, как его челюсть сжимается сильнее и кусаю внутреннюю сторону щеки, чтобы не дать себе самодовольно улыбнуться. Натягивая повязку на глаза, я протягиваю свою руку, которую он крепко хватает и выводит меня из фургона.

Мы начинаем идти, и спустя некоторое время тишина перестает мне нравиться. Как только я открываю рот, чтобы что-то сказать, без сомнений, что-то грубое и саркастичное, я спотыкаюсь об камень и валюсь на колени. Нокс поднимает меня через секунду, после того как я упала.

— Ты в порядке? — он говорит это так, что это может быть перефразировано в: «Ты — тяжелое бремя в моей жизни, и ты мне не нравишься».

Полностью слепая, я протягиваю свои руки на звук его голоса, и они, к счастью, натываются на его широкую грудь, и отталкиваю его на ничтожное расстояние. Мое лицо заливается румянцем, но больше от стыда, чем от ярости.

— Черт побери! Смотри, на хрен, куда ты идешь! Вот почему, мне не нравится эта повязка на глазах. Эти повязки используются в упражнениях на доверие, ты, придурок. И, по-моему, очевидно, что... Я. Тебе. Не. Доверяю!

Я шокирована, когда он извиняется:

— Прости. Я отвлекся.

Это меня не успокаивает. Нисколько.

— И ты здесь для того, чтобы защищать меня? Какого черта? Господи, просто скорми меня акулам, почему бы и нет!

Мои колени жутко болят, но я не произношу ни слово жалобы, потому что, давайте взглянем правде в глаза, Нокс не производит впечатления человека, которому есть до этого дело. Но я заметила, что его хватка немного ослабла, и также он идет намного медленнее. Мы останавливаемся, и я слышу шаги, но никто ничего не говорит. Слышится какой-то жужжащий механический звук, и я отпрыгиваю назад от испуга. Нокс сжимает мою руку, пытаясь меня успокоить. Хотя это больше чувствуется как угроза. Мы идем еще некоторое время, затем я слышу скрип открывающейся двери, и неожиданно, я могу видеть.

Ого! Где мы, черт побери?

Этот дом потрясающий. Я широко разеваю рот, когда Бу появляется у меня за спиной.

— Очень круто, да?

Я таращусь на нее и попросту киваю. Я встряхиваю головой, чтобы прояснить мысли. Мой голос низкий и тихий, когда я спрашиваю:

— Где мы?

Бу открывает рот, но Нокс прерывает ее:

— В конспиративном доме.

Больше похоже на конспиративный дворец! Я исследую комнату, в которой нахожусь. Она не такая большая, как в моем доме, но все равно большая. И милая. И просторная. Оглядываясь, я вижу современную кухню, укомплектованную мраморной столешницей, плиткой на шесть конфорок и духовкой настолько большой, что в нее поместилось бы три индейки ко Дню Благодарения. В столовой стоит стол из красного дерева на шестнадцать персон и под стать ему стулья.

Кто, мать вашу, приглашает к себе шестнадцать человек? Это не званый ужин, это долбаная фиеста.

Белые стены этого дома подтверждают, что его владельцы не планируют заводить детей. Люстры в центральном зале и обеденной зоне огромные и сверкающие. Потолки настолько высокие, насколько это возможно. Вся мебель потрясающая, сделанная из красного дерева. Это место бессмертно. Этот дом мог бы быть домом моей мечты. Он такой уютный и теплый. Я влюбилась в него. Поворачиваясь, я рискую и задаю вопрос, ответ на который я не уверена, понравится ли мне.

— Моя семья здесь?

Лицо Бу мрачнеет, и я уже знаю ответ до того, как Нокс озвучивает его:

— Нет, Лили. Вы остаетесь порознь. Ты не будешь связываться с ними, пока угроза, от которой мы тебя защищаем, не исчезнет.

Мое сердце запинается.

Сколько это будет продолжаться?

Я не рискую задавать еще один вопрос, ответ на который мне тоже не понравится. Выпрямляясь, я тру свои виски кончиками пальцев

— Пожалуйста, вы можете сказать, что здесь происходит? Почему я здесь? — даже мой голос звучит уставшим и напряженным.

Тишина. Я открываю глаза и смотрю на Нокса. Он осматривает мое лицо.

— Сперва поешь.

Слишком уставшая, чтобы спорить, я киваю и следую за ним.

Нокс

Это чушь собачья. Я на это не подписывался.

Только мельком взглянув на Делайлу Флинн, я знаю, я, черт побери, знаю, что она будет еще той проблемой. Как только она разбила вазу о голову Рикки, я понял, что облажался. Когда ты смотришь на нее, на ум приходит — слабый противник.

Ты видишь эту красивую девушку в теле девчонки-сорванца. Ее рост 5 футов 8 дюймов (прим. ред. примерно 172 см), одета в черные спортивные шорты чуть выше колен, желтую футболку с V-образным вырезом, которая велика ей на пару размеров и еле прикрывает живот, выставляя напоказ пупок, а также пару белых кроссовок.

Выбор ее одежды не соответствует ее внешности.

Она хорошенькая. А когда я говорю хорошенькая, то имею в виду красивая. И она этого даже не знает. Что не помогает мне ни на грамм. Ее длинные темно-рыжие волосы, затянутые в конский хвост, струятся по спине. Они густые и слегка волнистые. Ее лицо чистое, а кожа нежно-розовая. Она бледная. Как будто никогда не видела солнца, но это ей идет. Ее ярко-зеленые глаза обрамлены длинными темными ресницами. На ней нет даже намека на макияж. Она естественно красива. Но вернемся к волосам... эти чертовы волосы. Я никогда не видел ничего подобного им. Они густые и блестящие. У нее красивые волосы.

И это несчастье.

Когда у тебя работа, как моя, ты ожидаешь, что можешь получить контракты, которые время периодически могут тебе не нравиться. И каково решение? Выполнить их быстро и забыть. Мне много заплатили, я имею в виду МНОГО, чтобы я нянькался с мисс Делайлой Флинн так долго, как потребуется, поэтому, к сожалению, «выполнить быстро и забыть» — может не сработать.

Я очень сожалею о решении, которое принял. Мне не следовало браться за эту работу.

Без слов, я беру ее под руки и поднимаю Делайлу, чтобы усадить на кухонный стол. Она взвизгивает, затем говорит сердито:

— Ты наконец перестанешь таскать меня как мешок картошки!

Оставляя ее, я открываю шкафчик над буфетом, вытаскиваю оттуда аптечку и подношу ее к ней. В замешательстве она смотрит на аптечку, но ничего не говорит. Я поднимаю ее ногу и прислоняю ее стопу к своему бедру. Только тогда она видит ее содранные, покрытые кровью колени, бормочет:

— Конечно. Супер. Просто превосходно.

Боже милостивый, пожалуйста, дай мне силы самому не стать угрозой девушке, которую я пытаюсь защищать.

Эта маленькая женщина безжалостно разрушает мои нервы. С ее остроумными комментариями и возражениями, я сойду с ума здесь с ней. Особенно когда мне не разрешено выпускать ее из вида пока это все продолжается. И я не знаю, сколько это продлится. Насколько я знаю, угроза еще не была подтверждена.

В спешке я разрываю упаковку дезинфицирующей салфетки, и как только прикладываю ее к ее колену, она пронзительно кричит, затем прыскает со смеху, пытаюсь меня оттолкнуть.

— Нет! — она перестает смеяться и хмурится. — Нет. Отдай сюда. Я не люблю, когда люди трогают мои коленки.

Качая головой, я задумываюсь, почему она просто не сказала мне, что боится щекотки. Я отдаю ей салфетку, и она осторожно очищает свои колени, пока ссадины не станут чистыми. Я достаю два прямоугольных лейкопластыря и передаю ей. Она приклеивает их и спрыгивает со столешницы.

Вот дерьмо. Сейчас она действительно выглядит как ребенок. Ее содранные коленки и все такое. И я чувствую укол, что не встретил ее раньше. Я знаю, что она не несовершеннолетняя или что-то в этом роде, но, во-первых, это непрофессионально, а во-вторых, я на это не пойду, поэтому мне не следует даже думать о ней в этом ключе. Я никогда не завязывал отношения с людьми, которых защищал. Я абстрагируюсь насколько это возможно. Это сохраняет трезвый рассудок.

Бу выносит тарелку полную сэндвичей, затем извиняется и уходит. Она на дежурстве до полуночи, поэтому мы ее не увидим до этого времени. Как только Бу выходит, заходит Рок и запрыгивает на столешницу, бросая взгляд на Делайлу.

— Ты пытались вырубить меня, женщина.

От узнавания ее глаза расширяются. Ее рот набит сэндвичем, она проглатывает, прежде чем ответить:

— Я знала, что это ты был в моей комнате! Что это за хрень была, когда ты ужасно медленно качал головой? Конечно, я пыталась тебя вырубить, тупоголовый, ты же похитил меня!

— Эй, мы сделали это для твоей защиты. И кстати, хоть ты и смогла ударить меня по лицу, но у тебя слабый хук. У тебя только получилось разозлить меня, малышка. — Он ухмыляется.

— Я не слабая. Я безбашенная. — Она бросает на него сердитый взгляд и немного надувает губки. Это чертовски красиво. — И не называй меня малышкой.

Черт.

Рок поднимает ее руки вверх в боксерскую стойку. Она смотрит на него с широко распахнутыми глазами, полными интереса, когда он придает ее кулакам желанную форму. Она становится выше и имитирует его положение тела.

— Что тебе нужно делать, так это держать кулаки высоко, но не прямо перед своим лицом. Настолько высоко, чтобы ты могла отражать любые поступающие удары. Ты можешь не отразить их всех, но остановишь некоторые из них. Итак, все, что тебе нужно сделать это... — улыбаясь, Рок смотрит на меня. Его улыбка вянет, когда он ловит на себе мой недоверчивый взгляд. Прочищая горло, он наклоняется к Делайле и говорит: — Мы продолжим этот урок позже, — и затем он уходит.

Делайла смотрит на меня, пока заканчивает поедать свой сэндвич. Она говорит с набитым ртом:

— Может, ты перестанешь ходить вокруг да около и наконец скажешь мне, что происходит?

Беря другой сэндвич, я откусываю и смотрю на нее. Она закатывает глаза и откусывает от остатка своего сэндвича. Я должен показать этой девушке, что она не может ничего требовать от меня. Есть причины на то, почему я делаю все таким образом. Я не отчитываюсь ни перед кем, кроме своего начальника, Митча. Вопрос вертится у меня на языке, и я просто не могу удержаться и не задать его

— Почему тебе не нравится, когда тебя называют Делайла? Это красивое имя.

Она усмехается:

— Да уж, конечно, — она проглатывает последний кусочек своего сэндвича, прежде чем взять еще один. — Хорошо, значит, ты знаешь Библию, так? — я киваю. — В общем, всякий раз, когда мы ходили в церковь, и там было упоминание истории Далилы (прим. ред. — Далила — устаревшая форма имени Делайла) и Самсона, все тарацились на меня. И я имею в виду всех. Даже долбанного священника. Мне это не нравилось тогда и не нравится сейчас. Я предпочитаю Лили.

— Ну и что такого страшного с этой историей? — растерянно спрашиваю я. Я не религиозен, но моя мама да. Она надирала мне уши за незнание Библии. Мы были семьей, которая посещает церковь.

Вертя в руках свой сэндвич и избегая моего взгляда, она отвечает:

— Далила предала Самсона. Она практически была доносчиком. Она использовала свою сексуальность для своей выгоды и обманула Самсона. Она наблюдала, пока они унижали его и это паршиво, потому что Самсон был хорошим человеком. Единственное преступление, которое он совершил — это влюбился. И она его обдурила... просто использовала. — Она смотрит на меня, ее глаза горят. — Далила была шлюхой-золотоискательницей.

Я все еще в замешательстве.

— Но это же не ты.

— Я знаю, что это не я. Но это не остановило людей от того, чтобы смотреть на меня, будто мне суждено стать такой же как она. — Она зевает. — Пожалуйста, скажи мне, почему я здесь, чтобы я могла пойти спать.

Так как она не дает мне возможности закрыть эту тему, я решаю, что пришло время сбросить бомбу.

— В общем, Лили, кто-то пытается тебя убить.

4 глава

Камера, достойная короля

Лили

— Что? — я вскрикиваю и трясусь, моя грудь вздымается с каждым тяжелым вдохом.

Нокс потрясенно смотрит на мой всплеск эмоций. Он встает, вытягивая перед собой руки в успокаивающем жесте.

— Успокойся. Ты спросила, вот я и ответил, но ты услышала только одно долбаное предложение. Дашь мне закончить?

Так много мыслей проносится у меня в голове, но я не могу озвучить ни одну из них. Я киваю, и он выглядит немного более расслабленным.

— Твой отец связался с нами примерно месяц назад. Он попросил нас о защите твоей семьи после того, как кто-то анонимно послал ему угрозу. Угроза показалась мне ложной, поэтому я отказался от работы, но что-то настораживало меня. Несколько ночей назад, я взломал электронную почту твоего отца и увидел, что там были и другие присланные письма. Гневные письма и очередные угрозы. Я сразу увидел всю картину, независимо от угроз, отправляемых с нескольких адресов электронной почты. Я отказался от работы, потому что думал, что там было нечего делать, но когда увидел другие вещи, о которых он мне не рассказывал, то принял поспешное решение забрать тебя оттуда побыстрее. — В его голосе резкость, которую я раньше не слышала. — Ну, вот тогда мы и вломились в твой дом, и как ты это называешь, похитили тебя.

Я теряю дар речи. Через несколько секунд молчания, я быстро спрашиваю:

— Почему я ничего об этом не знала?

Нокс пожимает плечами.

— Я полагаю, твой отец не хотел тебя беспокоить. Я не виню его. Женщинам свойственно слишком бурно реагировать.

Мгновение я моргаю, прежде чем закричать:

— Кто-то пытается меня убить! По-моему, у меня есть право на бурную реакцию!

Он закрывает свое лицо руками и ворчит:

— Ну вот, опять начинается.

Тряся головой в неверии, я спрашиваю:

— Что именно было в угрозах?

— Одна угроза. Похищение и убийство мисс Делайлы Флинн. Только одна угроза, что повторялась несколько раз. — Он говорит это так, как будто читает меню. Без чувств. Без эмоций. Просто холодно.

Я растеряна.

— Почему меня? Я никуда не хожу. Я провожу дома девяносто девять процентов своего времени. Это не имеет смысла.

Нокс прислоняется бедром к кухонной столешнице.

— В общем, последние несколько дней слежки за тобой, которую я установил, показали мне, что твой отец опекает тебя больше, чем твою сестру. Я думаю, что это может быть как-то связано со всем этим. Но я могу ошибаться.

Он прав. Мой отец опекает меня сильнее, чем Теру. Я никогда на самом деле этого не

понимала. Когда я спросила родителей, могли пойти в колледж, отец разозлился. Он сказал, что рассчитывал на то, что хотя бы одна из его дочерей сможет взять на себя его бизнес, а Тера была не заинтересована в этом. Она уже училась в колледже. Из-за чувства вины я попросту была вынуждена проходить стажировку в «Флинн Логистикс». Я сдаю все дисциплины экстерном в офисе на складе и отсылаю их в институт профессиональной подготовки, чтобы выпуститься. Такое впечатление, что я обучаюсь на дому.

Я шепчу:

— Ты часто ошибаешься? — удерживая на себе мой взгляд, он качает головой. Я вздыхаю. — Этого я и боялась. — Затем я вспоминаю кое-что, что он говорил, и сердито смотрю на него. — Ты вел за мной слезку?

Он кивает.

— Да. Конечно, вел, дорогая. И не смотри на меня так. Ты бы никогда не узнала об этом, если бы я только что тебе не рассказал.

Он опять прав. Вот дерьмо. Складывая руки перед грудью, я спрашиваю:

— Откуда я знаю, что могу доверять тебе?

Маленькая улыбка поднимает уголок его губ

— Ты не знаешь. — Мои плечи опускаются в поражении, и он спрашивает уже серьезно: — Дал ли я тебе хоть какие-то основания подумать, что я хочу причинить тебе вред? Хоть какие-то намеки?

Как и всегда, мой рот открывается, прежде чем я успеваю подумать, что мне говорить:

— Ну, дай-ка подумать. Я занималась своими делами, а меня похитили и насильно удерживали. Потом мне завязали глаза и отвезли в место, которое я не уверена, что есть на карте. Затем я плюхнулась на колени, в то время пока меня... — я использую свои пальцы, чтобы медленно показать кавычки —...защищали. Сейчас я здесь и мне говорят, что я не могу увидеться или поговорить со своей семьей. Неопределенный промежуток времени. Ты даже не имеешь представления о том, какой вред ты уже нанес, Нокс.

Хотя я чувствую себя хорошо, после того как выпалила это, но как только я вижу, как Нокс злобным взглядом заставляет меня замолчать, то жалею о своем решении открыть рот. Слишком поздно для того, чтобы сейчас извиняться. Он наклоняется ко мне, пока мы не оказываемся почти нос к носу.

— У меня на уме сказать тебе, что именно ты можешь сделать со своими мыслями, Делайла, — он самодовольно ухмыляется, когда произносит мое имя.

От него приятно пахнет. Мои щеки горят. Последний раз на сегодня я пытаюсь попросить:

— Если бы ты только дал мне поговорить с моим отцом...

Но он обрывает меня:

— Нет.

Мои глаза жжет от непролитых слез, и я ненавижу себя за это. Я не осмеливаюсь моргать, потому что они обязательно прольются.

Ты так слаба, женщина. Отстранись от неприятных эмоций.

Опуская подбородок, я переминаюсь с ноги на ногу. Я не поднимаю взгляд, когда он говорит:

— Эта ситуация нравится мне так же сильно, как и тебе, Лили. Мы просто должны сделать все наилучшим образом. Я не нянька. — Я поднимаю голову на этот комментарий. Я близка к тому, чтобы назвать его отборными словами, когда он добавляет: — Не то чтобы я

считаю тебя ребенком. Потому что это не так. У меня никогда раньше не было такой работы, поэтому облегчи ее для меня, хорошо? Мы оба испытываем нечто новое здесь, и будет намного легче для всех нас, если нам удастся поладить. Мы будем проводить много времени вместе.

Мы будем проводить много времени вместе? Вот дерьмо.

Его глаза сверлят мои, он хмурится так, что я знаю — он ждет, что я скажу какую-нибудь гадость. Если бы я была больше собой, то, возможно, так бы и сделала. Но сейчас, я так чертовски устала, что сарказм ускользнул от меня. Это довольно-таки утомительно, если вы меня спросите. Мои глаза внезапно тоже стали тяжелыми. Я выдыхаю:

— Как скажешь, босс. Пожалуйста, можешь показать мне, где здесь моя комната? Мне нужно принять душ и поспать.

Он подходит ко мне и тянется за моей рукой, но я отступаю назад, и он хмурит лоб. Я говорю ему:

— Не делай этого. Я не собираюсь сбегать, и мне уже надоело, что меня таскают на руках. Просто сопроводи меня, пожалуйста.

Его рука до сих пор вытянута, он кивает и убирает ее, прежде чем обойти меня.

— Следуй за мной.

Поднимаясь за ним по лестнице, я ничего не могу с собой поделаться и осматриваюсь по сторонам. Все комнаты открыты и в идеальном порядке. Кровати заправлены, ванны сияют, а окна блестят. Это место красивое и дарит ощущение комфорта. Я полагаю, это действительно не имеет значения. Меня не одурачить. Я знаю, что это за место. Ты можешь обустроить тюремную камеру как захочешь, но это все еще камера. Кстати, говоря о камерах, мне нужно добраться до мобильного, и я знаю, что у Нокса он есть. Будучи лукавой, насколько это возможно, я невинно спрашиваю:

— Итак, а где спишь ты?

Его брови поднимаются в вопросе. Моментально осознаю, как этот вопрос может быть истолкован и заливаюсь румянцем, но ничего не говорю. Его взгляд падает на мои щеки, и он усмехается:

— Я сплю в западном крыле с остальными ребятами. Ты будешь в восточном крыле с Бу, так как она единственная девушка здесь. Мне следует предупредить тебя, что несмотря на это, ты не получишь много личного пространства, пока находишься здесь. Если я увижу, что твоя дверь закрыта, мне плевать, будешь ты полуголой или нет, я открою ее. Единственное место, где ты получишь немного уединения — это ванная комната, и время, проведенное в ней, я буду засекать. Ты предупреждена. Я не люблю запертые двери. Запертые двери в этом доме — выбиваются.

Мое сердце сжимается от этого заявления. Ох, мне действительно это не нравится.

Какой выбор у меня есть?

Я бы сказала никакой. Когда я прохожу перед одной из комнат, то останавливаюсь и глазею с открытым ртом. Нокс проходит мимо меня дальше по коридору и объявляет:

— Это твоя комната.

Очевидно, заметив, что я уже не иду за ним, что занимает у него некоторое время, он разворачивается, подходит ко мне и прочищает горла прямо за моей спиной. Я не смотрю на него. Я не могу. Буквально. Я мотылек, летящий на пламя. Эта комната... прекрасна. Я нашла свое временное счастливое место. Я чувствую его любопытный взгляд на себе и отвечаю на его немой вопрос

— Она прекрасна. — Это выходит напряженным.

Глядя поверх моей головы на комнату, Нокс вздыхает. Не раздраженный вздох, а больше расслабленный.

— Да, мне тоже она нравится.

Книги повсюду. Они выстроены в ряды на стенах. Я не говорю о паре книжных шкафов, а о стенах от начала до конца забитых книгами. И это совсем не маленькая комната, ее можно сравнить с залом для торжеств. Стены действительно забиты полками, и я не вижу на них свободного места. Я с трепетом интересуюсь вслух:

— Как ты думаешь, сколько здесь книг?

В его голосе проскакивает намек на веселье, когда он отвечает:

— По меньшей мере, десять тысяч.

Обалдеть.

Слегка нерешительно, я держусь за дверную раму и с трудом произношу

— Ничего себе.

Я знаю, что это весьма необычно для людей быть такими взволнованными из-за книг. Но если вы книголюб, вы меня поймете. Мне не нужны фильмы. Мне не нужен телевизор. Но книги... я не могу жить без них. Книга для меня лучше любого фильма. Все что мне нужно — это хорошая книга, мое воображение, и я на свободе. Я в книжном раю. И спасибо Господу, это может быть единственным, что не даст мне сойти с ума, пока я здесь.

— У тебя будет уйма времени для чтения, пока ты здесь. Давай. — Своими руками, опущенными на мои бедра, он толкает меня вперед. Я оборачиваюсь в дверном проеме в последний раз и одним ртом произношу в пространство комнаты: «Я люблю вас».

Ох, к черту сон. Мне необходимо исследовать эту комнату, как только я приму душ.

Он сжимает мои бедра, чтобы я остановилась, и толкает меня влево в спальню.

Она прекрасна.

Веселье исходит от Нокса волнами. И я понимаю. Он думает, что я возненавижу эту комнату. Ну, выкуси, дружок, потому что это не так. Я знаю, что могу не выглядеть как девочка-девочка, но по правде, я совсем не против этих штучек, просто обычно этим не озабочена. Как правило, я настолько занята на работе, что все, что хочу сделать, когда окажусь дома, так это свернуться на своем диванчике с хорошей книжкой.

Чтение превосходит всё.

Время от времени, мне нравится слушать музыку на моем mp3-плеере, но у меня нет его с собой, поэтому, полагаю, чтение — это всё, что мне остается. И я принимаю это. С удовольствием.

Проходя вперед, я падаю лицом вниз на свою кровать с глубоким вдохом. Перевернувшись на спину, смотрю на потолок мягкой розовой кровати с балдахинном. Окно было оставлено открытым, без сомнений, чтобы попытаться избавиться от затхлого запаха нежилой комнаты, и я вижу, как ветер колышет прозрачную занавеску.

Мне действительно нравится эта кровать.

Приподнявшись, я оглядываюсь в своей новой комнате. Она простая. Опрятная. Похожа на мою старую комнату в доме, который мне нравится называть «нормальным», конечно, в котором мы жили, прежде чем отец перевез нас в большой особняк, который официально известен как Алькатрас версия 2.0. (прим. ред. героиня сравнивает дом с тюрьмой Алькатрас — сверхзащищенная тюрьма для особо опасных преступников и тех, кто совершал попытки побега из предыдущих мест заключения. В настоящее время тюрьма расформирована, остров

превращен в музей)

Еще есть открытая дверь, которая, как я вижу, ведет в сияющую ванную комнату с душем. Рядом с кроватью стоит белая деревянная прикроватная тумбочка, также здесь есть небольшая гардеробная и маленький белый комод, которые неожиданно напоминают мне кое о чем, и я говорю:

— Мне нравится комната. Спасибо. Но что я буду делать с одеждой?

Нокс смотрит на меня, его брови нахмурены. Его молчание больше похоже на вопрос. Я ненавижу то, что он оказывает такой эффект на меня, ничем — только лишь взглядом. Черт. Я опускаю свой взгляд, и слышу, как он входит в комнату. Скрипящий звук открывающегося ящика комода заставляет меня посмотреть наверх.

Комод полон одежды. Зная Нокса такой короткий промежуток времени, я бы сказала, что он достаточно опытный, чтобы подобрать одежду именно того размера, который мне нужен. Глядя ему в глаза, я выпаливаю:

— Как давно ты знаешь, что будешь меня здесь удерживать?

Я жду ответа, но, конечно, ответом на мой вопрос опять служит странный взгляд в мою сторону.

Боже, от этого парня у меня мурашки по коже.

Прочищая свое горло, я встаю.

— Ладно, в общем, я собираюсь принять душ сейчас, так что если ты не против... — я жду, пока он поймет намек и уйдет.

Но он не уходит.

Я пробую еще раз:

— Принятие душа стартует приблизительно через одну минуту, Нокс. — И он все еще не двигается с места. Неожиданно я нервничаю. Широко раскрыв глаза, я подхожу ближе и шиплю: — Ты не войдешь в ванную, пока я буду принимать душ!

К счастью, я замечаю, что его губы дернулись, подтверждая, что он действительно человек, а не робот. Он делает шаг вперед, прежде чем останавливает себя и делает два шага назад по направлению к двери, все это время глядя на меня. Как только он оказывается за пределами моей комнаты, я облегченно вздыхаю. Он кричит из коридора:

— Десять минут, дорогая.

Я морщу нос и ступаю в ванну. Как только я закрываю дверь, то слышу, как он вновь кричит:

— Или я за тобой приду.

Включая горячую воду, я вздыхаю.

Я выберусь отсюда.

Выходя из душевой, я оборачиваю полотенце вокруг своего тела, настолько туго, насколько могу. Покинув ванную, я таращусь на дверь и размышляю, как долго смогу быть предоставлена самой себе, прежде чем дверь распахнулась бы. Я решаю провести эксперимент. Я называю этот эксперимент — «Вечеринка в плену».

Подходя к двери, я закрываю ее, не торопясь, так чтобы не издать ни звука. Как только она закрывается, я открываю ящик комода, вытаскиваю простые белые трусики и подходящий к ним простой бюстгальтер, отрываю бирки, затем проскальзываю ногами в

трусики.

Как только собираюсь натянуть их по своим ногам, дверь с размахом открывается. Я вижу нахмурившегося Нокса, но как только он замечает положение, в котором я нахожусь, его сердитый взгляд исчезает, а на смену ему приходит широко разинутый рот.

Я смущена. Но выражение его лица подсказывает мне, что он, возможно, также смущен. Может, даже больше. И я, несомненно, получила результаты своего эксперимента. Пытаясь подавить румянец стыда на лице, но безрезультатно, я прочищаю горло и проверяю свои часы. Кивая с поджатыми губами, я ехидно говорю:

— Сорок секунд, плюс-минус. Неплохо Нокс.

Широко раскрыв глаза, с нахмуренными бровями, он поворачивается на пятках и выходит из моей комнаты, оставив дверь широко открытой. Не прошло и секунды, как он возвращается и закрывает дверь почти на защелку, оставляя лишь на дюйм открытой. И я самодовольно ухмыляюсь. Натягивая свои трусики под полотенцем, я хихикаю.

По-моему, я выиграла этот раунд.

5 глава

Жить надоело

Лили

Сидя в библиотеке, натянув самую большую, самую идиотскую улыбку, на которую способна, я убеждаюсь, что это рай. Очень жаль, что мне придется покинуть это место. И скоро. Нокс говорит, что он защищает меня, но я не могу ему доверять.

Я не буду ему доверять.

По правде говоря, со мной не обращались плохо за то короткое время, которое я здесь находилась, но я ничего не могу поделать с чувством, что меня одурачили. Если бы он только дал мне поговорить с отцом или с сестрой, мне бы не пришлось делать то, что я сейчас делаю.

Я беру с полки три книги и иду обратно в свою комнату. В течение всего вечера я беру маленькие порции еды и воду в бутылках и прячу это в наволочку, спрятанную на дне моего шкафа.

На часах показывает 11:51 вечера, когда Нокс появляется в дверном проеме, проверяя обстановку, как он делал весь вечер. Я смотрю на него и заставляю себя зевнуть.

— Я думаю, что пойду спать. Сегодня был длинный день.

На секунду он выглядит сочувствующим, прежде чем кивает и мрачно говорит:

— Спокойной ночи. — Он ждет, пока я скольжу под одеяло, и выключает свет, затем закрывает дверь почти полностью. Я слышу, как он идет по коридору, и погружаюсь в темноту, когда он выключает свет там тоже. Сейчас мне просто нужно быть уверенной, что я не усну.

Я жду, и жду, и жду настолько терпеливо, насколько могу. Проходит почти час, прежде чем я слышу звук шагов по коридору. Как только дверь скрипит, я заставляю себя дышать глубже и ровнее, как будто сплю. Дверь остается открытой достаточно долго, и я слышу, как он вздыхает, опять закрывая дверь почти полностью. Мое сердцебиение ускоряется от звуков, удаляющихся от моей комнаты, шагов.

Время пришло.

Я вскакиваю с кровати и тихо как мышка крадусь на цыпочках, и протягиваю руку к задней части шкафа за своей наволочкой для побега. Я крадусь к двери и прислушиваюсь.

Ничего. Ни единого звука. Я могу идти.

Я аккуратно толкаю дверь, настолько близко к дверной раме, насколько это возможно, затем подхожу к окну. Я знаю, что Нокс поселил меня на втором этаже по определенной причине. Бьюсь об заклад, что он никогда бы не подумал, что я из разряда тех, кто лазил по деревьям, когда была помоложе. Так я сломала руку в детстве. Она очень сильно болела. Как можно медленнее открывая окно, я упираюсь рукой в сетку для насекомых и толкаю. Сильно. Внезапно она вываливается с незначительными усилиями, и я усмехаюсь.

Не слишком защищено для конспиративного дома.

Беря свою наволочку с продовольствиями, я ступаю на карниз и осматриваюсь вокруг.

Водосточная труба справа.

У меня ускоряется сердцебиение, пока я волочу ноги и хватаюсь за сталь, окрашенную белой краской. В действительности мне не совсем нравится высота. Я пытаюсь крепко

ухватиться за водосточную трубу, но мои руки вспотели настолько сильно, что я не могу хорошо схватиться.

Мне интересно, что произойдет, если я упаду? Я приземлюсь на свои ноги?

Я думаю, что это прекрасный способ сломать себе ноги. Ты не кошка. Ты же знаешь это, правда?

Хммм. Правда. Я закрываю глаза и пытаюсь успокоить себя, делая глубокие вдохи.

«Сейчас или никогда. Не будь трусихой, просто сделай это».

Хорошо. Я вытираю свои руки от пота и сжимаю трубу снова. Поднимая одну ногу в кроссовке, я проверяю хватку — смогу на нее взобраться. Неплохо. Но и не прекрасно тоже. Я начинаю спускаться вниз, тихо бубня:

— Нога. Рука. Нога. Рука.

На полпути вниз, я улыбаюсь, когда осознаю, что почти на месте. Как только я уже мысленно радуюсь, моя хватка слабеет, глаза широко открываются и из уст вылетает:

— Вот дерьмо.

Затем я падаю назад и почти чувствую, как время останавливается. Всё происходит как в замедленной съемке. Такое ощущение, что проходят часы, прежде чем моя спина оказывается на земле. Глухой стук дребезжит у меня в мозгу. Я хриплю и сгибаюсь пополам.

Я еле перевожу дух.

Черт побери!

Слезы застилают мои глаза, а тело пульсирует от боли. Давление нарастает у меня в ушах, и я задыхаюсь, прежде чем наконец-то опять могу сделать вдох. Тряся головой, я встаю на дрожащих ноги, осматриваюсь вокруг и затем бегу. Я бегу быстро, и тяжелая наволочка шлепает меня по спине при каждом шаге, отдаляющем меня от дома. Мое награбленное добро для побега неожиданно ощущается все тяжелее и тяжелее. В панике я отбрасываю его в сторону и бегу быстрее.

Мое сердце падает в желудок, когда вдали я вижу стену.

Очень высокая стена. Возможно, высотой в двенадцать футов (прим. ред. примерно 3,66 м).

Вот дерьмо!

Я бегу вдоль стены, смотря, есть ли здесь что-то вроде выхода. Мое сердце быстро стучит, лицо вспыхивает от раздражения.

Нет. Нет. Нет!

Это не должно было случиться! Мне нужно выбраться отсюда.

Я приближаюсь к месту, которое судя по всему должно быть единственным выходом из этого дома и, черт побери, там люди. Двое мужчин внутри маленькой комнатки сидят и разговаривают во время просмотра чего-то вроде системы скрытого видеонаблюдения. Вот черт. Я и не думала, что здесь могут быть камеры. Я не учла это. Я выпрямляюсь и бегу вперед в противоположном направлении к задней части дома. Это занимает примерно четыре минуты напряженного бега. Дом чертовски большой.

Я потею. Я расстроена и почти готова сдать, когда ангелы напевают мне на ушко. Ворота. Вот эти долбанные ворота! Спасибо, Господи!

Широко улыбаясь, я кладу руку на рукоятку рычага и опускаю его вниз.

Глухой звук.

Черт! Нет! Нет!

Долбанные ворота закрыты! Мое горло сжимается, и я с трудом всхлипываю, в то время

как снова и снова быстро и сильно давлЮ на рукоятку рычага, будто бы это каким-то образом заставит ворота отпереться. Слезы катятся по моему лицу, и я решительно киваю. Остался только один выход.

Вскарабкаться на стену.

Высоко закидывая ногу на рукоятку рычага ворот, я взвизгиваю, когда что-то хватается за мой конский хвост так же сильно, как и за пояс моих штанов, и тянет меня назад. Вытягивая руку, я хватаюсь за сильную руку, которая до сих пор жестко держит мой хвост. Меня волочат как чертову собаку. Мой рот раскрывается и оттуда извергается брань:

— Отцепись от меня, ублюдок! Я знала, что ты полон дерьма! Защищай меня и мою задницу!

Неожиданно за волосы меня бросают к веранде. Кожа головы пульсирует. Я смотрю вверх и почти мечтаю, чтобы я этого не делала. Разъяренный Нокс стоит передо мной. Сквозь стиснутые зубы он шипит:

— Заходи в чертов дом, Лили.

Стоя на неустойчивых ногах, я выпрямляюсь настолько высоко, насколько могу и шепчу дрожащим голосом:

— Нет.

— Заходи в дом. — Его щека дергается.

Немного жестче, я повторяю, мой голос напряжен:

— Нет.

Вены на его шее вздуваются, когда он рычит:

— Заходи в чертов дом!

Все мое тело дрожит от шока, и я крепко зажмуриваю глаза. Поднимая свои сжатые кулаки к вискам, я визжу:

— Нет! Ты не сможешь меня заставить!

Мой нос пощипывает, и я ненавижу себя за желание ощутить сладкое освобождения от слез, что готовы вот-вот политься.

Мягкая рука нежно сжимает мое плечо. Я слышу, как Бу говорит Ноксу:

— Иди. Я приведу ее в дом.

Руки Бу нежно убирают кулаки от моей головы. Она воркует:

— Давай, Диди. Пойдем в твою комнату и немного поговорим.

Я опустошена и просто хочу домой. Я давлЮсь от рыданий.

— Я просто хочу поговорить со своим отцом.

Бу кивает.

— Хорошо. Дай мне поговорить с Ноксом. Я сделаю все что смогу, но, — она осторожно осматривается по сторонам, — ты видела его. Если он скажет «нет», значит это нет.

Обнимая меня за талию, она ведет меня вверх по лестнице в мою комнату. Я слишком истощена, чтобы спорить и поэтому позволяю ей вести меня осторожно, но решительно. Как только мы добираемся до моей комнаты, я резко бросаюсь на кровать, и она хихикает.

— Итак, ты перещеголяла Макгайвера, да?

Моя верхняя губа дергается, и я испытываю безумное желание прыснуть со смеху. Я объясняю:

— Ну, нет. Если бы я была Макгайвером, я бы точно сбежала. Макгайвер — сорвиголова.

Бу обходит кровать и ложится на нее рядом со мной.

— Ты знаешь, я была безумно влюблена в Мкгайвера, когда была моложе. Я не знаю было ли это из-за его остроумия или его шелковистой блондинистой стрижки из 80-х, но, — она вздыхает, — я действительно сходила по нему с ума.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Хоть его шелковистая стрижка весьма соблазнительная, я думаю, дело было в его оторванности, которая мне нравилась больше всего.

Бу моргает.

— Оторванность? Что это еще такое?

Я пялюсь на нее.

— О, да ладно тебе! Он мог использовать что-то обычное и сделать из этого нечто выдающееся. Он был задиристый!

Ее брови поднимаются, и она кивает.

— Задиристый. Мне нравится.

Мы погружаемся в неловкую тишину. Я пялюсь на нее, пока она пялится на меня. Не в силах больше выдерживать тишину, я выпаливаю:

— Я не сожалею о том, что сбежала. Я буду делать это снова и снова, до тех пор, пока не поговорю со своим отцом. Это простая просьба, и если вы действительно защищаете меня, тогда это не должно быть проблемой.

Бу выглядит так, будто оправдывается.

— Мне жаль, Диди. Это не мой выбор. И я знаю, что это ничего для тебя не значит, но я обещаю тебе, что нет никого лучше, чем Нокс, чтобы защитить тебя. Я работала с достаточным количеством человек и у него лучший показатель успешности, независимо от миссии.

Я смотрю на нее.

— Что бы ты делала, если бы была на моем месте?

Ее глаза искрятся, когда она хитро улыбается.

— Я бы убежала.

Вау. Я практически остолбенела от ее честности. Она открывает рот, чтобы заговорить, когда смотрит поверх меня и быстро приподнимается. Она сдвигается, чтобы встать возле кровати, и я смотрю на нее.

— Он за моей спиной, не так ли?

Она ничего не говорит, но выглядит сожалеющей. Без слов, она покидает меня, оставляя лежащей на кровати с Ноксом в дверях. Он, как и я, не говорит ни слова. Я отказываюсь оборачиваться, чтобы посмотреть на него. Молчание становится все более осязаемым, когда я слышу громкий удар, сопровождающийся треском. Мое любопытство берет верх, и я оборачиваюсь.

Я не могу в это поверить!

Он принес с собой кресло-качалку и расположил его таким образом, что оно полностью блокирует дверной проем. Он садится на него, осторожно качаясь, при этом продолжает молчать. Его холодный взгляд заставляет меня протестовать.

Ах, ты засранец!

Сообщение понятно.

Я потеряла ту маленькую частичку свободы, которая у меня была, после моего маленького трюка. Я щурю глаза и фыркаю:

— Я тебя ненавижу.

Он медленно кивает.

— Отлично. Это упростит мою работу.

Я щурю глаза, и он говорит весело с коварной ухмылкой:

— Спокойной ночи, Делайла. Сладких снов.

Подняв свою руку, он щелкает выключателем, и я отбрасываю одеяло, и ложусь под него, делая это настолько шумно, насколько могу, чтобы показать свое недовольство. Приподнявшись, я стискиваю зубы и выбиваю весь дух из подушек. Опуская свою голову назад со свистом, я плююсь на потолок и молча фантазирую, что бы я хотела сейчас сделать с Ноксом.

Кресло-качалка скрипит с миллисекунду, и я произношу:

— Шшшшшш!

Нокс вздыхает

— Засыпай, Лили.

Я тихо насмехаюсь.

— Ты не можешь говорить мне, что делать.

— Да, я могу.

— Нет, ты не можешь. Ты думаешь, что можешь, но это не так. Это иллюзия.

И это была соломинка, которая сломала спину верблюда. Кресло-качалка скрипит от остановки, и он встает.

— Тебе, мать твою, нужно повзрослеть, дамочка. Прекрати вести себя, будто ты гребаный ребенок.

Тотчас же я шиплю:

— Ты не оставил мне выбора! Я не знаю, правда ли все то, что ты мне говоришь, и в действительности сейчас у меня нет ощущения того, что меня защищают. Я схожу с ума от незнания того, что сейчас с моей семьей. Если бы ты хотя бы позволил мне позвонить моей сестре...

Он меня обрывает:

— Этого не произойдет.

— Я снова сбегу.

— Значит, с этих пор ты будешь спать со мной. Удачи тебе со всеми твоими шпионскими штучками.

Вот дерьмо. Я не хочу, чтобы Нокс был моим соседом по кровати.

Тишина окутывает нас обоих. Темнота успокаивает. Как только мой разум начинает блуждать, Нокс тихо спрашивает:

— Тебе жить надоело? — я ничего не отвечаю, и он продолжает: — Кто-то хочет твоей смерти, и твой отец заплатил кучу денег, чтобы быть уверенным в твоей безопасности. И как только я немного расслабляюсь по поводу тебя, потому что, эй, ты производишь впечатление порядочного человека, ты пытаешься сбежать, прокрадываясь вокруг, как долбаный секретный агент и делая это дерьмово.

Мой разум застрял на той части, где он думает, что я порядочная.

Он устало вздыхает.

— Ты хотя бы можешь представить, что могло бы произойти? Ты знаешь, что будет, если ты умрешь? — мои глаза наполняются слезами. Я не говорю ни слова, но Нокс упрощает: — Подумай о последствиях, ради Бога. Подумай о своей семье. Что они будут

чувствовать?

Слезы катятся по моим щекам. Нокс тихо спрашивает:

— Ты знаешь, что это сделает с ними?

Мое сердце замирает.

Я тихо плачу. Я просто хочу забыть обо всем этом. Возможно, если я усну, то проснусь дома, и всё это будет просто сном, как Дороти, возвращающаяся из страны Оз.

Он прочищает горло.

— Я никогда никого не терял из-под своего наблюдения. Если с тобой что-то случится, я проведу остаток своей жизни, задаваясь вопросом, что же я мог бы сделать иначе, чтобы сохранить тебе жизнь. Раны такого рода... раны в сердце... они оставляют после себя уродливые шрамы, которые никогда не исчезнут. — Затем он почти шепчет: — Прости меня за то, что я потянул тебя за волосы. Я запаниковал и сделал то, что должен был, чтобы удержать тебя от огромной ошибки. Твоя безопасность — это всё. — Прочищая горло еще раз, он заявляет: — Этого больше не повторится. Поспи немного.

И вот тогда я принимаю решение больше никогда не сбежать от Нокса.

Используя рукав своей хлопчатобумажной рубашки, я вытираю слезы и сопли и поудобнее устраиваюсь в кровати. Я дышу глубоко и медленно выдыхаю.

Я засыпаю, думая, что буду делать всё, что смогу, чтобы извлечь максимум хорошего из этой ситуации.

Я просыпаюсь, чувствуя себя отвратительно. У меня отекает лицо и воспаленные глаза. Я уверена, что они славного оттенка красного, что соответствует моему унижению из-за вчерашней ночной выходки.

Оборачиваясь, я смотрю в сторону двери и вижу, что Нокс ушел.

Отлично. Было бы жутко так проснуться.

Остаться в постели, кажется мне хорошей идеей. Я натягиваю одеяло на свою голову и лежу в своем маленьком коконе притворства. В этом коконе, я могу быть, где бы я ни захотела. В любой точке мира. Дьявол, я даже не буду ограничивать себя миром! Неверленд, Страна чудес и Луна — все великие места.

Все эти места хороши, но мои мысли возвращают меня назад к моей семье.

Одеяло откидывается, и Рок стоит рядом, смотря на меня грозным взглядом, с упертыми по бокам руками

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты сумасшедшая?

Я медленно киваю в знак согласия, и его лицо немного смягчается.

— Ну, так оно и есть. Черт, ты не казалась такой глупой. Даже не думай, чтобы опять так поступить, Лили. Это был дерьмовый поступок. — Проводя рукой по волосам, он вздыхает и спрашивает: — Ты голодна?

Ни капельки.

Соскальзывая с кровати, я надеваю халат, который висит на двери, и спускаюсь с Роком вниз на кухню, чтобы застать Бу, которая стоит у плиты и уже готовит яичницу. Я особо много не ела за последние два дня и знаю, что мне следовало бы быть голодной, но это не так. Я уверена, что это как-то связано с событиями последних нескольких дней. Мысль о том, чтобы сделать что-то обиденное, например, как принятие пищи, скручивает мой

желудок. Бу поворачивается и улыбается:

— Эй, Ди, я только что приготовила завтрак. Я знаю, что ты, должно быть, голодна.

Не желая спорить, я просто киваю, и она накладывает в тарелку яйца, бекон и тост. Еда выглядит превосходно, но я просто ее ковыряю.

Это же чертов бекон. Я обожаю бекон.

Я поднимаю взгляд, как раз, чтобы увидеть немой разговор глазами между Роком и Бу. Они оба поворачиваются ко мне и тотчас же понимают, что попались. Рок мягко подталкивает:

— Ну, давай же, Лили. Кушай, малышка.

Перемешивая еду вилкой, я делаю целое шоу из того, как силой засовываю немного яиц себе в рот. Яйца мягкие и их легко глотать. Я боюсь, что бекон не будет так же легко проглотить. Отодвигая свою тарелку от себя, я шепчу:

— Пожалуйста, прошу меня извинить. — Не ожидая ответа, я встаю на слабые ноги и веду свой длинный путь назад к себе в комнату.

Быть здесь счастливой, кажется, будет тяжелее, нежели я думала. Я останавливаюсь в библиотеке и надеюсь, что моя любовь к книгам поможет мне пережить это тяжелое время. Выбирая немного классики, я прижимаю книги к груди и иду назад к себе в комнату.

Когда я выхожу в коридор, я вижу Нокса в противоположном конце коридора. Мы оба прекращаем идти и пялимся друг на друга. Он смотрит на книги, которые я прижимаю к груди так, будто бы они сделаны из чистого золота. Я опускаю подбородок и иду в свою комнату. Ведя себя как маленькая, я закрываю дверь с легким хлопком. Моя остроумная реплика уже готова, я жду, когда озлобленный Нокс распахнет дверь с угрозами выбить ее.

Но он не приходит.

Нокс

Как я мог облажаться с этой работой так быстро — это выше моего понимания.

— Ты напортачил, брат. — Я поднимаю взгляд, и вижу, что дверь в мой офис загорожена двумястами фунтами тупости (прим. ред. примерно 90 кг). — Тебе не следовало поднимать на нее руку.

Я знаю это. Мне не следовало. Я облажался. Сильно. Когда у вас нет полного доверия с подзащитным, у вас будут проблемы. Время идет. Больше не в состоянии молчать, я печатаю без остановки на своем ноутбуке и говорю ему рассеянно:

— Я уже извинился.

Рок отталкивается от дверного проема и садится в кресло напротив меня.

— Ты не видел ее этим утром, чувак. Она думает об этом. Переживает слишком сильно. Почему бы не дать ей поговорить с ее отцом только на минутку? Или с ее сестрой? Бл*дь, да хотя бы с ее матерью! Просто дай ей хоть что-то. — Я пристально смотрю на моего друга, когда он молит. — Хоть что-то, чувак. Она разваливается на части.

У Рока есть сестры и, будучи итальянцем, он чересчур опекал их. Он ненавидит видеть, как женщине больно. Вы бы никогда об этом не подумали, глядя на него, но этот парень не умеет скрывать своих чувств. Мы познакомились в день моего первого задания. Это было и его первое задание тоже. Когда он мне представился, я подумал, что он будет бесполезным.

Не может такого быть, чтобы парень, который улыбается и шутит так много, как он, будет полезным союзником на поле боя.

Насколько же я ошибался?

Не прошло и пятнадцати минут, как на нас напали, и другие члены нашего подразделения умирали один за другим. На долю секунды я запаниковал и опустил свое оружие, чтобы посмотреть на разрушение, окружающее меня. К моменту, когда я осознал, что кто-то был за моей спиной — было уже слишком поздно. Я поднял руки вверх, сдаваясь, в то время как парня вырубил.

Рок.

Никогда не видел кого-то, кто делает полноценный разворот на сто восемьдесят градусов, как он. Я клянусь — у него расщепление личности. Он может быть тебе лучшим другом, худшим врагом, философом и юмористом в одном лице.

Рок призывает:

— Ну, давай же, мужик. Это же просто звонок.

Печатаю без остановки, я холодно бросаю ему?

— Этого не произойдет.

Качая своей головой, очевидно, разочаровавшись во мне, он встает и покидает мой офис. Как только он выходит, я откидываюсь на кресле и вздыхаю.

Мне никогда не следовало браться за эту работу.

6 глава

Несчастливая

Лили

Три дня. Прошло три дня со времени моей попытки побега, и я начинаю чувствовать себя как зверь в клетке. Ну, это неправда. В любом случае не совсем правда.

Я чувствую себя как этот белый, светящийся пришелец из фильма «Кокон: Возвращение», которого забрали в лабораторию на берегу океана и проводят на нем опыты, но из-за того, что его забрали так далеко от того, что для него норма, его здоровье начинает ухудшаться, и он теряет свой свет.

Да уж. Это довольно точное объяснение.

Я — Антарон, который потерял свой свет.

Я не в состоянии съесть больше горстки еды каждый день. Я подавлена и знаю это. Это как будто переезжаешь из одной тюрьмы в другую. Вернее тебя переносят. Я чувствую себя слабой. И одинокой. Я сама не своя. Быть беспомощной — это дерьмовое ощущение. Самые пустяковые вещи становятся подавляющими.

Нокс приходит в мою комнату каждую ночь, ставит кресло-качалку в дверях и смотрит, как я сплю. Будто бы я опять попытаюсь сбежать. У меня даже нет сил, чтобы попытаться.

Я настолько сильно устала.

Рок и Бу по очереди пытаются заставить меня поесть. Я вижу, что они переживают. Мне бы хотелось, чтобы мне было дело до того, чтобы их осчастливить. По крайней мере, они относятся ко мне как к человеку. Не так как Нокс. Он относится ко мне как к заключенной.

Трудно не смеяться в присутствии Рока. Он такой клоун. У него всегда есть шутка, чтобы рассказать или сделать что-то настолько сильно смешотворное, что ты ничего не можешь с собой поделаться, кроме как посмеяться над ним. Прошлой ночью он пытался высушить свои носки в микроволновке.

Да уж.

Тогда Бу на него накричала. Она сказала ему, что духовка подошла бы лучше.

Да уж.

Даже не знаю, с кем я живу.

Они не совсем плохие люди. Сейчас, когда я перестала бояться их, вижу, что они не так и плохи. Хотя они непреклонны. С той ночи, когда я пыталась сбежать, и у нас с Бу состоялся маленький разговор о том, что нет лучше человека, чем Нокс, чтобы защищать меня, я разрываюсь.

Моя голова говорит мне не доверять им, но сердце умоляет рискнуть. У меня не было друзей на протяжении долгого времени. А зависание с Роком и Бу... это почти как дружба.

Нокс скрывается в тени на заднем плане. Призрачное проявление очевидной защиты. Бу и Рок выводят меня из моей комнаты в гостиную, чтобы посмотреть с ними телевизор. И там всегда он, сидит за барной стойкой, печатая без остановки на своем ноутбуке, поглядывая на нас, когда он думает, что никто не смотрит.

Но я смотрю. Всегда смотрю.

В чем его проблема?

Бу и Рок разговаривают, хорошо, они спорят, а я слушаю, пока Нокс разглядывает нас

через нахмуренные брови. Они всегда пытаются включить меня в свой разговор... хорошо, спор, но все эти дни мне было мало что сказать.

Нокс натолкнулся на меня вчера, и я пошатнулась, он поддерживал меня за бедра своими большими руками. Я тихо пробормотала:

— Мне очень жаль, я тебя не видела.

И он посмотрел на меня так, будто бы я утратила свой чертов разум. Иногда я думаю, что это может быть правдой.

Схожу с ума, а именно очень медленно.

И вот я здесь, лежу в постели в два часа дня, пытаюсь еще больше не потерять и так уже потерянный рассудок. Даже чтение уже не помогает.

У меня постоянно сжимается живот, мое тело неподвижно, в голове стучит, зубы стиснуты. Напряженность натянула меня сильнее, чем струну.

Стук в дверь выдергивает меня из мыслей в моей голове. Быстро поднимаю голову, она кружится, и я кладу руку себе на лоб, чтобы прийти в норму. Немного встряхивая головой, я вижу, как Бу стоит с обеспокоенным выражением лица.

— Ты в порядке, Диди?

— Все хорошо, спасибо. Просто немножко устала, — я быстро отвечаю.

— Плохо спишь?

Сон? Что это? Проводя рукой по запутанным волосам, я говорю:

— О, нет. Не так чтобы очень. Что такое?

Бу протягивает тарелку со сложенными на ней сэндвичами, чипсами и фруктами. Выглядит восхитительно, но мой желудок сразу сжимается. Похоже, это будет очередная впустую потраченная еда.

Притворно улыбаясь, я говорю ей:

— Спасибо тебе. Выглядит замечательно.

Я не хочу быть злой с Бу, она единственная кто была добра ко мне, и хотя я возмущена тем, что меня здесь держат, она не заслуживает моей стервозности. Поднимаясь, я с улыбкой беру тарелку и кладу ее на тумбочку. Ее лицо хмурится, когда она спрашивает:

— Ты не голодна? Ты мало ела последние несколько дней. Возможно, еда поможет от твоей усталости.

Все еще растягиваясь в притворной улыбке, я лгу:

— Да, конечно. Я скоро поем. Еще раз спасибо.

Открывая книгу, я не поднимаю взгляд снова. Я слышу, как она уходит, и мое тело немного расслабляется. Не проходит и пяти минут как в дверях появляется сердитый Нокс.

Обходя тумбочку, он берет тарелку и сует ее мне под нос.

— Ешь.

Я мысленно вздыхаю. Я не хочу сейчас иметь с ним дело. Беря тарелку, вежливо произношу:

— Спасибо, но я не слишком голодна сейчас и поем позже.

— Чушь собачья.

Моя голова поднимается.

— Прошу прощения?

Он наклоняется ближе ко мне

— Я сказал «чушь собачья».

Не будучи уверенной что ответить, я опускаю голову назад к своей книге и

притворяюсь, что читаю. Нокс продолжает:

— Я понимаю, что ты не слишком голодна. Это логично. Вообще-то это вполне нормально в данной ситуации. Но я называю чушью собачьей изменение в поведении. Что это еще за «спасибо» и «пожалуйста»? Это не та вспыльчивая девушка, которую я встретил неделю назад и уж точно не девушка, за которой я вел слежку. Что с ней произошло?

Мое тело еще больше напрягается. Нокс наклоняется и тихо спрашивает:

— Куда она делась, Лили?

Неожиданно разозлившись, я шепчу сквозь стиснутые губы:

— Ты сломил ее, Нокс. Теперь ты счастлив?

Моя злость увядает и сменяется унижением, когда он отвечает:

— Черта с два, она была долбаным приколистом. Эта ее жалкая версия меня злит. Мне не нравится эта Лили, верни старую. Ну, ты поняла? Сильную Лили.

Роняя книгу, я сильно сжимаю кулаки.

Нокс замечает это и говорит:

— Вот же она. Теперь только нужно разобраться, как заставить ее остаться с нами, потому что, — он насмехается, — вежливая Лили бесит. Она из тех, кто хочет плакаться в жилетку. Она из тех, кто отказывается есть или злиться, или присоединиться к нам здесь в реальном мире.

Как раз тогда, когда я думаю, что не могу стать еще злее, мне доказывают, что я ошиблась, когда его губы касаются моего уха и он шепчет:

— Она — жалкая.

Всё происходит как в замедленной съемке.

Моя рука скользит под тарелку и подбрасывает ее вверх. Сэндвичи, фрукты и чипсы летят в воздухе, и я смотрю с широко распахнутыми глазами, как они ударяются Ноксу в грудь, подбородок и живот. Мои губы складываются в форме «О», и я было начинаю извиняться, пока не вижу, что он самодовольно улыбается.

И это не обычная улыбка.

Это улыбка победителя.

Подскакиваю на кровати, мои губы раскрываются, и комок трехдневной ненависти извергается из моего рта:

— Ты потянул меня за волосы! Нет! Ты не только потянул за волосы, ты тащил меня назад в дом за хвост, будто бы я была гребаной собакой на поводке! — указывая на свою подушку, я воплю: — Я не спала три дня, Нокс! Ты знаешь, что это делает с человеком? — я мерю шагами свою кровать. — Ты был весь такой «Прости меня, этого больше не повторится» и просто ожидал, чтобы я об этом забыла. Ко мне никогда не прикасался мужчина в гневе, а ты просто отмахнулся от этого, будто это ничто. Знаешь, что я хочу сказать по этому поводу, Нокс? — оборачиваясь к нему, я наклоняюсь и кричу ему в лицо: — Пошел на хрен! Вот что я говорю по этому поводу! Возьми свое долбаное извинение и засунь его себе в задницу. — Выпрямляясь, я держу свои руки по швам. — Ох, но тебя сначала придется вытащить палку, которая у тебя там, чтобы освободить место.

Мои глаза расширяются, и я поднимаю указательный палец.

— О! И ты знаешь, что я еще поняла? — Нокс смотрит на меня, полностью лишенный каких-либо эмоций. Я продолжаю: — Когда кто-то наблюдает за тем, как ты спишь — это странно! Не странно, а... — я шевелю своими пальцами в воздухе перед собой —...жутко!

Нокс продолжает смотреть на меня тяжелым взглядом. Задыхаясь, я выпрямляюсь и

хрипло бормочу:

— Я схожу здесь с ума, Нокс. Мне действительно поможет, если ты просто оставишь меня в покое.

Осознавая, что я исчерпала то малое количество энергии, которое у меня оставалось, мои колени трясутся, и как только они подгибаются, я тянусь, чтобы схватиться за его плечи. В то же время, он подается вперед и крепко хватает меня за талию. Когда он смотрит вниз на свои пальцы, которые практически соприкасаются, он хмурится от моей очевидной потери веса.

— Тебе нужно что-то поесть. Хотя-бы что-то, Лили. Ты скажешь мне, что по твоему мнению ты могла бы съесть, а я это для тебя принесу.

Внезапно ощущая тошноту, моя хватка на его плечах ослабляется. Я быстро моргаю, тщетно пытаюсь увидеть сквозь яркие белые пятна, которые слепят меня. Уши закладывает от давления, дыхание учащается, и я дрожу. Я быстро отвечаю:

— Я не думаю, что ты можешь доставить это вовремя. — Мое тело слабеет и наклоняется в сторону, когда я невнятно произношу: — Поймай меня. Хорошо?

Нокс

Держа Лили в своих руках и ощущая ее вес или недостаток веса, мне внезапно становится стыдно.

Черт бы побрал все это. Я слишком долго пускал все это на самотек. Следовало бы прекратить все это раньше.

Я видел тот самый момент, когда все происходило. Мгновение, когда она теряла сознание. И она тоже знала, что это происходило. «Поймай меня. Хорошо?».

Смотря вниз на ее бледное, искаженное лицо, я трясусь головой от чувства бессилия и борюсь с желанием зарычать. Ее длинные, темные ресницы покоятся на щеках, и мне приходится приложить все свои силы, чтобы остановить себя от того, чтобы провести большим пальцем по ее розовым пухлым губам.

Проблема. Я знал, что ты будешь проблемой, мисси.

Совершенно ясно, что это все ее вина. Если бы она только научилась делать то, что ей велено и попыталась на чертову секунду думать рационально, то ничего из этого не произошло бы. У нас будет серьезный разговор, когда она очнется.

«О, да, это всё ее вина. Она испуганная молодая девушка с простой нуждой — поговорить с кем-то, кому она доверяет. Ты теряешь хватку, мужик, ведя себя, как упоенный властью охранник в торговом центре».

Я? Я делаю все что могу, чтобы обеспечить ее безопасность, и в этом моя вина?

«Охранять ее недостаточно. Она не такая как ты. Она хрупкая. Девушке нужно большее, нежели просто, когда ей говорят, что она должна доверять. Тебе нужно показать ей, что ты готов пойти на компромисс. Пойди к ней навстречу».

Пойти к ней навстречу. Компромисс. Я не уверен, что могу на это пойти.

«Что бы сделал ты, если бы был ею?»

Бежал. Бежал изо всех сил. И я бы навредил любому, кто встал бы у меня на пути.

Тупая пульсация в моих висках является верным признаком приближающейся мигрени,

и я уношу Лили, как невесту из ее комнаты дальше по коридору, в западное крыло дома, и останавливаюсь перед самой последней дверью.

Моя дверь. Моя комната.

Нерешительность останавливает меня. Это может быть и не лучшая идея, но она под моей ответственностью. Мне нужно держать ее там, где я могу приглядывать за ней. Где-то, где я смогу нянчиться и работать одновременно. Крепко держа ее одной рукой, я открываю дверь в свою спальню и вношу безвольное тело Лили внутрь. Насколько можно аккуратнее, я кладу ее на свою кровать, и она мягко стонет.

Хороший знак. Она скоро очнется.

Поднимая с кровати рацию с двусторонней связью, я нажимаю на кнопку и говорю:

— Вито, у меня здесь произошел инцидент. Где Бу?

Как только я отпускаю кнопку, звучит звук трели, и я жду. За пикающим звуком следует:

— Эй, об инциденте какого рода мы сейчас разговариваем? Бу где-то здесь. Я ее найду.

Проводя рукой по лицу, я тихо ему говорю:

— Лили. Она потеряла сознание.

Тотчас из радиации звучит удивленный вопрос Вито:

— Какого черта ты сделал с ней, Нокс? Она же просто девчонка, чувак. Ты наверно до смерти ее напугал.

Вито молод. Он до сих пор не совсем усвоил, что такое субординация. Поднимая рацию, будучи очень осторожным, чтобы не раздавить ее в руке, я рычу:

— Найди Бу. Сейчас же.

До сих пор, открыто веселясь, Вито отвечает:

— Сэр, есть, сэр.

Проходит минута, и я осознаю, что не пошевелился ни на дюйм. Упирая руки в бедра, я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на девушку в своей кровати и тихо бормочу:

— Знал же, что ты будешь проблемой.

Лили

Тяжело вздыхая, я сворачиваюсь в клубок, тщетно пытаюсь найти хоть какое-то облегчение от боли.

Болит. Везде.

Каждая мышца в моем теле ощущается слишком напряженной, и даже самое маленькое шевеление, болезненно пронзает меня. Зажмуривая глаза, я часто дышу. Такое чувство, что меня сейчас вырвет, но это не может быть правдой. За два дня я не съела больше апельсина. Чем меня вообще может вырвать?

Мои веки дрожат, но отказываются открываться без боя. Как только мне удастся с трудом приоткрыть один глаз, я стону громче. Свет в комнате ударяет с такой силой, что болезненное ощущение возвращается в знак возмездия.

Шаркающие звуки предупреждают меня о том факте, что я не одна, и когда выключается свет, я вздыхаю с облегчением. Наконец-то имея возможность открыть глаза, я сажусь у изголовья кровати. Я полностью дезориентирована. Занимает практически минуту,

прежде чем я могу видеть то, во что не могу поверить.

Нокс сидит за письменным столом в противоположной части огромной комнаты, печатая без перерыва на своем ноутбуке. Ноутбук — это единственный источник освещения в комнате, я оглядываюсь еще немного.

Это не моя комната.

Тёмно-синие хлопковые простыни окружают меня. Эта кровать больше, чем моя. Это совершенно точно комната мужчины. Нет мебели. Нет шкафа. На стуле в углу комнаты куча сложенной черной одежды. Под ним пара армейских ботинок.

Вот дерьмо.

Это комната Нокса.

Открываю свой рот, чтобы заговорить, и всё что у меня выходит:

— О мггггггой богггг, — моя попытка просьбы Господа о милосердии звучит как из уст пьяного второкурсника.

Моя голова падает, когда я слышу, как Нокс смеется себе под нос. Всё еще печатая и не утруждаясь, чтобы посмотреть на меня он говорит:

— Так тебе и надо. Ты так сильно обезвожена, тебе повезло, что у тебя не случилось разрушение мышц. Бу была настолько близка к тому, чтобы поставить тебе капельницу. Я ее отговорил. — Наконец глядя на меня, он ухмыляется и говорит слишком уж громко: — Добро пожаловать в мир живых.

Каждое слово, которое он говорит, пронзает мои барабанные перепонки, и мой желудок сжимается. Съезживаясь, я закрываю рукой глаза и бормочу:

— Что произошло?

Скрип стула предшествует глухим шагам к постели, выглядывая через пальцы, мне неожиданно хочется, чтобы я этого не делала.

Нокс взбешен.

Его челюсть сжата, вена на виске пульсирует. И я знаю, что сейчас произойдет. Он почти вопит:

— Какого черта ты думаешь, произошло, Лили? Ты ни хрена не ела несколько дней! Ты истощена и обезвожена. — Глядя в пол, он вздыхает и качает головой, прежде чем опять посмотреть на меня. Его глаза смягчаются, и он признает: — Я облажался. Я знаю это. Ты знаешь это. Моя команда знает это. — Наклоняясь ближе ко мне, он продолжает: — Не цепляйся за это. Отпусти. Ты разозлилась на меня. Мы обменялись словами. Всё кончено. Начинаем все заново. Прямо сейчас.

И вот все возвращается.

Случай с побегом. Депрессия. Ссора. Неприятный эпизод с обмороком.

Мы не разговариваем. Я беру минутку, чтобы осмотреть своего похитителя. Он выглядит изможденным. Изнуренным. Измотанным. Просто чертовски уставшим.

«Кто может его винить? Он следил за твоей несчастной задницей три ночи».

Когда он последний раз спал? Я не думала о том, как мои действия повлияли на него.

Если бы я только могла ему доверять.

— Что если я докажу, что ты можешь мне доверять? Ты будешь делать то, что тебе велено?

Я не осознала, что говорила вслух. Мои щеки краснеют, но надежда расцветает в самом центре меня. Быстро киваю, мои губы двигаются, и я произношу:

— Да.

Нокс кивает, разворачивается и выходит из комнаты, оставляя меня с мыслями о том, неужели я только что сама того не желая заключила сделку с дьяволом.

7 глава

Доверие — это как зеркало

Лили

Оставшись одна, я смотрю на себя и пищу.

О, боже! Где моя одежда?

Всё, во что я одета — это пара белых хлопковых трусиков и белая маечка на тоненьких лямках. Я ахаю, когда замечаю свою одежду, включая мой лифчик, возле кровати.

Я убью его!

Вставая на ватные ноги, плетусь в ванную, включаю свет.

Святое дерьмо. Нокс был прав. Мои ключицы немного торчат. Мое лицо осунулось. Задрав немного майку, я вижу, как болезненно торчат ребра, и мое горло сжимается.

Я от природы худая, высокая и долговязая. Сейчас я выгляжу просто больной.

Покашливание в дверях ванной выдергивает меня из моих мыслей в настоящее. Нокс стоит там, взгляд останавливается на моих ребрах. Моя шея краснеет, и я одергиваю свою майку вниз на живот. Затем вспоминаю, что я в бешенстве. Как он смеет снимать с меня одежду! Открывая рот, начинаю:

— Тебе бы лучше иметь хорошую причину...

Мои гневные слова погибают на губах, когда он вытягивает руку. Блестящий черный предмет лежит у него на ладони.

Неожиданно застыв, всё, что я могу делать — это открыто пялиться на мобильный телефон. Моя голова кружится. Закрываю трясущимися руками свои глаза, моя грудь вздымается тяжелыми вдохами. Сгибаясь над раковиной, я чувствую, как большая рука нежно гладит мою спину.

Нокс спрашивает:

— Ты в порядке?

Не имея возможности говорить, я киваю в знак согласия, в то время как мысленно кричу: «Нет». Он отходит назад к двери, и я слышу, как он говорит:

— Извини, Киаран, она не очень хорошо себя чувствует. У нее был скверный день. Может быть, снова попробуем завтра.

Киаран? Вроде как мой папа, Киаран?

Энергия магическим образом восстановлена, я выбегаю из ванной, почти поскользываясь на керамической плитке. Подбегая к Ноксу, я вырываю телефон из его руки и подношу к уху. Голос дрожит, я тихо спрашиваю:

— Папа?

— Делайла! Ох, моя сладенькая девочка. С тобой всё хорошо? — его нетвердый голос походит на мой, также дрожит.

Это всё, что требуется. Мое сердце парит. В меня вселяется облегчение. И дамбу прорывает, слезы льются по моим щекам, когда я поворачиваюсь к Ноксу. Наши глаза встречаются. Тихо всхлипывая, я произношу одними губами: «Спасибо», и я действительно так думаю. Я бы сделала всё что угодно, о чем бы он сейчас попросил.

— Я в порядке, правда. Просто немного слабая сегодня. — Я лгу.

Отец шмыгает носом, покашливает и успокаивает свой голос.

— Хорошо. Это хорошо. Нокс лучший в том, что он делает, и он защитит тебя, дорогая. Мне, — он прочищает горло. — Мне жаль, Делайла. Очень жаль. Я никогда не хотел, чтобы ты всё узнала таким образом. Я знаю, мне следовало рассказать тебе. Но это было так тяжело для меня. Я твой папа, предполагалось, что я должен был сам тебя защищать.

Желудок сжимается от напряжения, я пересиливаю себя и говорю отцу:

— Не делай этого. Ты сделал то, что мог, а когда понял, что не справляешься — прибегнул к помощи. Так поступает хороший отец. Ты хороший отец. Самый лучший.

— Ты себя хорошо ведешь? Без фокусов? — через телефон я слышу, как он улыбается.

— Уфф... — это всё что я могу выдать, и мой отец прыскает со смеху. Оттого что он смеется, я тоже хихикаю.

Отец говорит с досадой:

— Никогда не могла хорошо лгать, Лили, малышка. — Он никогда не называет меня Лили.

Когда неловкий момент молчания проходит, я спрашиваю:

— Как мама? И Тера? Где вы находитесь?

Голос позади заставляет меня подпрыгнуть.

— Время вышло. — Разворачиваясь, я чувствую, как снова начинаю учащенно дышать. Я умоляю:

— Нокс, пожалуйста, всего несколько минут. Пожалуйста. — Я готова броситься на колени, просто чтобы доказать, как сильно мне это необходимо.

Изучая мое лицо, он быстро смотрит на свои часы.

— Две минуты. И это всё.

Подношу телефон обратно к уху, мой отец подавлено говорит:

— Время вышло? Уже?

Говоря так быстро, как могу, я почти кричу:

— У нас есть две минут. Время пошло!

Отец сдавленно смеется, но говорит быстро:

— С мамой всё хорошо, ну ты же знаешь какая она. Всегда держится. Она ужасно по тебе скучает. И Тера... в общем, дорогая, я не знаю где она. Ее забрали тогда же, когда и тебя. Я знаю, что она в безопасности, но это всё. Я не знаю, где каждая из вас находится, но получаю каждодневные отчеты от Нокса и Митча. И пока вы обе защищены, я смогу справиться с нехваткой общения.

Мой отец имеет способность заставлять тебя чувствовать надежду в самой ужасной ситуации. Я так сильно его люблю. Неожиданно выпаливаю:

— Я так сильно люблю тебя, папочка. Передай маме, что ее я тоже люблю.

Его голос дрожит:

— Я люблю тебя сильнее, деточка. Я сделаю всё что угодно, чтобы защитить тебя.

Ощущается присутствие сзади, и волосы на затылке становятся дыбом. Зная, что мое время вышло, задыхаюсь от всхлипывания.

— Так, этот Нокс говорил правду. Ты нанял его, и он должен меня защищать?

Отец твердо отвечает:

— Что бы ты ни делала, слушай Нокса. Для него превыше всего твои интересы. Я клянусь.

Моя голова опускается, слезы падают на пол, и я шепчу:

— Я хочу вернуться домой, папочка.

Прежде чем он успевает ответить, телефон вырывают у меня из ладони, и я снова официально оторвана. От моей семьи. Моей жизни. От всего, что люблю.

Мой мозг говорит мне быть благодарной за несколько минут, которые я провела, разговаривая со своим отцом, но сердце страдает, и оно побеждает. Ярость просачивается сквозь меня, и я оборачиваюсь к Ноксу. Он встречает меня пристальным взглядом.

— Даже не думай об этом, Лили.

Что?

— Я не слепой, детка. Ты примерно в секунде от того, чтобы сорваться на меня.

— Ты чертовски прав. Ты не мог дать нам хотя бы еще несколько минут?

Нокс открывает свой рот, но сразу закрывает его. Его ледяные синие глаза вспыхивают, и его челюсть ожесточается, будто бы он кусает язык. Не говоря ни слова, он уходит, оставляя меня с чертовским ощущением горечи и одиночества. Он бормочет себе под нос:

— Не можешь, бл*дь, победить.

Я незрелый, эгоистичный, надоедливый ребенок.

Ярость рассеивается, и меня наполняют угрызения совести. Как только он доходит до двери, я выкрикиваю:

— Прости меня.

Его тело дергается, когда он резко останавливается. Он не поворачивается ко мне. Просто стоит в дверях, позволяя мне продолжать.

Я тихо признаюсь:

— Всё это тяжело для меня, Нокс. Ты действительно не можешь даже понять, насколько это тяжело для меня. Узнать о том, что кто-то хочет тебя убить без какой-либо на то причины. Я, — присаживаясь на кровать, я тяжело вздыхаю и продолжаю: — Моя жизнь сейчас состоит из двух вещей — депрессии и паранойи. И это всё. — Я прыскаю со смеху. — Что это за жизнь?

Стоя ко мне спиной, он поднимает свои руки и упирается ими о дверной косяк, и я почти вздыхаю. Это движение сделало его похожим на павшего ангела. Темная комната, украшенная ярким силуэтом массивного мужского тела. Темного и загадочного.

Сильного. Надежного. Безопасного.

Все эти слова заполняют мой разум.

Какого хрена?

Мое сердце бьется быстрее, и румянец поднимается вверх по моей шее. Мне не следует думать о тех вещах, о которых я думаю. Чтобы рассеять чары, я произношу:

— В общем, я чертовски пугаю себя картинками своей приближающейся смерти и надеялась, что ты, ну, я не знаю, утетишь меня или что-то в этом роде.

Не задумываясь ни секунды, Нокс поворачивается и большими шагами подходит к кровати, и становится прямо передо мной. Я поднимаю голову и смотрю ему прямо в лицо.

Очень решительно он говорит:

— Ты не умрешь.

Я хрипло отзываюсь:

— Почему ты так в этом уверен?

Его губы приподнимаются в уголках, и он говорит:

— Потому что есть причина тому, что я такой самоуверенный, принцесса. — Затем он улыбается. Не ухмыляется или скалится. Сверкающие зубы, мегаваттная улыбка.

И она прекрасна.

Немного кривая, она делает мягче его обычно грубое лицо. Я могла бы привыкнуть к такому Ноксу.

Он произносит:

— Не переживай, ты будешь жить по меньшей мере еще один день, чтобы надоедать мне. — Я почти падаю в обморок, когда он подмигивает. — Я самый лучший.

И затем он уходит.

Нокс

Мое тело дергается, когда я просыпаюсь.

Открывая глаза, я тянусь в кресле-качалке, и что-то мягкое падает на пол. Я хмурюсь, когда опускаю взгляд.

Одеяло?

Не просто какое-то одеяло. Это одеяло с кровати Лили.

Я быстро смотрю и обнаруживаю, что ее кровать пуста.

Какого черта? Где она? Более важно то, как она выбралась через меня, блокирующего дверной проход?

Вот же дерьмо.

Моя кровь застывает, я вскакиваю на ноги и бегу по коридору. Миллион вероятных сценариев проносится у меня в мозгу, но лишь один там задерживается.

Лили ушла в самоволку.

Перескакивая через три ступеньки, я торможу, чтобы остановиться внизу лестницы, когда вижу, как Лили и Бу танцуют на кухне, пока готовят. Они подпевают CD-плееру.

— Если ты хочешь быть моим возлюбленным, ты должен стать одним из моих друзей! (прим. перев. песня Spice girls «Wannabe») — Это поет Лили.

— Сделай так, чтобы это длилось всегда, дружба никогда не кончается! — это Бу.

Они поют в унисон:

— Если ты хочешь быть моим возлюбленным, ты должен научиться давать. Брать слишком легко, но такова жизнь! — Бу берет кухонную лопатку барабанит ею. — Бах! Бах! Бах! Бах!

Я ошеломлен и лишился дара речи. Я не знаю мне смеяться или взять стул, чтобы наблюдать остальную часть этого шоу. Лили выглядит... счастливой.

Я не верю в это.

Ее щеки пылают персиковым румянцем, когда она поет, смеется и танцует как чокнутая. Одета в почти слишком короткие шорты, белую майку и спортивные носки она выглядит как девчонка из колледжа. Затем я вспоминаю, что она должна быть студенткой. Ей двадцать два года. Она на пике своей жизни, где ей следовало бы вести себя безответственно, принимая глупые решения, и быть иррациональной.

Острая боль пронзает мою грудь. Я быстро подавляю ее. У нее будет такая жизнь. И я верну ей ее назад. Запомните мои слова.

Лили кричит в деревянную ложку, имитируя микрофон:

— Двигай телом, отрывайся по полной! — затем они с Бу делают круги своими бедрами и шевелят руками, имитируя движения людей, когда они показывают поезд.

Я не могу удержаться. Откидывая голову назад, я неудержимо смеюсь.

Лили взвизгивает, прижимая руку к вздымающейся груди. Бу остается совершенно невозмутимой, всё еще демонстрируя свои идиотско-фантастические танцевальные движения. Бу оборачивается к Лили и поддразнивает:

— Не переживай Диди. Ему просто завидно, что он не может двигаться так, как мы.

Лили сердито смотрит на меня.

— Тебе не стоило подкрадываться к нам. У меня почти случился сердечный приступ. — Размахивая рукой передо мной, ее глаза комично расширяются, когда сарказм берет верх. — Эй? Помнишь? Приближающаяся смерть и всё такое?

Посмеиваясь, я с драматизмом закатываю глаза. Неожиданно вспоминая внезапное пробуждение этим утром, я тыкаю в нее пальцем и делаю шаг к ней. Ее глаза расширяются, она медленно пятится назад. И вот она уже в нескольких шагах от меня, я наклоняюсь до тех пор, пока мы не оказываемся практически нос к носу. Я говорю полупрошептом:

— Где ты была сегодня утром?

Ее лицо смягчается. Она шепчет в ответ:

— Ты был уставшим. И это была моя вина. Я подумала дать тебе поспать.

— Это не то, о чем я просил.

Наш тихий разговор привлек внимание Бу, которая стоит за барной стойкой, склонившись к нам, пытаясь подслушать что сможет. Когда она ловит на себе мой пристальный взгляд, она издает звук «пффф» и возвращается к готовке.

По выражению лица Лили, я вижу, что она не понимает в чем проблема. Я мягко объясняю:

— Я ответственный за тебя. Не Бу. Не Рок. Я. Только лишь я. Понимаю, что ты была неподалеку, но мне нужно знать, где ты находишься. Каждую секунду каждого дня. Я понимаю, что ты зла...

Перебивая меня, она тихо говорит.

— В том-то и дело. Я не зла. Больше нет. Ты был прав. Я это прошла. Я... — избегая моего взгляда, она признается: — Я тоже хочу начать всё заново.

....Что, простите?

Лили избегает моего пристального взгляда еще несколько секунд прежде, чем наши глаза встречаются. Ее большие зеленые глаза широко открыты и выглядят как у олененка. Мой внутренний голос говорит мне быть поосторожней. Внимательнее. Прищуривая глаза, я уверяю ее:

— Я не знаю, что ты задумываешь Делайла. Но я за тобой слежу.

Шок мгновенно вспыхивает у нее на лице, так же быстро он преобразуется в ярость. Она шипит:

— Да ты с ума сошел! Я здесь объявляю перемирие, Нокс. Я предлагаю его только один раз, поэтому или принимай его, или катись.

Несмотря на свои предчувствия, я беру ее протянутую ручку и пожимаю ее. Как только отпускаю, она улыбается.

— Видишь? Не так уж и сложно, не так ли?

Не отвечая, я подхожу к барной стойке, беру яблоко и откусываю. Из-за спины я слышу:

— Итак, я вот тут подумала, могла бы я поговорить со своей сестрой?

О боже.

Оборачиваясь, я делаю целое шоу, медленно жуя. Ее глаза скользят по моему рту, ее

губы раскрываются, она тяжело сглатывает и быстро отводит взгляд.

Что это было?

Мрачная ухмылка появляется у меня на лице.

— Я понимаю. Перемирие, да? Итак, ты будешь сотрудничать, только если я буду делать то, что ты захочешь? Хорошая попытка, Лили. Это так не работает. — Разворачиваясь, я начинаю уходить, когда меня задерживают.

Лили крепко хватается меня за руку, ее глаза умоляют.

— Нет! Я не это имела в виду. — Кладя руку на грудь, она тяжело дышит. Сглатывая, быстро моргает и отпускает мою руку, положив свою вторую также на грудь.

Я видел это прежде.

Приступ панической атаки.

Ступая вперед, я поддерживаю ее и веду к стулу за обеденным столом. Усаживаясь, она вытирает пот со своего лба вялой рукой и говорит с усилием:

— Прости... — судорожный вдох. — Я не знаю, что... — еще один вдох. — Происходит со мной.

Чувствуя себя засранцем, я прочищаю горло и говорю:

— Я думаю, у тебя развиваются панические атаки.

Всё еще тяжело дыша, она пронзительно кричит:

— Что? Не может быть!

— А вот и да. Поэтому тебе необходимо сказать мне, что тебя беспокоит, чтобы мы могли это исправить.

Лили смотрит вверх, размышляя, ее дыхание немного успокаивается, и она отвечает:

— Моя семья. То, что у меня нет возможности поговорить с ними. Это делает меня... подозрительной... и...заставляет страдать.

Следовало бы мне знать, что так и будет.

Открываю рот, чтобы ответить, но Лили перебивает меня:

— А что, если ты будешь давать мне поговорить с отцом и сестрой раз в неделю? Ты называешь день и время и то, о чем я могу и не могу разговаривать. — Надежда сверкает в ее светло-зеленых глазах. — Я буду слушаться. Я клянусь. Я буду делать всё, что ты скажешь. Просто знание того, что я от них не отрезана, помогает. Я уже лучше себя чувствую. Смотри. — Она прикасается к своему лбу и демонстрирует мне свои сухие пальцы.

Не важно, что я делаю, я всегда буду плохим парнем для Лили. Я знаю, что это не должно меня беспокоить, но, черт побери, это беспокоит. Знать, что я не могу дать ей то, в чем она нуждается, чтобы почувствовать себя в безопасности и счастливой, пока она под моей защитой... отстойно. Хорошо, она первая девушка, которую мне пришлось защищать, но что-то есть в этой девчонке. Я не могу сказать точно. Но она... другая.

— Лили, я... — ее лицо мрачнеет, и я объясняю медленно, но решительно, почему это так сложно. — Послушай, есть вещи, которых ты не знаешь. — Ее губа дрожит, глаза ярко сияют, когда я продолжаю. — Во-первых, твои папа и мама не в линии засекреченной связи, поэтому звонки им не должны превышать пяти минут. Это всё, что ты получишь, если я тебе разрешу их. Во-вторых, Митч держит Теру где-то в безопасном месте. В месте, как это. Есть причина для того, чтобы вас разделять. Я не могу тебе о ней рассказать прямо сейчас, но что могу сказать, так это то, что я даже не знаю, где она находится. Я могу поговорить с Митчем и попытаться выпытать у него телефонный номер, но не могу обещать тебе, что у меня получится.

— Кто такой Митч? — спрашивает она тихо.

— Митч — это парень, который меня завербовал.

— То есть он твой босс?

Скривившись, я думаю, как бы лучше это сказать. Разъяснение этого может быть сложнее, чем я думал.

— Что-то вроде. Он выше меня в иерархии, но он не называет себя нашим боссом. Мы — команда. Мы работаем вместе. — Она не выглядит убежденной. — Если бы кто-то искал Теру, а в это время я был бы недоступен, ты бы наняла Митча. Он не допустит, чтобы с ней что-то случилось.

— Я думала, что угроза была адресована мне. — Она легко пожимает плечами так, будто бы еще не поняла.

Сидя, я кладу свои руки на стол.

— Подумай об этом, Лили. Твои мама и папа имеют дело с реальной угрозой. Кто знает, насколько она серьезная? Мы забрали тебя, и ты в безопасности. Что случится если люди, которые хотят тебя найти не смогут этого сделать? Что они тогда сделают?

Я вижу, как к ней приходит осознание.

— Они возьмут Теру вместо меня.

Тишина образует густой туман вокруг нас. Я не уверен, что еще можно сказать, если честно, я уже ей слишком много рассказал. Поднимаясь, я постукиваю по спинке стула своими пальцами. Наши глаза встречаются во взаимном признании. Разворачиваясь, я делаю лишь шаг, прежде чем слышу:

— Но ты постарайся, так ведь? По-настоящему постарайся?

Уходя дальше от нее, я оборачиваюсь и обещаю:

— Я постараюсь, Лили.

И я это серьезно.

8 глава

Переезд

Лили

Это забавно, насколько сильно я привыкла ужинать за обеденным столом с другими людьми. Дома наши графики настолько беспорядочны, что мы постоянно скучаем друг по другу. Тера в колледже, мы с отцом на складе, мама помогает в какой-нибудь организации с плохим финансированием.

До этого момента я не понимала, что упускаю.

Прошло три дня, с тех пор как я разговаривала со своим отцом, и мое душевное состояние восстановлено. Иногда всё, что тебе нужно — это два простых предложения, чтобы привести тебя в норму.

«Что бы ты ни делала, слушай Нокса. Для него превыше всего твои интересы».

«Я действительно надеюсь на это, папа, потому что начинаю доверять ему так, как не доверяю больше никому».

Мы с Бу проводим вторую половину дня за приготовление ужина. Вы бы могли подумать, что это простое задание. Дело в том, что мы готовим на двадцать человек. Вот сколько человек живет в этом конспиративном доме. И так как мы с Бу единственные девушки, вот как много огромных солдат нам приходится кормить. Они не едят домашнюю пищу каждый вечер. Большую часть времени они довольствуются едой на вынос. Это быстрее и удобнее.

Когда Бу попросила меня почистить немного картошки, я была такая радостная и сказала: «Конечно. Давай мне ее!».

Насколько сложно это может быть?

Она передала мне девятикилограммовый мешок картошки. Затем рассмеялась.

Мои сморщенные, морщинистые руки будут пахнуть крахмалом всю неделю. Это уж точно.

Последние несколько дней подтвердили мое подозрение, что Нокс прикрепил Бу, чтобы та следила за мной. И это меня не беспокоит. Ни грамма. Мне нравится Бу. У нас с ней странные и дурацкие разговоры. Если бы мы с ней встретились при других обстоятельствах, то стали бы лучшими подругами.

— Итак, а где Нокс? — спрашиваю я, помешивая говядину, и винный гуляш пахнет божественно.

Бу вопросительно вздергивает бровь.

— Почему ты хочешь знать? Я думала, ты была рада избавиться от него.

Я отвечаю слишком уж быстро.

— Да! — покраснев, я пробую еще раз, принуждая себя притормозить и вести себя беззаботно. Я слабо пожимаю плечами и слегка наклоняю голову, из-за чего выгляжу не расслабленной, а больше похожей на жертву паралича. — Я имела в виду, он был хорошим последние несколько дней, но он говорил мне, что я под его ответственностью, и мне просто было интересно, что такого важного у него произошло, что он заставил тебя со мной нянчиться.

Нарочно избегая вопроса, она мягко улыбается.

— Я не нянчусь с тобой, Ди. — Посмеиваясь, она продолжает: — Мне на самом деле даже неудобно оттого, что мне так весело с тобой. Я даже не чувствую, что это моя работа. Мне не приходится проводить много времени с девушками и... и наверно я просто забыла, как сильно по этому соскучилась. Рок завидует. Он хочет провести смену с тобой, чтобы он мог научить тебя хорошим ударам.

Не может быть! Круто!

Это конечно привлекло мое внимание. Забыв о помешивании, я восторженно отвечаю:

— Он действительно это сделает? О боже. Я была бы в восторге. Я всегда хотела ходить на курсы по самообороне, но мой отец... — моя бравада терпит фиаско, и я постепенно стихаю. Немного восстанавливая свой ажиотаж, я быстро спрашиваю: — Как ты думаешь, могла бы ты тоже научить меня чему-нибудь? Что-то вроде... — оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что Нокс не скрывается в темном углу, я спрашиваю: — Вроде оружия и пистолетов?

Глаза Бу широко открываются, и она невесело смеется.

— Попридержи коней, Ди. Тебе не нужно ничего знать обо всех этих вещай, дорогая. Как бы то ни было, я могу научить тебя как можно поставить мужчину на колени за одну секунду. Ничего безвозвратного, хотя.

Широко раскрывая глаза, как и она, я кричу

— Ау? — упираясь руками в бока, я шиплю. — Кто-то пытается меня убить! Это сейчас я жива и здорова, но что если что-то случится, и мне нужно будет... — тяжело сглатывая, я шепчу: — Что, если мне нужно будет быть уверенной, что кого-то больше нет? Типа навсегда нет.

Лицо Бу мрачнеет, что заставляет и меня погрузнеть. Она печально спрашивает.

— Это действительно тебя беспокоит? Даже здесь с нами?

Мое сердце учащенно бьется, и я решительно киваю, зная, что она никогда не поймет, как сильно это на меня влияет, даже если бы я захотела поделиться с ней.

Вымучивая улыбку, которая не касается ее глаз, она уступает с кратким кивком.

— Я научу тебя всему, чему могу, пока ты здесь.

Определенно не тот ответ, на который я рассчитывала.

Я широко разеваю рот и шепчу.

— Серьезно?

Забирая деревянную ложку из моей руки, она помешивает еду в кастрюле и избегает моего пристального взгляда.

— Да. Seriously. — Ее лицо лишено всяких эмоций, и она говорит почти механически: — Каждая девушка должна знать, как защитить себя. Это касается и тебя. — Прочищая горло, она тихо добавляет: — Я как могу, помогу тебе, Ди.

У меня в горле ком. Я не знаю, что сказать. Бу — это первая подруга, которая у меня появилась за годы.

Приближаясь ближе к ней, я толкаю ее плечо своим. Боковым зрением я вижу, как легкая улыбка касается ее рта, и затем ее плечо толкает мое в ответ. Я широко улыбаюсь. Мы обе хихикаем, и Бу говорит:

— Боже, какие мы дурочки.

Я согласна. Полностью.

Нокс

Дверь кабинета распахивается, и влетает разгневанная Бу.

Не очень хорошо.

Это никогда не означает что-то хорошее.

Возвращаясь назад к своему ноутбуку, я немедленно интересуюсь.

— Где Лили?

— Рок учит ее разным приемам. — Мои брови изгибаются, и она продолжает: — Я тоже учу ее самообороне. — Она кивает, прежде чем осуждающе спрашивает: — Какого хрена ты с ней делал?

Погодите-ка.

Что она только что сказала?

Я открываю рот, чтобы ответить, она вскидывает руку, и я останавливаюсь на полпути. Она разговаривает со мной как с ребенком и добавляет:

— Никогда не была разочарована в тебе, Нокс. Никогда. До этого момента.

Ярость копится у меня в животе, ожидая ударить в солнечное сплетение. Я не говорю.

Мне не нужно ни перед кем объясняться.

Лицо Бу грустнеет, когда она шепчет:

— Что с тобой происходит?

Поднимая на нее глаза, я смотрю. Сердито.

Бу не отступает.

Она меня слишком давно знает. Знает мою тактику запугивания.

Опуская свой взгляд назад на свой ноутбук, я ворчу:

— Мне не нужно перед тобой объясняться.

Лицо Бу искажается, и я чувствую себя засранцем. Недостаточно для того, чтобы извиняться.

Она шипит сквозь стиснутые зубы

— Ладно.

Печатая без остановки, я говорю:

— Ладно.

Ей не нравится, что я веду себя как умник, и она рычит:

— Ладно.

Мои брови вздергиваются, и я кричу ей в ответ:

— Ладно!

Дверь громко хлопает, одновременно с тем как я со стуком захопываю свой ноутбук.

Лили

Учащенно дыша, потя и матерясь про себя, я бью даже сильнее, чем в прошлый раз. Всё мое тело трясется. Попадаю ему по плечу, а этот болван едва ли пошатывается. Это выводит меня из себя. Его, лишенное всяких эмоций, глупое лицо насмехается надо мной. Я хочу двинуть по его носу.

Какого хрена, чем больше я тренируюсь, тем слабее становлюсь?

— Ты слишком сильно стараешься, Лил. Остынь на минутку, затем мы начнем заново. — Рок кричит с другого конца комнаты. — Так бывает, понимаешь? Когда ты слишком усердно тренируешься — ты выдыхаешься. Такое случается и с лучшими из нас.

Кладя руки на бедра, я сгибаюсь пополам. Задыхаясь, я прерывисто отвечаю:

— Выбейся у меня из головы, Рок.

Он подходит ко мне, ухмыляется и разворачивает ленту с моих рук. На нем надета пара баскетбольных шорт. И это всё. Должна признать, что это приятно иметь на кого можно поглазеть, пока тренируешься. Особенно если этот кто-то выглядит как Рок.

Ням-ням.

Его смуглая кожа сияет от пота. Я краснею, когда задумываюсь о том, каков его пот на вкус. Я благодарю Бога за то, что Рок не телепат. Мои глаза скользят вниз по его очерченному животу, затем ниже на резинку его шорт, низко сидящих на его талии, и я сглатываю.

О, господи, я извращенка.

Поднимаю голову, мой взгляд встречается со взглядом Рока. Он морщится и говорит сквозь мягкий смех.

— И почему это, милая Лили, ты краснеешь?

Черт! Попалась.

— Прости, — я бормочу себе под нос, и мое лицо вспыхивает еще сильнее.

— Смотри сколько хочешь, малышка. Заставь меня почувствовать, что я делаю что-то правильно. — Его светло-карие глаза щурятся, и я хлопаю себя рукой по лбу. Рок прыскает со смеху, и я не могу остановить смех, который подкатывает к моему горлу.

С Роком очень весело. Он тоже мой друг.

Господи, как же приятно это говорить.

У меня есть друзья! Я мысленно пронзительно кричу, прыгая вверх-вниз, как сумасшедшая фанатка.

Бу дала мне три комплекта одежды для тренировок. Спортивный лифчик, который сидит почти идеально, но она немного крупнее меня, и грудь у нее больше. К счастью, он не настолько большой как шорты, которые могут упасть, и мне приходится их часто подтягивать во время нашей тренировки.

Мой аппетит вернулся с удвоенной силой, поэтому я уже не выгляжу как неизлечимо больная, но я заметила, что эти тренировки делают меня еще более голодной. Бу и Рок испытывают большое облегчение оттого, что я снова ем. И то, что я вижу их счастливыми, также делает меня счастливой.

Все еще отдыхая, меня застигают врасплох, когда Рок хватается за меня со спины. Одна рука вокруг моей талии, другая на груди. Его рука сильно меня сжимает.

Вот дерьмо! Он крепко меня держит.

Скрипя зубами, я хватаюсь за его руки и выгибаюсь. Я сильно борюсь целую минуту, прежде чем хриплю:

— Я не могу это сделать!

Он тихо говорит мне на ухо:

— Закрой свои глаза. — Я доверяю Року, поэтому делаю то, что он сказал. Он продолжает: — Почувствуй меня вокруг себя.

Черт, это звучит как строчка из одного из моих эротических любовных романов!

Мой желудок сжимается, когда он говорит.

— Я знаю, что схватил тебя крепко, но думай, Лили. Просто думай. Что ты можешь использовать, чтобы освободиться? — я почти истощена от борьбы, и всё безрезультатно. Он решительно говорит: — Прекрати бороться. Сейчас же.

И я прекращаю.

Он шепчет:

— Думай, малышка.

И я так чертовски устала, что теряю всю силу для борьбы. Облокачиваясь назад на него, я хрипло произношу:

— Я сдаюсь, Рок. Я не могу. Не сегодня.

Громкий кашель в дверях привлекает мое внимание.

Ну и ну. Неужели это мистер Ты-моя-ответственность-но-у-меня-нет-на-тебя-времени!

Нокс стоит в дверях, челюсть сжата, выглядит так, будто бы он сдерживает себя, чтобы не сделать что-то плохое. Его холодные голубые глаза встречаются с моими. Вена на его виске выпирает, когда он рычит:

— Развлекаетесь?

Тело Рока трясется от смеха, и его дыхание отдается теплом на моей шее. Хватка руки на моей груди немного усиливается, и я шире раскрываю глаза. И вот я между двумя горячими мужчинами-бойцами. Один обхватил меня, а другой выглядит так, будто его приказ о защите, только что превратился в приказ по уничтожению.

И я просто нахожусь здесь, болтаюсь почти в воздухе в руках какого-то горячего парня

Мой мозг добавляет певучим голосом: «Неловко!».

Щеки становятся ярко-розовыми, и я благодарю небеса за то, что Рок ставит меня обратно на ноги. Он кажется забавляется, когда говорит мне:

— Завтра ты отдыхаешь. Но у тебя будет, как мы называем, день активного отдыха. То есть, никакого лежания в кровати весь день, договорились? Найди что-нибудь, чем можно заняться, что заставит тебя двигаться. Отправляйся на прогулку вокруг дома или еще что-нибудь в этом роде, но не давай своим мышцам застывать. Это твоя миссия на завтра. — Глядя на Нокса, он самодовольно ухмыляется. — Увидимся, Лили. — Затем он уходит.

Стоя лицом к лицу со всё еще злым Ноксом, я понимаю, что тоже злая. Нокс просто оказывает такой эффект на меня. Клянусь, этот парень зачат через задний проход. Не может быть, что от природы можно быть таким засранцем.

Отворачиваясь спиной, я собираю свое полотенце и бутылку воды, прежде чем небрежно произношу:

— Не видела тебя почти неделю.

Когда я оборачиваюсь, он медленно засовывает руки в карманы своих штанов и бормочет:

— Был занят.

И это, друзья мои, соломинка, которая сломала спину верблюду.

Вы знаете, это когда ты посылаешь кому-то действительно длинное, душещипательное текстовое сообщение? Ты вкладываешь так много долбанных усилий в это гребаное сообщение и так взволнован, когда отправляешь его, и все, что тебе отправляют в ответ — это жалкое «Ок»?

Так вот, я ненавижу эти «ок»-сообщение! И каждый второй ответ, который вылетает из рта Нокса, может быть классифицирован как «ок»-сообщение.

Ну и гадость! Этот мужчина приводит меня в ярость!

Мои глаза вспыхивают на его короткий и изворотливый ответ. Упираясь рукой в бедро, я выплевываю.

— Ты такой придурок! — и это еще не всё, ребятки. О нет. Я на этом не останавливаюсь. — И задира!

Нокс остается безразличным. Что, не удивительно, меня только подзадоривает.

— И я не думаю, что ты мне очень уж сильно нравишься.

Проходит минута, мы не отрываем друг от друга взглядов. И теперь... я подавлена.

Нокс не пошевелился ни на дюйм. Его выражение лица все еще пустое. Невозможно понять, что он чувствует. Это, конечно же, делает меня еще более злой. Я молча закипаю от гнева. Что в этом мужчине такого, что он заставляет меня пройти путь от нормального состояния до стервы меньше чем за секунду?

«Извинись. Не его вина, что ты сходишь с ума».

Я вздыхаю про себя. Да уж. Это было не круто.

Как только я открываю рот, чтобы извиниться, пронзительный звук сирены визжит по всему дому.

Какого хрена?

Падая на колени, я учащенно дышу, широко раскрывая глаза. Не более чем через секунду, я уже перекинута через плечо Нокса. Он бежит вниз по коридору, со мной, болтающейся вверх-вниз как тряпичная кукла.

Это серьезно. Что-то не так.

Нокс отдает приказы, перекрикивая сирену, но я ни одного из них не могу разобрать. Эта чертова сирена такая пронзительная, из-за нее из моих ушей пойдет кровь! Всё что я могу сделать, так это крепко схватиться за его футболку и держаться за свою дорогую жизнь.

Оцепеневшая и почти готовая описаться, я поднимаю голову, чтобы увидеть, как Нокс бежит со мной прямо к главному входу. Прямо из главных дверей в ожидающий нас черный фургон.

Нет. Нет. Только не это!

Совсем небрежно, он бросает меня на заднее сиденье фургона. Я приземляюсь на сиденье со звуком «Уффф», и он быстро садится рядом со мной. Как только дверь закрывается, Нокс кричит.

— Поехали!

И мы едем.

Дрожа как листочек, я поворачиваю свои большие глаза на своего защитника и вижу что-то знакомое в его руках.

Ох, ну здравствуй, старая подруга.

Нокс поднимает повязку к моему лицу, и я по инерции кривлюсь. Понятное дело, сейчас не время, чтобы спорить. Кивая, я поворачиваюсь к нему спиной, и он завязывает повязку у меня за головой. Мой зад прижат к его бедру, и я почти шепчу.

— А куда мы сейчас направляемся?

Он вздыхает и тихо отвечает:

— Я не знаю, Лили. Я не знаю.

9 глава

Кое-что из этого не похоже на другое

Лили

Итак, вот я здесь, стою посреди комнаты какого-то сомнительного мотеля.

Я здесь после того, как провела почти семь часов на заднем сиденье фургона с Ноксом. Это могло и не быть проблемой, если бы парень знал значение слова «расслабиться». Увы, но вот Нокс, о котором мы говорим. Парень, чье представление о том, чтобы расслабиться — это сидеть на деревянном стуле, наблюдая за тем, как я сплю.

Если спросите меня, то, по-моему, это жутковато.

Неожиданно фургон остановился, задняя дверь открылась, и меня потащили в комнату мотеля, которая выглядела так, будто предыдущими постояльцами там были тараканы.

Нокс рассказывает предо мной и гаркает в мобильный.

— Если ты не заметил, меня там сейчас нет! Это твоя работа — сказать мне какого хрена там произошло! — пауза, затем: — Да, она в порядке.

Ммм, эй? Здесь довольно жутковато, хотя какая разница...

Он перестает рассказывать, осматривая меня.

— Угу. — Пауза. — Угу, — еще одна пауза. — Да, хорошо. Лили нужна одежда. — Пауза. — Я не знаю! Трусики, лифчик и что-то, что не будет привлекать к нам внимание. — Тишина, затем: — Нет. Лили — моя жена. Я попросил их, чтобы нас не беспокоили. У нас медовый месяц.

Мои брови взлетели почти до линии роста волос.

Мы женаты?

Мысль о том, чтобы быть замужем за Ноксом, настолько абсурдна, что смешок, который я пытаюсь подавить — вырывается. Сильно. И громко.

Надрываю живот от смеха, слезы катятся по моим щекам, когда я сгибаюсь над маленьким столиком на две персоны. Нокс сердито смотрит на меня. Он делает это достаточно долго, прежде чем подходит ко мне и закрывает мне рот своей рукой. И всё это заставляет меня смеяться еще сильнее. Он шепчет:

— Заткнись, Лили. Это важно. Я ничего не слышу.

Наконец-то, взяв себя в руки, я подавляю смех и убираю его руку со своего рта. Его рука опускается ниже по моей шее и уже покоится на моем плече. Я пытаюсь убрать ее, но у Нокса на это другие планы. Так, будто бы он и не осознает это, он продолжает говорить со своей рукой на мне. Оглядывая комнату широко распахнутыми глазами, я не совсем уверена, что здесь делать. Когда его большой палец неожиданно гладит мое плечо, сердце сжимается, и глаза закрываются от возбуждения.

Мое дыхание становится глубоким, когда я слушаю, как он говорит и каждое слово отдается вибрацией через его грудь в мою спину.

— Что ты имеешь в виду? — пауза. — Хорошо, когда ты сможешь сюда добраться?

Господи, он так хорошо пахнет. Мылом и чем-то свежим. Его тело такое большое и твердое, и в то же время теплое и уютное. Своей одной рукой он крепко держит меня. И мне это нравится. Небольшое количество эротических сценариев пролетает в моей голове. Нокс, бросающий меня на кровать и говорящий мне, что он собирается взять меня прямо здесь.

Нокс, толкающий меня на колени, требуя, чтобы я жестко ему отсосала. Нокс, присоединившийся ко мне в слишком маленьком душе, намыливающий мое тело. Нокс наклоняющий меня...

— Лили?

Неожиданно запись обрывается в моем мозгу, грубо выдергивая меня из восхитительных мыслей. Вот это да. Точно, нужно притормозить с эротическими рассказами.

«Но они же нам нравятся!»

Мое лицо грустнеет, и я бормочу.

— Книги.

Нокс наконец-то выпускает меня из своих рук, и я сильно борюсь, чтобы не заскулить от чувства потери. Он говорит.

— И что теперь?

Глубокая печаль наполняет мою грудь, когда я мрачно объясняю:

— Книги. Я не взяла ни одной книги. Теперь у меня нет книг.

Каждую ночь в конспиративном доме я читала, прежде чем пойти спать. Нокс знает это, потому что он наблюдал за тем, как я сплю почти каждую ночь. Библиотека стала для меня своего рода спасением. Когда бы я не пропала, ребята знали, где я буду прятаться.

Я смотрю в пол, а большая рука сжимает мое плечо, и хотя от этого мне не должно стать легче — это заставляет меня почувствовать себя лучше. Немного.

Что-то твердое тычет мне в грудь, и я крепка хватаю это, прежде чем оно упадет. Глядя вниз, я ловлю ртом воздух, когда вижу не один, а два романа в твердом переплете в своих руках.

Невероятно. Абсолютно и феерично невероятно.

Смотрю наверх, вижу, как Нокс с интересом рассматривает меня. Я заикаюсь.

— К-к-как ты, почему ты, я имею в виду это не то, чтобы я неблагодарная, но т-т-ты знал, что это произойдет?

Сидя на кровати передо мной, он упирается локтями себе в колени и скрещивает пальцы в замке.

— Не знал. Но ты никогда не знаешь. Просто дерьмо случается. Обычно я подготовлен. Но не в этот раз. Дерьмово для тебя, принцесса, потому что теперь у тебя нет одежды, и мы посреди Мухосранска, Айдахо. Ближайший торговый центр примерно в четырех часах езды. Хорошие новости в том, что я взял одежду, которую ты сможешь носить. Плохие новости — нет нижнего белья твоего размера. Мои рубашки большие, поэтому на тебе они будут как платья. — Он гримасничает. — Мои брюки. Черт, нет, не подойдут, поэтому даже не пытайся. Мои боксеры ты, возможно, сможешь носить как шорты. Они будут чертовски спадать, но мы что-нибудь сымпровизируем.

Посреди его рассказа, моя шея начинает пылать и чесаться. Румянец проходит путь вверх, аж до моей макушки.

Нет одежды. Нет нижнего белья. Как долго?

Тяжело сглатывая, мой голос хрипит, когда я спрашиваю:

— Насколько долго?

Выдерживая мой взгляд, он отвечает:

— Три-четыре дня. Еще неясно.

Ну, это охереть как круто!

Нет одежды. И одежда для тренировок, которая на мне надета — вонючая. И я серьезно,

она воняет. Так что вам следует зажать свой нос, потому что рядом вонючка.

Мне в лицо ударяется что-то мягкое. Я снимаю эту вещь, вызывающую мягкость, со своей головы, и обнаруживаю что это одна из футболок Нокса. Она темно-зеленая, очень большая и на груди надпись «Армия». Он говорит:

— Надень ее на свой лифчик, и пойдём поищем что-нибудь поесть в столовой внизу.

Неожиданно смущаясь и переступая с ноги на ногу, я говорю ему:

— От меня, вроде как, действительно плохо пахнет.

Подходя к своей сумке (где, черт побери, он достал эту сумку?) он копается в ней, прежде чем подходит ко мне с флаконом дезодоранта. Он говорит:

— Он не цветочный, и ты будешь пахнуть как я, но он подойдет.

Буду пахнуть как он. Да, пожалуйста! Быстро обрызгивая себя с ног до головы, я бросаю дезодорант на кровать и выхожу за дверь. Как только мы выходим, Нокс закрывает дверь и прижимает меня ближе к себе. Он делает это настолько быстро, что я спотыкаюсь и обхватываю рукой его за талию, чтобы удержаться. Целуя меня в висок, он шепчет:

— Мы с тобой молодожены, помнишь? Когда мы будем выходить, всегда будем касаться друг друга, держаться за руки или еще какое-то сопливое дерьмо вроде этого. — Наблюдая за моим взглядом, он говорит сквозь фальшивую улыбку: — Улыбайся, Бога ради. Ты же вышла за меня замуж. Самый счастливый день в твоей жизни и всё такое.

Крепко сжимая его талию, я улыбаюсь.

— О, сладенький. Самый счастливый день в моей жизни будет тогда, когда мне больше никогда не придется тебя видеть.

Его глаза темнеют, несмотря на его улыбку, он наклоняется вперед, пока мы не оказываемся нос к носу. Обхватывая своими большими руками мои бедра, он прижимает мое тело ближе к себе, пока мы не оказываемся вплотную друг к другу.

Вот дерьмо! Возможно, это одна из моих фантазий, которая воплощается в жизнь.

Его рот на минимальном расстоянии от моего. Его дыхание согревает мои губы, когда он проговаривает:

— Взаимно.

Ухх! Засранец!

Я закатываю глаза, он прыскает со смеху и говорит что-то такое, о чем я даже не думала.

— Давай, принцесса. Я уверен, что ты умирала, как хотела выбраться из дома, правильно? Извлекай выгоду из этого времени, пока у тебя есть возможность.

Искоса смотря на него, я спрашиваю:

— Принцесса — это мое новое прозвище?

Боковым зрением я вижу, как он поджигает губы.

— Не новое. Ты всегда была одной из принцесс семейства Флинн.

Ох, я поняла.

— Итак, это не совсем прозвище. Это больше оскорбление.

Уголок его губ приподнимается, но он ничего не говорит. Придурок.

Мы добираемся до столовой, выглядя как пара молодоженов. Улыбаемся, обнимаемся и счастливые. Никто не догадывается, что мы потные и уставшие. Когда я пытаюсь сесть в кабинку, почти получаю травму, когда Нокс толкает меня на одну с ним сторону. Официантка идет к нам, нацепив понимающую улыбку. Прежде чем она до нас доберется, я щипаю его за бедро и шиплю сквозь фальшивую улыбку.

— Может, ты прекратишь делать это?

Он пододвигается губами к моему уху и шепчет:

— Если ты продолжишь меня щипать, я тоже могу ущипнуть тебя за одно место, где тебе этого не захочется, малышка.

Да уж...

Он определенно затыкает меня.

Симпатичная официантка средних лет подходит к нашему столику и спрашивает:

— Вы молодожены?

Какого...

Очевидно, видя мое неуверенное выражение лица, она мило смеется.

— Ох, милочка. Это маленький городок. Все всё обо всех знают.

Нокс натягивает сияющую улыбку и протягивает руку.

— О, да. Я Хэнк. — Он указывает на меня пальцем. — А это Муди.

Хэнк... и Муди?

Всё еще пожимая руку Ноксу, она смотрит на меня, улыбаясь.

Но я все еще застряла на Хэнке. И Муди.

Нокс наконец-то отпускает ее руку, и она краснеет, когда хихикает и говорит мне:

— О, дорогуша, если бы у меня был мужчина такой же большой и сильный как он, я бы его никогда не отпустила.

И я просто ничего не могу с собой поделать. Натянув на себя вид абсолютного разочарования, я подавлено говорю:

— Да уж, вы бы могли подумать, что он везде такой большой, но... — я замолкаю, смотрю вниз на его ширинку, оставляя ей возможность мысленно закончить это предложение в своей голове. Когда ее улыбка немного исчезает, я борюсь с желанием показать Ноксу язык.

Моё тело дергается, и колени сильно ударяются о стол, из-за чего все столовые приборы подпрыгивают. Неожиданно моя задница начинает пульсировать.

Этот засранец ущипнул меня за зад!

Нокс выдавливая из себя смешок.

— О, не переживайте за Муди. Она шутница. Это я и люблю в ней.

Выглядев немного неловко, официантка передает нам меню, и мы делаем заказ. Нашу еду подают в рекордно время, и мне следует признать, я не осознавала, что была голодной, пока до моего носа не добрался запах бекона. Первый укус подтверждает это. Я умираю с голоду.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Нокс смотрит, как я ем, и нотки недоверия искажают его черты лица, когда я доедаю тарелку с яйцами, бекон, тосты, запеченные томаты. Когда я вижу, что он перестал есть и смотрит на меня, я спрашиваю:

— Ты собираешься есть свои блинчики?

Его брови приподнимаются, губы резко дергаются и, не говоря ни слова, он пододвигает свою тарелку вперед.

Облизывая губы, я окунаю блинчики в масло и сироп, затем заглатываю их с жадностью. Нокс с изумлением спрашивает:

— Куда это всё девается?

Всё еще жуя, я говорю с набитым ртом, поэтому мой ответ выходит искаженным:

— Папа говорит, что мы бездонные бочки.

Кивая головой, он пододвигает ко мне апельсиновый сок, и я выпиваю его одним махом.

Это был великолепный поздний завтрак. Я знаю, что выгляжу как беременная сейчас, но... это чертовски того стоит.

Нокс подзывает нашу милую официантку и спрашивает с хитрицей:

— Вы могли бы организовать нам блюдо с сэндвичами? — он улыбается неприличной улыбкой. — Мы можем не захотеть позже покинуть нашу комнату. — Затем эта задница ей подмигивает.

Наша официантка, очевидно, сраженная Хэнком, хихикает всю обратную дорогу до кухни, тем самым подтверждая, что она всё поняла.

К ее возвращению, Нокс оплачивает наш поздний завтрак, наше блюдо с сэндвичами и оставляет очень щедрые чаевые. Затем он берет меня за руку, переплетает наши пальцы, и мы возвращаемся назад в наш номер. Вообще-то Нокс тащит меня. У меня возникают трудности с хождением (а также с тем, чтобы дышать), потому что я объелась как толстуха в столовой. Нокс поднимает меня на руки как невесту и несет меня. Обычно, это бы меня беспокоило.

Сегодня? Не особо.

Я настолько уставшая, что меня подмывает скрестить руки за головой, откинуться назад и расслабиться. Неуклюже обращаясь со мной и ключом, Ноксу всё же удается открыть дверь без моей помощи, и как только я умиротворенно вздыхаю от наслаждения тем, как меня носят, он бросает меня на кровать.

Я дергаюсь и подпрыгиваю настолько неграциозно, что мои волосы растрепываются и падают мне на глаза. На миг ослепленная густыми локонами, я поднимаю обе руки вверх в воздухе, показывая ему фиги. Он смеется себе под нос, и я слышу, как дверь в ванную комнату закрывается.

Я выкрикиваю:

— Могу ли я взять какую-нибудь одежду из твоей сумки?

Нокс отвечает:

— Да. — проходит секунда, прежде чем он добавляет: — И больше ничего не трогай.

Что заставляет меня задуматься, что там еще есть такого, что бы потрогать.

Соскальзывая с кровати как толстенный увалень, я подползаю к сумке в углу комнаты. Я пытаюсь поднять ее, но она тяжелая, потому что я делаю то, что сделал бы любой другой лентяй. Я переворачиваю ее, и всё ее содержимое вываливается наружу.

Звук из душевой предупреждает меня о том, что у меня всего несколько минут, чтобы порыскать по вещам Нокса. Быстро, насколько могу, я раскладываю вещи и с интересом таращусь на всё это.

Как, ко всем чертям, всё это смогло поместиться в такой маленькой сумке?

Здесь на вскидку пять комплектов мужской одежды (Нокса), дезодорант, новые зубные щетки и зубная паста (слава Богу), веревка, эта чертова повязка на глаза, которую я сую себе в карман, что-то, что выглядит как мини-планшет, флешки, лыжные маски, черный блестящий телефон, по которому я разговаривала со своим отцом, и мои глаза открываются еще шире, когда я натыкаюсь на набор складных ножей.

Выбирая самый большой из них, я открываю его и легонько дотрагиваюсь пальцем до его лезвия. Сам нож примерно двадцать сантиметров длиной, включая ручку, и он ужасно острый. Мне не нужно нажимать на него сильнее, чтобы понять, что эта штукавина уж точно

отрежет мне палец, если я надавлю сильнее. Лезвие блестящее и изогнутое, скошенное под углом.

Я провожу рукой вниз обратной стороне лезвия, Нокс говорит удивительно спокойно.

— Что ты там нашла? Ты же не планируешь отыграться на мне, так ведь, принцесса?

Глаза всё еще прикованы к ножу, я шепчу:

— Я хочу, чтобы ты научил меня пользоваться им.

Его громкий смех заполняет комнату.

— Ага, я так не думаю.

Моля глазами, я поворачиваюсь к кровати, когда вижу Нокса.

Нокс в полотенце.

Нокс в полотенце, идущий ко мне.

Его тело такое большое, что он даже не смог обернуть полотенце вокруг своей талии.

Он удерживает его за края своей большой рукой, и с каждым шагом, который он ступает, я всё больше вижу его мускулистые бедра. Его короткие волосы — темные как ночь, а его тело блестит от капель божественной росы.

О, Иисусе. Здесь действительно так жарко?

Я горю. Мое сердцебиение ускоряется. Как только он подходит ко мне, наклоняется, чтобы взять новый комплект одежды и выхватывает нож из моей руки. Он так быстро управляет своими руками, что складывает нож и кладет его назад на место менее, чем за секунду.

Я всё еще смотрю на его бедра, когда Нокс произносит:

— Думаю, тебе следует отвернуться, если моя нагота смущает тебя.

Затем он подходит к кровати и сбрасывает полотенце. И вот он Нокс во всей своей голой красе. Жалко конечно, что он стоит спиной ко мне. Я бы убила за то, чтобы увидеть перед его привлекательного тела. Ступая в свои хлопковые боксеры, он натягивает их и оборачивается. И вот я, плююсь на его покрытый тканью член.

— Нравится то, что ты видишь?

Вот черт!

Он поймал меня за разглядыванием его члена!

Остынь, Лили.

Небрежно пожимая плечами, я игнорирую свои горящие щеки и отвечаю:

— Не особо. Я думала ты будешь более-более — я не знаю. Более впечатляющим.

Засранец улыбается. Огромная задническая улыбка на огромной заднице.

О боже! Она напоминает мне улыбку Хита Леджера из фильма «10 причин моей ненависти».

Я обожаю эту чертову улыбку. И этой заднице она очень идет.

Мое сердце замирает, но я остаюсь невозмутимой и спрашиваю:

— Я думала, ты из того типа мужчин, которые любят татуировки и всё такое.

Вытирая свою широкую грудь маленьким полотенцем, он отвечает:

— У меня есть татуировки, Лили. Просто не такие, которые тебе удалось бы увидеть.

Мои глаза распахиваются в заинтересованности. Я люблю татуировки, и если Нокс щеголяет с чем-то, что я до сих пор не видела, следовательно, я хочу это увидеть. Я тихо спрашиваю.

— Могу я увидеть их?

Лицо Нокса становится безэмоциональным, почти задумчивым, прежде чем он немного

опускает резинку своих боксеров.

Неумышленно, я громко вздыхаю и закрываю рот двумя руками.

Невероятно.

Медленно двигаясь вперед, я тянусь трясущейся рукой, чтобы коснуться там кожи. Как раз перед тем, как коснуться, я пячусь назад, осознавая то, что собиралась сделать. Когда я опускаю голову и пытаюсь отвернуться, Нокс берет мою руку и прижимает ее к морщинистой и изуродованной области под его талией. Она ощущается на удивление мягкой под моими пальцами.

Получив разрешения, я исследую шрамы кончиками пальцев. Его живот напрягается. Я не уверена это из-за дискомфорта или боли, поэтому убираю пальцы от келоидного рубца, который служит тропой от одного бедра к другому.

Неожиданно, татуировки больше мне не видны.

Нет слов. У меня нет слов.

Поднимаю взгляд на Нокса, рот раскрывается, я исследую его лицо. Как только наши глаза встречаются, он хмурится, поднимает свою руку и вытирает мои слезы, которые я даже не заметила, как пролила.

Мое сердце болит.

Он — мудака. Огромный мудака, но я бы никому такого не пожелала. Я хочу что-то сказать, но слова просто не идут. Что я могу сказать тому, кого пытали?

10 глава

Из-из-изменения

Лили

Через несколько часов после нашего близкого столкновения, мы остаемся молчаливыми, общаясь только лишь кивками, односложными вопросами и соответствующими им короткими ответами. Пока я была в душе, официантка из столовой принесла нам наше блюдо с сэндвичами вместе с комплиментом от повара — вишневым пирогом для молодоженов. Мы ели медленно, избегая взглядов друг друга.

Не имея сил больше выдерживать неловкость, я подрываюсь и включаю старый телевизор. Ничего кроме помех. Я мысленно вздыхаю. Конечно, ничего кроме помех. Никто не может обвинить меня в везении. Везение Ирландцев, может, спросите вы? Нет. Его не существует.

Переключая каналы, я останавливаюсь на канале с меньшим количеством помех и вручную пытаюсь настроить его. По истечении нескольких минут — ничего не помогает, поэтому я делаю то, что обычно делаю дома, когда что-то сломалось.

Я выбиваю из него всё дерьмо.

Ударяя по обеим сторонам телевизора, я ворчу:

— Ну, давай же, кусок дерьма. Современные технологии, мать вашу!

Нокс сдавленно смеется, и я строго говорю:

— Знаешь ли, ты можешь помочь мне в любое время. Не стесняйся.

Затем я хлопаю по задней стенке телевизора. Немного сильнее, чем требовалось.

Он падает со стойки на пол. Громкий стук отдается по комнате. Шокировано глядя на теперь уже сломанный телевизор, я поднимаю свои широко распахнутые глаза на Нокса и кричу:

— Посмотри, что ты натворил!

Затем он делает нечто прелестное.

Запрокидывает голову назад и громко смеется.

И всё, что я могу делать — это со страхом смотреть, как всё его тело трясется от бурного веселья, пока мысли проносятся у меня в мозгу.

Как может мужчина, который прошел через то, что он, всё еще иметь возможность смеяться? Возможно, Нокс не настолько сильно травмирован, как я предполагала. Я — задница. Мне не следовало вешать ярлыки. «Спроси его об этом».

Подходя к кровати, я запрыгиваю на нее, как раз рядом с его трясущимся телом. Закрывая лицо руками, я громко и тяжело вздыхаю.

— Мне так скучно.

Нокс кивает, но ничего не говорит.

Мы лежим рядом друг с другом, когда наступает ночь. Никто из нас не готов сдвинуться, достаточно комфортно в нашей уже окончательно ушедшей молчанке. Чувствуя себя увереннее, я спрашиваю:

— Что произошло?

Очевидно, зная, что этого разговора не избежать, он глубоко вздыхает и на выдохе отвечает:

— Меня поймал плохой парень.

Это объяснение меня не удовлетворяет. Я жутко любопытная! Мне нужно больше, чем это.

— Когда?

— Несколько лет назад.

Я сбита с толку. Поворачиваясь, чтобы увидеть его, я тихо говорю:

— Но я думала, что ты был лучшим.

Поворачиваясь, его ледяные голубые глаза исследуют мое лицо, прежде чем также тихо ответить:

— Вот почему я лучший. Я не позволю этому случиться снова.

Хорошо. Это мне нравится. Это полностью приемлемый ответ.

Я киваю в никуда и погружаюсь в собственные мысли.

Нокс неожиданно поднимается.

— Черт. Я забыл. — Затем он подходит к куче своей грязной одежды и рыскает в карманах своих штанов. Вытаскивая из них что-то маленькое, он подходит ко мне, падает на кровать и передает мне маленький серебряный девайс.

Когда я рассматриваю его поближе, я ахаю.

— Не может быть! И он был у тебя всё это время?

Складывая свои руки за голову, он вздыхает.

— Забыл. Это принадлежит Бу. Она оставила его в моем кабинете.

Включая MP3-плеер, я надеваю оба наушника и исследую плейлисты Бу. Прекрасная подборка. Старая музыка, новая музыка, панк-рок, рок-н-ролл, поп, танцевальная, металл, RnB. Когда включается определенная песня, я прыскаю со смеху. Нокс поворачивается и устремляет свой взгляд на меня.

Вытаскивая наушник, я сую его ему в ухо.

— Я думаю, что нашла песню для тебя.

Нажимаю кнопку воспроизвести на AC/DC «Highway to Hell» (прим. перев. Дорога в Ад), она начинает играть, и он ухмыляется, кивая в такт музыке. Когда она заканчивается, я выбираю функцию случайного выбора и начинается следующая песня — Coldplay «Clocks».

Нокс ворчит.

— Переключи песню.

Я одариваю его хмурым взглядом.

— Мне нравится эта песня. Это хорошая песня.

Он отвечает с сарказмом:

— Да уж. Ты слушаешь ту же песню, что и я? «Огни гаснут, и мне уже не спастись, нет возможности остаться в живых, проклиная упущенные возможности?»

Хммм. Наверное, я никогда не вслушивалась в слова этой песни. Она, вроде как, депрессивная.

Смотря на мое несчастное выражение лица, он говорит:

— Видишь, я доказал свою точку зрения. Я бы лучше попытался перерезать себе горло ржавой ложкой, чем слушал это. Переключи.

Итак, я переключаю. И следующая песня Lorde «Royals». И мне действительно нравится эта песня. Нокс ничего не говорит, но я вижу, как его нога постукивает, поэтому думаю, она ему тоже нравится. Но смысл песни заставляет меня чувствовать себя неудобно. Почти полностью выключая звук, я говорю, глядя в потолок:

— Мы не всегда были богатыми, ты знаешь?

Нокс поворачивается в мою сторону, поддерживая голову своей рукой, поощряя меня и давая мне разрешение продолжить.

Я не осмеливаюсь на него посмотреть, но продолжаю свой рассказ.

— Мы просто были такие же, как все остальные. Всё было тогда по-другому. Отец не был таким слишком-слишком вызывающе гиперопекающим. У меня были друзья, и была жизнь. Затем отец начал работать усерднее, зарабатывая больше денег, сбывая компании, будто бы они были поддержанными машинами, которые он продавал. Затем, в один из дней, — я сжимаю свои пальцы, — всё изменилось. Мы купили этот уродливый особняк, который называем домом. Меры безопасности были ужесточены, и отец запретил мне проводить время с моими друзьями. Им надоело приглашать меня на вечеринки, потому что они знали, что ответом будет «нет». Поэтому они меня отпустили. И я не виню их. Иногда тяжело иметь дело с моим отцом.

Я слышу небольшой шум со стороны Нокса. Ворчание. Поворачиваясь к нему, я вижу, как он насупил брови, губы сжаты. Он не выглядит счастливым. Неожиданно ощущая необходимость защитить своего отца, я быстро добавляю:

— Я имею в виду, всё было не так уж и плохо. Просто иногда одиноко. Поэтому я ударилась в чтение. И я люблю читать. На несколько часов я могу сбежать из этого мира и вжиться в героя книги. Это прекрасно. Я просто не понимаю, что произошло, только и всего.

Неожиданный вздох Нокса заставляет меня сфокусироваться на его лице, которое неожиданно становится каменным. Я моргаю, затем ахаю и шепчу:

— Ты что-то знаешь.

Нокс немного жестко отвечает:

— Лили, я знаю много всего.

Он забыл добавить: «И это не означает, что я тебе хоть что-то скажу», но это подразумевалось.

Песня переключается на Massive Attack's «Teardrop», и мы оба слушаем ее в тишине, пока смотрим друг на друга. Мои глаза внимательно изучают его лицо, а он в свою очередь делает то же самое. Мои глаза умоляют: «Пожалуйста, расскажи мне хоть что-то». Его убеждают: «Ты не готова».

Снимая невидимые пушинки с покрывала, я прошу мягко, но настойчиво.

— Я готова. Расскажи мне. Пожалуйста, Нокс.

Слегка качая головой, он говорит:

— Тогда всё изменится. Ты не будешь видеть меня как прежде. Я только заслужил твое доверие. Мне не нужно его сейчас потерять. — И вот снова этот южный гортанный звук.

Обманывая саму себя, я выпаливаю:

— Это ничего не изменит. Я доверяю тебе, Нокс. Я клянусь.

Усмехаясь, он спрашивает:

— Что твое «Я клянусь» значит для меня? Ничего.

— Мое слово — моя гарантия. Если я тебе клянусь, то сделаю всё возможное, чтобы сдержать обещание. Я знаю, что это нихрена для тебя не значит, но в моей семье это всё же имеет значение, — отчаянно нуждаясь в ответе, я тянусь, беру его за руку и переплетаю наши пальцы. — Пожалуйста, Нокс. Ты — единственный, кто может мне помочь. Мой отец никогда мне не расскажет.

Нокс сжимает мою руку, но его лицо остается пустым. Да уж — крепкий орешек, чтобы

расколоть.

Злость пульсирует во мне.

— Мне почти двадцать три, Нокс. Я уже не чертов ребенок! Верни мне назад мою жизнь! Я этого заслуживаю, ты так не думаешь?

Моя злость, должно быть, заразна, потому что Нокс неожиданно садится и стреляет в меня грозным взглядом. Я вздрагиваю, когда он без предупреждения резко кричит:

— Утверждение «иметь жизнь» — переоценено. Если бы я был твоим отцом, я бы поступил точно так же, Лили. Это справедливо по отношению к тебе? Черт, нет, но ты просто не...

Неожиданно останавливаясь, он говорит саркастически.

— Что ты хочешь узнать, принцесса? — он говорит «принцесса» так, будто бы это оскорбление. Закипая, он продолжает. — Ты хочешь узнать о том, что это уже не первая попытка похищения тебя? Ты хочешь знать то, что в прошлый раз, они почти тебя достали? Что твои мама и папа почти потеряли тебя? Что еще? Ах, конечно! Ты хочешь узнать о том, что тот день, когда я пришел, чтобы забрать тебя — был днем, когда я получил заказ на твое убийство?

Моя кровь холодеет.

Что он только что сказал?

Я всё еще обрабатываю информацию, которую он обрушил на меня как бомбу, а он тихо говорит:

— Утверждение «иметь жизнь» — переоценено. Поверь мне. Нет жизни, которую можно было бы прожить, если ты холодный и мертвый. У твоего отца есть свои причины. Тебе нужно кому-то доверять, Лили. — Он невесело смеется и проводит рукой по своим коротким волосам. — Полагаю больше не мне.

Можете называть меня глупой, но то, что он мне только что рассказал, не заставляет меня перестать ему доверять. На самом деле я думаю, мое доверие к Ноксу поднялось на очередной уровень. В действительности, я никогда не ожидала, что он может мне рассказать так много.

Мы некоторое время таращимся друг на друга, пока я не шепчу:

— Я была в беде, и ты пришел за мной?

Нокс смотрит вниз на коричневый ворсистый ковер, медленно кивая.

Я стремительно пересекаю кровать, чтобы быть ближе к нему.

— Может быть, хотя бы на одну ночь мы можем притвориться, что нравимся друг другу и объявить перемирие. — Он смотрит на меня, нахмурившись, и я добавляю, заставляя его замолчать: — Потому что я действительно могла бы обнять тебя прямо сейчас.

Не ожидая от него ответа, я легонько толкаю его на кровать. И Нокс позволяет мне это. Его руки немного разведены, и я располагаюсь на изгибе его руки, прижимаясь к накачанному телу. Голова покоится на его плече, и я издаю вздох облегчения. Кладу руку на его грудь, он прижимает меня ближе к себе и бережно запускает руку в мои волосы.

Я думаю о миллионе вещей одновременно и чувствую потребность озвучить ему одну из них.

— Я доверяю тебе, Нокс. Ты не причинишь мне вреда. Я знаю это. — Я шепчу: — Я тебе доверяю.

Рука в моих волосах застывает, проходит мгновение, прежде чем он вздыхает.

— Возможно, тебе и не следует, Лили.

Я пропускаю это мимо ушей. Я знаю, что чувствую, и, в конце концов, принимаю его совет.

Я прислушиваюсь к своей интуиции.

Зажатая чем-то твердым, я пытаюсь открыть глаза. Пытаюсь повернуться, но такое впечатление, что у этой кровати есть ремни безопасности. Смотрю вниз и вижу, что ремень безопасности — это мускулистая рука, обернутая вокруг моей талии. Сейчас, когда я уже немного больше проснулась, я осознаю, что кто-то дышит мне в шею, прижимаясь ближе ко мне. Ближе к моей заднице.

Мои глаза широко открываются, когда я слышу, как Нокс жалобно скулит во сне. Я мысленно спрашиваю сама себя. «Это то, о чем я думаю?»

Мой сонный мозг отвечает. «Сейчас рано, мы испытываем твердое давление в районе нашей задницы, восхитительный мужчина лежит в нашей кровати. Я отключаюсь». И он отключается.

Мое сердцебиение ускоряется, я тяжело сглатываю. С моей стороны было бы вежливым вылезти из кровати. Сейчас же.

Но мне настолько чертовски уютно, что я просто не могу найти в себе силы сделать это. Мой мозг быстро сообщает мне еще одно отличное оправдание, чтобы не покидать эти сильные руки. Нокс не спал нормально целую вечность. С тех пор как я с ним познакомилась. К черту всё. Я полагаю, вежливым будет — дать ему поспать.

Прижался ко мне, будто бы я его гигантский плюшевый мишка.

На моем лице расплывается улыбка. Я никогда никому не признаюсь в этом, но мне нравится Нокс. Я не знаю с чем это связано. Всё, что я знаю — у меня стокгольмский синдром.

Мой мозг закатывает глаза на меня и бубнит. «Да уж. Как скажешь».

Окей. Нет. У меня нет стокгольмского синдрома.

Я знаю, что это частично из-за того, что он грубоватый, искренний и честный. Я думаю, можно сказать, что я ценю всё «настоящее» в нем. Господь свидетель, что моя жизнь была настолько затворнической, что удивительно, что моя кожа не настолько бледная, чтобы быть прозрачной.

Мой мозг с упоением одобрительно восклицает, когда его рука на мгновение прижимает меня. Затем он полностью меня отпускает, быстро встает и направляется в ванную.

Охренеть.

В душе включается вода, и я заставляю себя встать с постели. В любом случае без него в этом нет никакого веселья. Вставая, я потягиваюсь, одетая только в огромную майку Нокса и трусики, которые я выстирала в раковине, затем обыскиваю его черную сумку. Наклоняюсь вперед, и моя голова дергается, когда открываются двери ванной и в них стоит Нокс; на нем опять лишь крошечное, коротенькое полотенце. Я борюсь с порывом мечтательно вздохнуть и спрашиваю настолько безразлично, насколько могу.

— Тебе что-нибудь нужно?

Указывая подбородком на черную сумку, он смотрит вниз на майку, которая на мне надета, задерживаясь на мне взглядом, и отвечает:

— Боксеры.

Доставая пару черных, я бросаю их ему, и как только он их ловит — скрывается за закрытой дверью.

Любопытно, на что он так уставился, я поворачиваю голову и осматриваю свою самодельную пижаму.

О, боже! Отлично. Просто прекрасно.

Нокс увидел мою грудь.

Мои щеки краснеют. По крайней мере, он не видел сосок. Просто бледную белую кожу груди сбоку.

Вид груди с боку не вызывает никакого эффекта. Какая мне разница? Я видела его голую задницу. Его великолепную, красивую голую задницу. Мне интересно, как она ощущается. Похоже, что на ней можно попрыгать.

Когда я витаю в своих мыслях, Нокс открывает дверь и спрашивает.

— Хочешь принять душ перед завтраком?

Желая как можно быстрее выбраться из замкнутого с ним пространства, я брызгаюсь его дезодорантом, прежде чем бросить его ему. Он также брызгается и бросает его мне назад. Я отвечаю:

— Неа. Пойдем.

Натягиваю свои штаны для тренировки, и Нокс останавливает меня своим отталкивающим взглядом и словами:

— О, нет.

— Прошу прощения?

Качая головой, он смотрит вниз на мою одежду сквозь нахмуренные брови.

— Ты не выйдешь в таком виде, Лили. Надень что-нибудь другое.

Я не совсем понимаю в чем, собственно, проблема.

— А что не так с тем, во что я одета?

Подходя ко мне, он зажимает верхнюю часть майки между большим и указательным пальцами и заявляет:

— Это неприемлемо для того, чтобы спускаться вниз.

Ха! Теперь я понимаю, о чем он говорит. Я медленно киваю головой и хихикаю.

— Это из-за боковой сиськи?

Его лицо становится растерянным.

— Б-б-боковой с-сиськи, — поднимая руки к голове, он медленно трет виски, как будто бы у него мигрень, и бубнит: — Я не уверен, что хочу знать, но что вообще такое боковая сиська?

Закатывая глаза, я отвечаю:

— Ну, ты видел мою грудь сбоку. Всё нормально. Я видела твою задницу, поэтому мы квиты. Пойдем.

Подходя к двери, Нокс жестко говорит.

— Я серьезно, Лили. Ты не выйдешь отсюда в таком виде. Ты просто напрашиваешься на неприятности. Надень чертов лифчик.

Ну, кто же знал, что Нокс такой скромник?

Я бросаю ему в ответ.

— У меня нет черного лифчика! Если ты помнишь, я не собирала вещи для этой поездки!

Очевидно, успокаивая самого себя, он глубоко вдыхает и отвечает на выдохе:

— Хорошо. Всё хорошо. Тогда тебе придется надеть другую футболку или что-то еще, потому что я могу ви-видеть... твою... ух... боковую сиську.

Очко в твою пользу, Лили.

Ангельски улыбаясь, я беру протянутую майку из его рук. Мои пальцы легко касаются его, и я ласково спрашиваю.

— Почему ты просто так не сказал?

Мой мозг аплодирует мне и натягивает изумленное выражение лица.

Я что, только что флиртовала с Ноксом?

Очередной сытный завтрак этим утром проходит отлично. В этот раз я заказываю омлет с томатами и сыром. Он сочный и воздушный. Просто божественный. Закусывая это блинчиками Нокса (опять), и стаканом апельсинового сока, я наблюдаю, как он заказывает еще одно блюдо с сэндвичами и флиртует с милой официанткой, которая вчера работала.

Почему он не флиртует так со мной?

Я борюсь с желанием надуться и позволяю ему нести меня. Мой животик снова получил самое лучшее и полпути Ноксу пришлось нести меня на спине. Он говорит:

— Может, мне следует купить тебе инвалидную коляску.

Я ничего не могу с собой поделаться, поэтому смеюсь ему прямо в ухо.

Кажется, что эта еда, смешанная с большим количеством возбуждения, сделало меня пьяной.

Что привело нас к настоящему. Третий день в нашей маленькой любовной лачуге. Минус любовь.

Я тайком смотрю в будущее, о том, как мы ляжем спать сегодня ночью, как я снова смогу почувствовать эти руки вокруг себя. Мое настроение улучшилось на триста процентов. А настроение Нокса — примерно на тридцать семь процентов.

И это факт. Не спрашивайте о моих вычислениях.

Немного шуток за завтраком задали темп этому дню, и мое сердце замирает, когда я вижу, как он хватается вещи по комнате. Он засовывает какие-то счета себе в карман и говорит:

— Никуда не уходи. Я вернусь.

Но... но... что?

— Куда ты идешь? — я даже не пытаюсь скрыть свое расстроенное выражение лица.

— Ухожу. Я вернусь.

Я неожиданно злюсь.

— И что, Нокс? Я просто должна играть роль покорной пленницы, пока тебя нет?

Растерянность искажает его лицо, и он проговаривает:

— Какого хер... — качая головой, он упирается руками в бедра и произносит: — Позволь мне объяснить так, чтобы ты поняла.

Натягивая свою лучшую сексуальную улыбку, он пружинит на своих пятках и говорит:

— Я как бы пытаюсь тебя здесь защитить!

Я кусаю губу, чтобы сдержать смех, его глаза темнеют, он подходит ко мне ближе, зажимая между дверью и своей грудью. Он проговаривает:

— Может, ты этого и хочешь. Может, тебе нравится сама идея быть плененной. Быть беспомощной. — Наклоняется вперед, кончик его носа щекочет мою бровь, и он шепчет: — Тебя это заводит, принцесса?

Я не уверена, что здесь происходит. Мои гормоны слетели с катушек, а мозг расплавился. Я беру себя в руки и шепчу ему в ответ:

— Сейчас ты ведешь себя как придурок.

Его тело каменеет, затем он вздыхает, дотягивается до дверной ручки и оставляет меня одну в нашем номере для новобрачных.

Одну и одинокую.

11 глава

Разлука укрепляет чувства

Лили

Прошло три дня, и я вернулась в конспиративный дом, конспиративный особняк, конспиративный пентагон.

Вскоре после нашей близкой и чрезвычайно неловкой стычки, Нокс вернулся в нашу комнату и посоветовал мне собрать свои вещи. Я сказала ему, что у меня нет вещей, которое можно было бы собирать.

Он ответил: «Отлично. Значит ты готова ехать».

Я спросила: «Куда ехать?»

Выдерживая мой взгляд, он мягко ответил: «Домой».

И каким-то образом, я просто знала, что он подразумевал дом, далекий от МОЕГО дома.

После сказанного, девять часов спустя — мы вернулись. И это отлично — быть дома.

Это странно, что я чувствую будто это мой дом?

Нет. Я так не думаю. Не тогда, когда мы прибыли назад и Бу выбежала ко мне, обнимая меня так, что на мгновение весь дух выбила из меня, поглаживая волосы, будто мы сестры, воссоединившиеся после долгой разлуки. Не тогда, когда Рок, испытывающий реальное облегчение, поднял меня на руки, покружил, говоря мне:

— Здорово, что ты вернулась, малышка.

Нокс загадочно говорил с ними обоими шепотом, и я, не спрашивая, знала, что это о том, что произошло в тот день, когда сработала сигнализация.

Что приводит нас к сегодняшнему дню.

Три дня спустя, я полностью свободна от Нокса. Снова.

У меня есть ощущение, что он меня избегает. Опять. Но я провожу большую часть своего времени с Бу, и это делает меня счастливой.

— Вот же сук... мать вашу... срань!

Бу давится от смеха.

— Ох, расслабься. Это не настолько плохо.

Я отвечаю с сарказмом.

— Да уж, конечно, ты чертова потаскушка.

Бу смеется. Я съезживаюсь и хныкаю.

— О, господи. Ты ведь действительно получаешь от этого удовольствие.

Когда она останавливается, она спрашивает.

— Твоя сестра никогда не пробовала это?

Сжимая кулаками простыни, я отвечаю сквозь сжатые зубы.

— О, она пыталась. А я надрала ей задницу.

Она говорит:

— Я не понимаю, — я открываю глаза, чтобы увидеть, как она смотрит вниз на меня. — Я насчет того, что у тебя нет друзей. Ты довольно классная, Диди.

Делая глубокий вдох и закрывая глаза, я объясняю:

— В общем, отец всегда был гиперопекающим. Но затем это стало еще хуже. Нам не

было разрешено выходить куда-либо без него или мамы. Я никогда по-настоящему этого не понимала. — До недавнего времени, думаю я.

— Я имею в виду, что такого ужасного могло произойти, если бы я пошла на вечеринку с ночевкой? — я вздыхаю. — В конечном итоге, то малое количество друзей, которые у меня были, перестали приглашать меня к себе и отвернулись от меня. Хотя моя сестра всегда была со мной. У нее на это был свой подход. Я думаю, она и сейчас такая. Она всегда была популярной, поэтому никто не задавался вопросом, почему она не приходит на вечеринки и всё такое. Она просто отмазывалась своим «У меня было лучшее предложение» или «Неа, это не моя тема». В общем, Тере надоели папины правила, и она начала сбегать из дома, а я — я нет. Я оставалась дома со своими бойфрендами из книг, и это меня устраивало. Ай! Прекрати это!

Выщипывая очередной одинокий волосок, она откидывается назад и говорит:

— Готово.

Я встаю и подхожу к зеркалу, чтобы оценить свои только-выщипанные брови.

Неплохо. Совсем неплохо.

Я смотрю на нее в зеркале и заявляю:

— Столько боли за это? Даже не видно, что ты что-то выщипывала.

Лежа на кровати, она говорит:

— О, да ладно — это заметно. Ты везунчик. Тебя наградили прекрасной формой. Тебе следовало бы увидеть мои, когда я не выщипываю. — Она поднимает голову и смотрит на мое отражение в зеркале. — Это страшно. У меня были бы сросшиеся брови в форме «М» как в Макдональдс.

Оборачиваясь, я прислоняюсь спиной к комоду и спрашиваю:

— А почему тебе вообще есть до этого дело? Ты работаешь с мужчинами, и я уверена, что их не волнует, что ты выщипываешь брови.

Она хитро улыбается и хлопает своими ресницами.

— О, зато моего мужчину волнует.

Ю-ху! Ее мужчину! Я сейчас упаду в обморок.

Прыгая к кровати, натягивая на себя раздражающе шаловливую улыбку, я спрашиваю певучим голосом:

— О, правда? И кто он?

Ее ответ шокирует меня настолько сильно, что у меня отвисает челюсть.

— Рок.

Нагибаясь к ней, я шепчу:

— Не может быть!

Давясь от смеха, она отвечает:

— Это так, малышка.

Мой рот остается открытым, и она смеется. Я бормочу:

— Н-н-но, вы ребята, ведете себя так, будто вы друг другу даже не нравитесь.

Кивая, она грустно улыбается.

— Технически, нам не разрешено встречаться друг с другом. Это... — она на самом деле поднимает свои руки и медленно делает движение пальцами, показывая кавычки, — ... дружба. Нокс знает, но он сказал, что не может ничего с этим сделать, пока это не влияет на работу, чего, в любом случае, я никогда бы не позволила. И то, что Рок и Нокс — лучшие друзья. Я думаю, Нокс действительно счастлив видеть, что у Рока в этой жизни есть что-то

хорошее.

Смущенная последним заявлением, я тихо спрашиваю.

— Что ты имеешь в виду под «в этой жизни»?

Бу некоторое время изучает мое лицо. Она выглядит неуверенной, прежде чем тихо отвечает:

— Малышка, мы не существуем.

Сбитая с толку еще больше, я хмурюсь и спрашиваю:

— Прости, не расслышала?

Она откидывается назад, закидывая руки за голову. Глядя в потолок, она объясняет:

— То, что мы делаем — защита и устранение. Мы ни на кого не работаем. Мы работаем сами на себя. Я думаю, ты могла бы назвать это «вымышленная деятельность». Все мы имеем звания в пределах нашего сектора, но сам сектор фактически не существует. Мы все наняты на работу конфиденциально и нам много платят за то, что мы делаем. Смысл того, чтобы быть нанятым именно таким образом в том, чтобы быть незаметным, и нашу команду делать — недоступной. Поэтому все, кого ты здесь встречала, в них нет ничего из реальной установленной личности. Каждый документ, удостоверение личности, банковский счет, который у нас есть — на подставное имя. — Поворачиваясь ко мне, она заканчивает: — Мы не существуем.

Срань Господня, это же безумие.

Я таращусь на нее и догадываюсь.

— Итак, все, кого я здесь встретила, находятся под вымышленными именами?

Она кивает, а я спрашиваю:

— А что произошло с теми, кем вы были? Ну, понимаешь, кем ты была до этого?

Улыбаясь грустной улыбкой, она тихо отвечает:

— Она умерла, малышка. Мы все умерли.

Мое сердце сжимается, и я шепчу:

— Да уж, это хреново.

Бу поворачивается, и мы мгновение смотрим друг на друга. Между нами немое общение.

Мой рот открывается, и я немного хмурюсь. Мне действительно очень жаль, Бу. И это действительно хреново.

Она слегка пожимает плечами и подмигивает мне. Всё хорошо. Я нормально к этому отношусь.

Перебирая кончиками пальцем, я выпаливаю:

— Констанс? Ты выбрала имя Констанс?

Она прыскает со смеху, и я тоже. Какое-то время мы вместе смеемся, прежде чем она успокаивается и тихо отвечает:

— Это было имя моей матери. Это мой способ никогда ее не забывать. Ее звали Конни, поэтому я всегда считала неправильным, чтобы меня так называли. Однажды Рок сказал мне, что я была тихой как приведение, и дал мне прозвище Бу, и с тех пор я стала Бу. — Неожиданно приходя в чувство, она спрашивает: — А у тебя есть парень?

Качая головой, я говорю ей:

— Нет, разве что вымышленный. В моей жизни — только я и мои книги.

Она становится задумчивой, глаза грустные, и проговаривает:

— Должно быть, тебе одиноко.

Улыбаясь, я также тихо говорю:

— Я могла бы сказать то же самое и о тебе.

Она улыбается мне в ответ.

— Не в бровь, а в глаз.

Мы обе со вздохом откидываемся назад на кровать. Я думаю, моя жизнь не так плоха. По крайней мере, я не мертва.

Извиняясь и говоря, что хочу принести себе и Бу что-нибудь поесть, я бегу на кухню, скольжу по полу в носках и останавливаюсь в дюйме от Нокса.

Его голубые глаза вспыхивают.

— Куда так спешишь, принцесса?

Сегодня один из тех редких дней, когда на нем нет рубашки.

Мои глаза сощуриваются, и я молю их оставаться сфокусированными на его лице, а не на широкой, массивной груди, так восхитительно влажной от пота.

Ням-ням.

— Просто хочу взять что-нибудь поесть.

Кивая, он искренне говорит:

— Рад, что твой аппетит вернулся.

Кивая ему в ответ, я также искренне ему отвечаю:

— Я тоже.

И затем ничего.

Неловкое молчание.

Доооолгое неловкое молчание.

Обхожу его, иду в кладовую, мой мозг напоминает мне, что нам есть что с ним обсудить. Как только он двигается, чтобы покинуть огромную кухню, которая неожиданно ощущается большая как почтовый ящик, я выкрикиваю.

— Вообще-то, я хотела спросить, говорил ли ты с Митчем о том, чтобы я могла поговорить со своей сестрой.

Его лицо полностью лишено всяких эмоций, и он опирается бедрами на барную стойку.

— Нет. Пока нет. — Перегибаясь через стойку, он берет яблоко и начинает играть с ним.

Я немного зла на это. Он говорил, что попытается. Мое лицо каменеет. Я хожу по кухне, хлопая дверью кладовой, открываю и закрываю ящики слишком быстро, желая, чтобы шум передавал мое настроение прямо сейчас.

Нокс смотрит прямо на меня.

— И почему ты сейчас взбешена?

Сбросить бомбы!

Теряя свое терпение, я кричу:

— Знаешь, что бы сделало меня счастливой, Нокс? Знание того, что моя сестра в порядке! Мне нравится Бу, нет, я люблю Бу, но она не моя сестра, и ты думаешь, я не понимаю, что ты делаешь, а это делает тебя еще большим мудаком! Знаешь, что бы сделало меня более чем счастливой? На самом деле поговорить с ней и слышать лично, что она жива и здорова. А не подсовывать мне замену под нос.

Между нами повисает тишина. Нокс разрушает ее, с хрустом вгрызаясь в свое яблоко. Его беспристрастность разбивает мне сердце.

Я шепчу охрипшим голосом:

— Я скучаю по ней, понятно? Она была моим единственным другом и... и я скучаю по ней. — Я не осмеливаюсь посмотреть на него. Если я увижу сочувствие в этих темно-синих глазах, я могу просто захотеть их выцарапать.

Через мгновение беру себя в руки, качаю головой, чтобы прояснить ее, и мне в голову приходит другая мысль. Подхожу к стойке и становлюсь рядом с ним, я решаю попробовать нечто радикальное. Когда я всего в футах от него, запрыгиваю на барную стойку и тяжело вздыхаю. Всё еще жуя свое яблоко, он поворачивается ко мне со скучающим выражением лица, и я тихо говорю:

— Ты мог бы быть со мной добрее, понимаешь?

Он пожимает плечами и продолжает есть.

Мне хочется бросить это яблоко через всю комнату.

Никакой больше игры по правилам. Время включить свое хитрое обаяние. Я хлопаю ресницами и, используя милый южный акцент, говорю ему, заставляя замолчать.

— Я могла бы быть добрее к тебе тоже.

Я когда-нибудь упоминала, что я никогда раньше не флиртовала? Никогда-никогда?

Нокс морщится и бормочет.

— Тебе что-то в глаз попало или что?

Спрыгивая с барной стойки, чтобы скрыть свой румянец, я вылетаю из кухни и кричу:

— Тьфу на тебя!

И топаю под звук глубокого, сексуального смеха Нокса. Уже на лестнице, я кое-что вспоминаю.

К черту мою жизнь!

Я забыла гребаную еду.

Знаете, что я люблю в Бу? Я люблю то, что она ничего не принимает близко к сердцу. Мысли о моей сестре испортили мне настроение. Сильно испортили. И я действительно больше не хотела проводить время с Бу, потому что знала, что моя компания была бы не ахти.

Когда она спросила меня, что со мной произошло, я сказала ей, что устала и хотела бы немного почитать, а затем пойти спать. Без вопросов, она обняла меня, сказав мне, что это здорово, что я вернулась домой, и ушла на ночное дежурство.

И вот я здесь, в кровати, притворяюсь что читаю, хотя на самом деле абсолютно безучастна к этому. Мой мозг, поглощенный мыслями о моей семье, даже не издал сигнал тревоги, информируя меня о том, что Нокс стоит в дверях спальни и молча смотрит на меня.

Когда он прочищает горло, я задумываюсь, как долго он стоял там и смотрел на то, как я смотрю на стену.

Глядя вверх на него, я спрашиваю:

— Всё в порядке?

Кивая, он проходит в комнату и садится на край кровати.

— Да.

Я уверена, что на моем лице явно отражается растерянность, но он ничего не говорит. Только протягивает гладкий, черный телефон и набирает номер. Прикладывая его к уху, он говорит в него:

— Готово? Ага. Спасибо. — Затем передает телефон мне.

Осторожно беря его, я прикладываю телефон к своему уху и слушаю. Я слышу, как люди непринужденно болтают, смех и мягкий звук музыки. Слышу хихиканье девушки на другом конце провода, она звучит растерянно.

— А-алло?

Срань Господня! Я знаю этот голос!

— Тера? — я почти кричу.

— Лили! — она почти взрывает мои барабанные перепонки, когда взволнованно вопит в трубку.

Ее энтузиазм, очевидно, заразителен, потому что не думая, я кидаюсь на колени к Ноксу и прыгаю.

Спасибо тебе, Господи!

Нокс издает напряженный, шумный вдох с каждым моим подпрыгиванием, как если бы я его душила, но я игнорирую его и быстро спрашиваю у сестры:

— Как ты там? Ты в безопасности? Ты знаешь, где находишься?

Тера хихикает.

— Хорошо — это ответ на первый вопрос, да — на второй, и догадайся сама — на третий.

Я вздыхаю.

— Я знаю, знаю. Я просто подумала... — обрывая себя, я качаю головой и проговариваю: — Это уже больше неважно, я так чертовски рада слышать твой голос! Ты даже не представляешь!

Она поддразнивает меня детским голоском.

— Оу! Ты по мне соскучилась?

Не думая, я поддразниваю ее в ответ таким же голоском.

— Да. Я очень сильно скучаю. — Я говорю скучаю как «шкучаю».

Нокс сдавленно смеется от нашего глупого разговор, но мне всё равно. Я в восторге, опускаю свои барьеры и откидываюсь назад на него. И я почти могла бы поклясться, что Нокс глубоко вздыхает, нюхая мои волосы.

Сейчас, мне нет до этого дела.

Я так счастлива, что если бы он попросил, я бы стянула свои трусики, чтобы он понюхал их.

Следующие несколько минут Тера рассказывает все, что произошло, пока мы были в разлуке.

Человек, который забрал ее из нашего дома в тот день — это парень по имени Джонатан. И этот Джонатан абсолютный душка. Они с Терой близки. Со слов Теры они хорошие друзья. И зная Теру, это означает, что она без ума от этого парня.

Это должно было бы меня беспокоить, потому что я не знаю этого парня, но сейчас, я просто так счастлива, что единственный совет, который ей даю — это чтобы она была осторожной. Тера рассказывает мне еще о двух ребятах Джонатана — Такиши и Шоне. Они тоже хорошие ребята. Хорошие ребята-пофигисты, и из того, что я слышу, они не имеют ничего общего с Ноксом. Они позволяют ей выбирать фильмы на кино вечера, также

разрешают ей взрывную музыку, если у нее соответствующее настроение; короче в общем, она чувствует себя как в отпуске.

Зная Теру, через час после того как ее забрали, она подружилась с каждым. В этом мы разные. Постоянная паранойя моего отца отразилась на мне.

После того, как она рассказывает мне о своем новом доме, она спрашивает:

— Итак, а как твой конспиративный дом? Там милые люди? — неожиданно став серьезной, она добавляет: — Они хорошо к тебе относятся, да?

Детально всё рассказывая, я говорю ей о повязке на глаза, моем бунте, недоверии людям здесь, и о Ноксе, строго соблюдающем правила. Я рассказываю ей о своей неудавшейся попытке побега, не упоминая инцидент с тем, как меня тянули за волосы, также то, что люди здесь действительно тоже очень классные; просто у меня заняло кое-какое время, чтобы это заметить. Я упоминаю, что у нас был небольшой инцидент на днях, на что она немного испугалась, но я ее успокаиваю, что со мной всё в порядке.

Она тихо спрашивает:

— А ты знаешь, почему мы здесь?

Зная, что мне следовало бы сказать ей, я секунду борюсь с собой, прежде чем спокойно лгу:

— Без малейшего понятия.

Она вздыхает.

— Я скучаю по тебе очень сильно, Лил, но я знаю, что отец не сделал бы это, не имея весомых причин.

О, дорогая. Ты не знаешь даже половины этого.

Соглашаясь с ней, я произношу.

— Да. Я знаю. Я люблю тебя, Рахрах.

Хихикая, она тоненько шепчет.

— Да, малышка. Я люблю тебя еще больше.

И затем ее больше не слышно.

Моя улыбка исчезает с лица. Пустота груди засасывает меня в никуда. Нокс обнимает и крепко держит меня. Спускает меня на землю.

Он продолжает держать меня, пока я рыдаю большую часть ночи.

12 глава

Когда вам весело, время летит незаметно

Один месяц спустя....

Лили

Держа причину раздражения в руке, я мчусь по коридору и бормочу ругательства себе под нос. Как только он слышит, что я иду, пытается закрыть перед моим лицом дверь, но я бросаюсь вперед, настигая его в самый последний момент.

Нокс громко вздыхает и спрашивает меня глубоким хриплым голосом:

— Что случилось, принцесса?

Я знаю, что он говорит это таким образом, чтобы это звучало пренебрежительно, но мне всё равно. Если я скажу ему, насколько сильно мне нравится то, что он так меня называет, он перестанет это делать из принципа.

И я не могу этого допустить. Единственное, что останавливает меня от того, чтобы не сойти с ума в конспиративном доме — это мои ежедневные споры с Ноксом.

Его волосы растрепаны и выглядят так дразняще, что я мысленно напоминаю себе, что не должна их трогать, когда я рядом с ним. Потому что это было бы странно, и мне бы пришлось объяснять, что у меня нет никакого фетиша связанного с волосами и...

Фух, ну обращайтесь внимания.

Нокс не самый красивый парень, которого я когда-либо видела, но почему у него есть эта глупая и непонятная власть надо мной?

Ты знаешь почему.

Я мысленно рву на себе волосы и визжу со всех сил.

Я знаю почему, черт побери.

Господи, да он же, как герой из сказки. Я знаю, что ему приказали защищать меня и всё такое, но он выполняет эту работу великолепно. Он делает это непринужденно. Он такой: «Давай, пакуй всё свои вещи», и я ему: «Нет, мне здесь нравится», а он такой: «Здесь небезопасно, принцесса», и я выдыхаю: «Хорошо».

Это основной наш диалог каждый гребаный раз.

Всё, что ему нужно сделать — это назвать меня принцессой, и у меня подкашиваются ноги. Я не знаю, как он это делает.

Он же старый!

Хорошо, двадцать восемь — это не старый, но он ведет себя будто ему пятьдесят!

Да уж, пятидесятилетний с рельефным прессом и руками, которые могли бы расплющить человеческий череп, и эти накачанные бедра... могу поспорить у него большой чл...

Не думай об этом. Просто не надо. Тебя предупредили, мозг.

Кто же знал, что девственница может быть такой потаскушкой?

Я знаю. Я отстой.

Поднимая полиэтиленовую упаковку вверх, я прочищаю горло, чтобы привлечь его внимание. Он смотрит на меня своими ледяными голубыми глазами, и я чувствую, как начинаю простужаться. Этот мужчина не часто выглядит счастливым.

Вообще-то никогда.

Окей, итак, это очень преувеличено, но сейчас я вне себя от ярости. И по веской причине.

Он смотрит то на меня, то на пакет и говорит с каменным выражением лица:

— Что на этот раз?

Бросая упаковку ему на стол, я говорю:

— Это не те, что нужно.

Он хмурится и берет ее в руки, чтобы получше рассмотреть. Мгновение он читает, затем говорит:

— Да. Это они.

Не в силах скрыть недоверчивый вид, я язвительно спрашиваю:

— И откуда же ты можешь это знать?

Он смотрит на меня, бросает упаковку мне и говорит:

— Потому что здесь написано, что они именно для этого.

Я скрещиваю руки на груди, прижимаюсь бедрами к его столу и резко отвечаю:

— Ну, это неправильно. Я знаю это. Я единственная, кто ими пользуется.

Он пожимает плечами и вздыхает. Еще раз смотрит на меня и хмурится, прежде чем взять рацию и нажать на кнопку, которая вызывает звук помех из нее. Кто-то на другом конце говорит:

— Вито.

Нокс продолжает свирепо смотреть на меня, пока говорит в рацию:

— Она говорит, что это не те.

Вито мгновение ничего не отвечает, затем говорит:

— Не понял, босс?

Нокс опускает голову, трясет ею и повторяет сквозь стиснутые зубы:

— Это не те, Вито.

Вито бормочет.

— Но на упаковке написано...

Нокс его обрывает:

— Я знаю! Я знаю, что на ней написано! Но она говорит, что это не те.

Вито вздыхает.

— Какого хрена тогда ей нужно?

Глаза Нокса увеличиваются в размере, глядя на меня с выражением, которое кричит: «Ну и?»

Я вырываю рацию у него из рук, нажимаю на кнопку и почти кричу:

— Обильные выделения! Понимаешь? Для обильных выделений, потому, что они у меня обильные во время моих месячных, потому что я девочка, и вот такое у нас происходит. — Он не отвечает, поэтому, нажимая еще раз на кнопку, я добавляю: — У меня кровотечение на протяжении нескольких дней, Вито. Мне нужен комфорт.

Нокс сдавлено смеется своим глубоким сексуальным смехом, и я бросаю в него рацией. Сильно. Улыбаясь, он ловит ее без труда. Я вылетаю из его кабинета, бубня себе под нос:

— Чертовы слабаки.

Как только я выхожу из комнаты, слышу, как Нокс снова спрашивает Вито по рации:

— Всё понял?

Вито немедленно отвечает:

— Каждую отвратительную деталь.

Всю дорогу по коридору я слышу, как Нокс смеется.

Я никогда не скажу ему, как сильно люблю этот звук.

Итак, прошел месяц. Я удивлена тем, насколько на самом деле быстро он пролетел.

Он был абсолютно затуманенным. Всё, что я действительно помню, так это каждодневные тренировки с Бу, Рокком или Ноксом.

Да. Вы правильно услышали.

Нокс решил, что хочет быть частью моих тренировок. Я подумала, что это хорошо, но когда у меня день тренировки с Ноксом, обычно на следующий день мне приходится ползать, потому что мои ноги превращаются в желе.

Я чувствую себя в более хорошей форме. Я чувствую себя здоровее и в отличном расположении духа.

Однажды вечером, несколько недель назад на ужине, я подняла тему того, чтобы мне позволяли общаться с моей семьей регулярно. И все прошло примерно так.

Я нервно гоняла еду по тарелке, Бу спросила:

— Всё хорошо, Ди?

Это сигнал!

Кладя вилку на стол, я прочистила горло и заявила:

— Вообще-то нет.

Нокс и Рок перестали есть и обратили всё свое внимание на меня. Имейте в виду, это было запланировано заранее. Рок и Бу знали в точности что происходит. У них даже были свои реплики, которые нужно было запомнить.

Рок воодушевился.

— В чем проблема, Лили?

Я начала.

— Ну, я надеялась поговорить с вами о своей семье.

Нокс сразу затряс головой, и я добавила в спешке:

— Я не прошу ничего такого глобального, Нокс, просто немного времени для разговора с ними изредка. Это кажется справедливым. Правда?

Посмотрела на Бу и Рока, они оба громко и оживленно ответили в унисон.

Бу решительно закивала.

— Да, конечно!

Рок согласился.

— Конечно. Я имею в виду, это же не то, что ты просишь увидеться с ними или что-то в этом роде.

Бу добавила.

— Это, определенно, не является несправедливым.

Рок проговорил.

— Вовсе не несправедливо.

Затем все наши три лица в мольбе обратились к Ноксу.

Глядя на нас троих через сощуренные глаза, он широко улыбнулся и объявил:

— Я подумаю об этом. — Затем он покинул ужин, посмеиваясь.

Мы все трое скуцковались, в спешке переговариваясь.

Я прошептала:

— Хорошо, вы знаете его лучше, чем я. Это был хороший смешок или «ни-за-что-на-свете» смешок?

Бу тихо сказала:

— Я не уверена. Это определенно не было отказом, но с Ноксом, ты никогда не знаешь, что будет.

Рок широко улыбнулся.

— О да, детка. Ты это сделала. Я его знаю достаточно хорошо, чтобы понять, что на него произвело впечатление то, что ты взяла инициативу на себя. Он может не дать тебе многого, но он даст тебе хоть что-то. Понимаешь? За твои усилия.

И знали бы вы, что на следующую ночь Нокс пришел ко мне в комнату, чтобы сказать, что позволит мне разговаривать с моими родителями раз в две недели и с моей сестрой — раз в неделю.

Он сказал, что звонки должны быть продолжительностью в пять минут и не дольше.

Сейчас, я немного знаю о переговорах, но знаю, что нужно начинать с завышенных требований.

— Полчаса. Минимум, — предложила я.

Нокс покачал головой и издал звук неверия.

— Ммм. Нет. Пять минут.

Я попробовала надавить.

— Дай мне хоть что-то, с чем я смогу работать, Нокс. Двадцать минут.

Его губы дернулись в маленькой улыбке, но он твердо сказал:

— Пять минут.

Моя бравада немного утихла, когда мое следующее предложение больше прозвучало как вопрос.

— Восемнадцать минут?

Его голос смягчился.

— Лили.

Мое сердце колотилось, нос зачесался, слышалась глупая дрожь в моем голосе, когда я тихо спросила:

— Пятнадцать минут?

Еще более мягко. Мягче мягкого.

— Лили. — Его голос молил меня не настаивать.

Явное поражение. Я опустила свой подбородок, чтобы спрятать дрожащие губы и прошептала:

— Хорошо. Пять минут.

Пододвигаясь ближе ко мне, он взял мой подбородок большим и указательным пальцами, поднимая его. Мои, наполненные слезами глаза, встретились с его — льдисто-голубыми. Я моментально окаменела, когда увидела в них что-то похожее на симпатию.

Свободной рукой он погладил меня по волосам, опустил руку и объяснил:

— Я не несправедливый парень, Лили. Я знаю, что ты думаешь, что я мудака, и меня это устраивает. Но мне нужно, чтобы ты знала, что я не несправедливый. Никогда таким не был.

У меня заняло почти тридцать секунд, чтобы понять, что он имел в виду.

Он имел в виду, что если бы была лазейка дать мне то, чего я хочу, он бы ее рассмотрел.

Но он не может мне предложить лазейку, когда ее нет.

Перебивая мои размышления, он предложил:

— Звонки — раз в неделю. Пять минут с твоими родителями, — твердо придерживая мой подбородок, он сверлил меня своим взглядом. — Пятнадцать минут с твоей сестрой.

Когда я бросилась к нему и уткнулась лицом в его шею, он крепко держал меня. Мои глупые слезы так и покатались.

Он никогда меня не бросал.

Он бы меня не бросил.

Он был моим щитом.

Он меня защитит.

Почти от всего.

Итак, я думаю, вы могли бы сказать, что отношения между мной и Ноксом и улучшились, и ухудшились. За прошедший месяц мне удалось выведать у него немного информации.

Независимо от того, какие это несущественные и глупые факты, я чувствую себя победителем.

Факт.

Нокс любит чай со льдом. Он напоминает ему о доме.

Однажды я допустила ошибку, спросив его, добавить ли мне сахар. Он немедленно ответил:

— Сладкий чай для девчонок. — Затем он ушел.

Факт.

Нокс свободно владеет тремя языками и удовлетворительно знает еще шесть.

Он не говорит мне, какими именно.

Факт.

Когда Ноксу было шестнадцать, его задержали пьяного в стельку в стрип-клубе. Владелец позвонил его мамочке, и она потащила его домой за ухо.

Факт.

Нокс не был близок с женщиной уже два года.

Со слов Бу.

Факт.

Заставить Нокса поделиться частичкой себя тяжелее, чем вырвать зуб у тигра.

Факт.

Делайла Флинн предпочитает спать, когда ее за талию обнимает сильная рука.

Пару недель назад я проснулась в холодном поту и с сердцем, выпрыгивающем из груди. Когда я открыла глаза, то посмотрела на дверной проем, и на мгновение мне захотелось увидеть, как там спит Нокс.

С тех пор, как мы вернулись с нашего приключения в мотеле, Нокс оставил меня одну. И хотя я была рада тому, что он мне доверяет, но следующей же ночью уже скучала по его присутствию и тому комфорту, который от него испытывала.

После того первого приключения было еще два.

Оба включали в себя пронзительный визг сигнализации. Оба включали в себя бросание

меня на заднее сиденье черного фургона. Оба включали в себя меня с завязанными глазами. Обе включали в себя самый мрачный и маленький мотель, в котором мы останавливались, в часах езды от нашего дома.

В обоих случаях были лишь я и Нокс.

В обоих случаях Нокс спал прижатый к моей спине и с обернутой рукой вокруг моей талии.

Вы не услышите от меня жалобы.

На самом деле, мое напряженное тело становилось мягким от контакта.

Я скучала по этому.

Итак, когда я проснулась в холодном поту, ускоренным сердцебиением почти в четыре утра, было понятно, что мне нужно. Вы скажете душ?

Черт, нет.

Я нуждалась в руке, обнимающей меня.

Выскальзывая из кровати, я сбросила с себя мокрую ночнушку, переделась в футболку и на цыпочках вышла из комнаты. Крадясь по коридору, я достигла двери в самом его конце, схватилась за дверную ручку и повернула ее.

Только чтобы почувствовать сопротивление.

Черт побери!

Нокс запер свою дверь на ночь.

У меня свело живот.

Я стояла в коридоре, одетая в мешковатую белую футболку и трусики, размышляя, что же делать дальше, когда что-то щелкнуло, и дверь открылась. Нокс стоял в боксерах, выглядел уставшим и только что проснувшимся. Не говоря ни слова, я протиснулась и зашагала по комнате, забралась в его кровать, отворачиваясь от него, и укрылась одеялом.

Со вздохом опустив голову, я ждала.

И ждала.

Терпеливо я подождала еще немного, пока наконец-то не почувствовала это. Кровать прогнулась, и Нокс лег рядом со мной.

Повернулся ко мне, его рука обняла меня за бедра, и он прижал меня к своему телу.

Не было сказано ни слова.

И это было нормально.

Мы не нуждались в словах.

Это была не последняя ночь, которую я провела в постели Нокса.

На самом деле я спала в его постели чаще, чем в своей. Он даже начал оставлять дверь своей спальни незапертой, зная, что во время от полуночи до пяти-шести утра я появлюсь.

Как-то одним утром, Рок зашел в комнату и увидел нас спящими, и когда мы оба подняли головы, чтобы посмотреть на него, он выглядел так, будто бы только что узнал, что единороги действительно существуют.

Лучшая часть этой ситуации?

Нокс заворчал.

— Тебе что-нибудь нужно? — как будто ничего необычного не произошло.

Брови Рока взлетели так быстро, что я подумала, что они бы могли слететь с его лица.

— Неа. Просто хотел узнать, не хочешь ли ты спарринг перед работой, но, — ухмыляясь как засранец, он закончил, — я вижу, ты устал.

Выходя из комнаты, он закрыл за собой дверь, и Нокс подтянул меня к себе, пробубнив:

— Засранец.

Я обняла его и тихо вздохнула.

— Ммххммм.

Затем мы спали в течение большей части утра.

Это было безмятежно.

Тихо.

Идеально.

Перенесемся на три недели вперед....

Я смутно слышу, что-то проникает внутрь моего глубокого сна.

— Босс?

Мой сон тянет меня назад, и как только я достигаю его интересной части, раздаются жужжащие звуки, затем я слышу немного более отчетливо:

— Босс? Давай же.

Поглядывая одним глазом, я проверяю часы на ночном столике.

7:47 утра.

Ох, во имя всего святого. Почему люди просыпаются в такое время?

Собирая всё свое терпение, я перекатываюсь по кровати. Я делаю это с легкостью, которая сразу предупреждает меня о то, что Нокс уже проснулся.

— Черт, Босс? Давай же. — Звук доносится из рации на противоположном ночном столике.

Тянусь на кровати и нажимаю кнопку на рации.

— Он в душе, Вито.

— Лили? Какого...? Знаешь что, я не хочу этого знать, — робко отвечает Вито.

Я хихикаю.

— Заткнись, Вито. Я спала. И, кстати, мне нужны еще прокладки.

Очевидно, растерянный он спрашивает:

— Прокладки? Какие прокладки?

— Женские гигиенические. Тетушка Менструация на подходе.

Я почти вижу отвращение на его лице.

— Слишком много информации, Лили. Seriously, малышка. Просто скажи мне, что тебе нужно.

Снова чувствуя сонливость, я мямлю:

— Для обильных выделений.

Он давится смехом.

— О, да, как будто я мог забыть, ага? Понял. Еще что-нибудь?

Вау. Спрашивать женщину, у которой скоро начнутся месячные, нужно ли ей что-нибудь — опасный вопрос.

Вот что я сейчас об этом думаю и добавляю к своему списку.

— Уф, да. Конфеты. Много конфет. И журнал. Или три. И блинчики. И хорошие, а не

такие, которые ты привез в прошлый раз. Они по вкусу были как картон. Может немного бекона тоже. И не забудь сироп.

Он насмехается.

— Малышка, я имел в виду предметы первой необходимости.

Закатывая глаза, я произношу:

— Вито, это и есть предметы первой необходимости для девушки с ее ежемесячными друзьями.

Тишина.

Мне нужно немного его умаслить. Певучим голоском я говорю:

— Ну, давай же, Вито. А я буду к тебе милой.

Неожиданно быстро он отвечает:

— О, Лили. Если ты будешь еще более сладенькой (прим. ред sweet с англ. милый, сладкий) у меня будет сахарная кома.

Я потрясена и совершенно изумлена.

— Вито, это было...? Ты только что...? Ты флиртовал?

Он тихо говорит.

— Это от многого зависит.

Я опять сбита с толку.

— От чего?

Он хрипло бормочет:

— Зависит от того, понравилось ли тебе это, малышка.

Поразмыслив над этим, я бормочу:

— Ну, это было для меня впервые, но да, это было мило.

Вито звучит шокированным:

— Никто никогда с тобой раньше не флиртовал?

— Нет. — Я выделяю в слове «т».

Я слышу улыбку в его голосе.

— Это же преступление, детка.

И тогда, дверь в ванную открывается и входит Нокс, одетый только в полотенце.

Мой мозг улыбается как кот на сметану. Видеть Нокса в таком виде уже не необычно.

Скромность осталась в прошлом.

Нокс направляет свой взгляд на рацию в моей руке, и я закатываю глаза. Нажимая на кнопку, я говорю:

— Слушай, мне нужно идти. Сеньор Злюка только что вышел из душа. Тебе он нужен?

Вито фыркает.

— Нет. Разве что ему что-то нужно.

Лежа в кровати, я смотрю на Нокса и спрашиваю:

— Тебе что-нибудь нужно в магазине?

Ступая в пару серых боксеров, он натягивает их под полотенцем и отвечает.

— Овсяные хлопья. Яблоки. Яйца.

Всё еще нажимая на кнопкурации, я спрашиваю:

— Ты услышал, Вито?

— Понял. Удачного дня, сладкая-сладкая Лили. — Он перебарщивает с хрипотцой, и я хихикаю, прежде чем с придыханием говорю:

— Пока, малыш.

Всё еще хихикая, я кладу рацию назад на ночной столик и смотрю, как Нокс одевается.

Я люблю эту часть утра. Он ведет себя так, будто я не существую, а я вижу себя так, будто он меня не видит. Хотя сегодняшней день для меня другой. Я не могу стереть со своего лица улыбку. Меня не волнует, что он не знает, какой сегодня день. Меня не волнует, что никто не знает, какой сегодня день. Я просто счастлива, что дожила до своего следующего дня рождения целой и невредимой в окружении своих друзей.

А горячий парень в моей кровати?

Несомненный бонус.

13 глава

Похмелье

Три дня спустя...

Нокс

Я бью мешок. Сильно.

Еще раз. Сильнее.

Чувство боли, которое проходит через слегка перевязанные костяшки вверх по моей руке, затем исчезает в моем теле — ощущается приятно.

Боль — это хорошо.

Боль — это признак того, что ты еще жив. Ну, по крайней мере, существуешь.

Боль также хороший способ поиграть в игры со своим разумом. Приему отвлечения я научился на ранних этапах тренировок.

И мне необходимо это гребаное отвлечение.

Проснуться со стояком, прижимающимся к заднице Лили — это достаточно, чтобы кому-либо испортить настроение.

Да. Всё верно. Плохое настроение.

Почему плохое?

Потому что я чувствую, как дразню свой член каждый день и при этом не получаю разрядку! Конечно, я могу подрочить, но это заставит меня чувствовать себя отморозком. Дрочить в ванной в нашей комнате это просто... неправильно.

Чтоб меня.

Я только что сказал «наша комната»?

Я бью по мешку снова и снова, рыча сквозь стиснутые зубы.

Это плохо. Очень плохо.

Нет. Мне это не нравится.

Три недели.

Три гребаные недели сна рядом с этой девушкой.

Эта девушка. Она просто девушка.

О, я попаду в ад. Без сомнений. Особенно после сна прошлой ночью.

Завершая свою утреннюю тренировку, я выхожу из тренажерного зала в коридор. И вот она. Бу рассмешила ее чем-то. У нее красивый смех. У него не нежное и легкое звучание. Это не хихиканье. Он раскованный и будоражащий. Когда она смеется, я чувствую, что у меня есть возможность увидеть настоящую Лили. Ту, чей разум не помешал ей жить нормальной жизнью. Ту, которая не параноик и не на грани всё это время.

Свободная Лили.

На ней надета пара маленьких черных шорт для тренировки и широкая белая футболка, завязанная в узел на животе. Затем я вижу ее ноги и хмурюсь.

Подхожу к ним, и мы встречаемся на полпути. Я говорю.

— Сними ботинки.

Смушение искажает ее лицо.

— Почему?

Потому что они выглядят слишком сексуально на твоих длинных ногах, и я ничего не могу с собой поделать.

— Потому что они не твои, — говорю я, как ни в чем не бывало.

Ее глаза расширяются, и она отчетливо говорит:

— Ммм, да, они мои.

Что?

Хорошо, итак, на берцах ярко-розовые шнурки, но ты не можешь их купить где угодно. Мне кажется, что мне нужно надавить на это.

— Ты не можешь их просто купить абы где, Лили.

Бу и Лили обмениваются взглядами, затем улыбаются. Лили произносит:

— Да, Нокс, я не могу. Бу купила их для меня, и они мне очень нравятся, поэтому я останусь в них.

Я не понимаю.

Поворачиваясь к Бу, я спрашиваю:

— Почему ты купила ей ботинки? Ей не нужны ботинки.

Бу мгновение колеблется, прежде чем тихо сказать:

— Потому что у нее был день рождения и это то, чего она захотела, поэтому это то, что она получила.

Ее день рождения?

Я, мать вашу, забыл о ее дне рождения. Превосходно. Теперь я чувствую себя засранцем.

Что мне теперь говорить?

— Уф, прими мои запоздалые поздравления. Думаю, ты можешь оставить себе эти ботинки.

Закатывая глаза, она бормочет:

— Спасибо, членоголовый. — Она тянет за собой Бу, и они исчезают, спускаясь вниз по лестнице.

Глядя на то, как она уходит, у меня появляется идея. Она, вероятно, не очень хорошая, но хоть что-то. Заходя обратно в тренажерный зал, я спрашиваю Рока:

— Ты знаешь, что у Лили был день рождения?

Рок продолжает бить мешок, но учащенно дыша, отвечает:

— Да. Бу подарила ей ботинки. Вито — цветы. Я подарил ей электронную книгу.

Какого черта?

Вито подарил ей цветы? Маленький ублюдок. Мне нужно с ним поговорить.

Я проговариваю:

— Подарил ей электронную книгу?

Рок пожимает плечами.

— Ей она нравится. Всегда с книгами. — Он поворачивается ко мне, ухмыляясь. — Знаешь, что говорят о женщинах, которые читают?

Я не имею ни малейшего понятия, что говорят о женщинах, которые читают, но знаю, что он скажет что-то пошное. И это не поможет ни мне, ни моей эрекции, с которой я ношусь уже три недели. Оборачиваясь, я стреляю в него взглядом, и он сдавленно смеется себе под нос.

Мне нужно что-то найти. И для того, чтобы это найти, мне придется основательно покопаться.

Время заворачивать подарок.

Лили

— Парень абсолютно испорченный, но одновременно он такой романтичный. Мне нравятся доминантные персонажи. Но знаешь что забавно? Если бы у меня был парень, который относился бы ко мне так, как в этой книге — я бы сбежала. И быстро, — я говорю Бу. Я дала ей почитать немного эротических книг, и они ей понравились. Поэтому, как и следовало ожидать, мы разговариваем о непристойностях.

Бу откидывается назад в своем садовом кресле.

— О, я тебя понимаю, дорогуша. Этот чувак богат, могущественен и ему нужна саба. Я не саба. Я никогда не была сабой. Но ради него, я бы притворилась ею. — Через мгновение она добавляет: — Но как бы то ни было, эта девушка... блин! То, с чем она мирится? И как он иногда с ней обходится? Ой. Она — пятьдесят оттенков безумства.

Я прыскаю со смеху.

— Пятьдесят оттенков безумства?

Бу загорает на солнце с закрытыми глазами, она поджимает губы и кивает.

— И еще немного.

Еще одна вещь, которая изменилась в доме — то, что я могу выходить на улицу, когда пожелаю. Будь я под наблюдением или без присмотра. И это делает меня счастливой. Хоть я и не большой фанат солнца (Ирландка, помните? Я получаю солнечные ожоги от фейерверков), но мне нравится знание того, что я могу видеть его, когда захочу.

Бу и я сейчас находимся на свежем воздухе для нашего каждодневного получения витамина D, как и на протяжении нескольких недель. Она говорит, что это полезно для тренировок, потому что витамин D помогает усваивать кальций, который нужен телу по ряду причин. Она также сказала мне, что десять процентов людей в США испытывают дефицит витамина D, и огромная доля из них — женщины, что означает, что многие из этих женщин испытывают недостаток кальция.

И вот я здесь, даю своей заднице немного витамина D.

Жаркое послеполуденное солнце с приближением заката превращается в мягкое и теплое, и я спрашиваю.

— Ты когда-нибудь прежде напивалась, Бу?

Фыркая, она произносит:

— Уф, да. Несколько раз, вообще-то. Более чем достаточно для моей молодости. Моей матери было тяжело меня контролировать, когда я была подростком, — она замолкает, прежде чем спросить: — А что?

Пожимая плечами, я объясняю:

— Мне просто было интересно. Я никогда не делала ничего из таких вещей, и сейчас я чувствую, как будто у меня не было полноценного детства и юношества. Мне двадцать три и у меня длинный список вещей «у меня никогда не было». — Смеясь над самой собой, я говорю: — Это неправильно. Я расстроена из-за того, что никогда прежде не напивалась. Кто так делает?

Бу сразу же защищает меня.

— Ты. Потому что ты Делайла чертова Флинн, плохая мама-джама и женщина с душой,

слишком старой для ее возраста. И если Делайла Флинн захочет напиться, то Делайла Флинн — напьется.

О, боже! Это была лучшая чертова ободряющая речь, которая у меня когда-либо была!

Всё, решено.

Сегодня ночью я напьюсь.

Как только я захожу в кухню, запах жареного бекона атакует мой нос. Обычно запах такой вкуснятины заставил бы меня немного потанцевать на месте, но сегодня... он заставляет меня захотеть блевать.

Нокс стоит у плиты, одетый в пару черных брюк-карго и темно-синюю обтягивающую футболку, с босыми ногами, его волосы всё еще влажные после утреннего душа. Когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, то прыскает со смеху от моего жалкого вида.

Он смеется так громко, что у меня звенит в ушах.

Я не хочу слышать от него, что он меня предупреждал, поэтому подхожу к барной стойке и сажусь так непринужденно, насколько это возможно, притворяясь, что у меня ничего не болит. Он ухмыляется и громко говорит:

— Мог бы поспорить, что ты голодная, принцесса.

Я борюсь с желанием сильно сглотнуть и задержать дыхание, чтобы не ощущать запах бекона и яиц.

Я думала, что бекон создан для того, чтобы делать всё лучше?

Нокс ухмыляется.

— Ммммм. Бекон. Я люблю бекон. Жареный, жирный бекон. Жир полностью тает. Бекон такой хрустящий, что ты можешь сломать его. Ох, и яйца. Давай не будем забывать насколько яйца потрясающие. Богатые протеином. Жареные на жире от бекона. Я просто обожаю вычерпывать липкий и сладкий, вязкий желток. — Он содрогается на слове «вязкий». — Я знаю, что некоторым людям он не нравится, но что касается меня — чем более вязкий, тем лучше. Черт, я ем яйца сырыми. — Он изображает, как разбивает яйцо о столешницу. — Просто разбиваешь и... — он поднимает воображаемое яйцо над своим открытым ртом, — ...и просто проглатываешь этого засранца. Медленно вытекающее, сырое совершенство. Ощущение, будто ты ешь пригоршню соплей. Я имею в виду... — жестокая улыбка появляется на его лице. Он наклоняется вперед к моему лицу, — представь — есть полную пригоршню слизи.

Вот дерьмо. Меня сейчас вырвет.

Спешу прочь из кухни на трясущихся ногах и добираюсь до ванной, прежде чем давлюсь и меня рвет. Меня тошнит только зеленой, зловонной желчью. Мой желудок пуст, но я всё еще чувствую позывы. Холодный пот выступает на всем моем теле и меня трясет.

Вот дерьмо. Мне так отстойно. Какого хрена люди пьют это дерьмо?

Он прочищает горло в дверях, и я чувствую что-то холодное на шее сзади. Сразу чувствую облегчение. Мой желудок успокаивается.

— О, спасибо. Я больше никогда не буду пить. Вообще никогда, — я говорю охрипшим голосом. Прислоняюсь щекой к стульчаку, даже не переживая о том, что, возможно, кто-то испражнялся на нем этим утром. Ничего сейчас неважно так, как дать моему уставшему телу маленькую передышку.

Нокс сжимает мою шею сзади и легонько встряхивает меня. Он тихо говорит:

— Прими аспирин, и когда тебе покажется, что ты уже можешь есть, я сделаю тебе большую миску овсянки. Она успокоит твой желудок.

Я слышу, как он возвращается на кухню, и я удивлена. Он не злорадствовал. Не сказал мне, что он меня предупреждал. На самом деле он был довольно милым.

Ну и хрен!

Он сделал это специально. Теперь я не могу злиться на него, иначе я буду выглядеть как дрянь.

После того, как моя голова еще несколько секунд покоится на стульчаке, я встаю на трясущиеся ноги и иду назад в свою комнату. Поднимая руку, я машу на себя и почти теряю сознание.

Запах тела, смешанный с дезодорантом не совсем приятен.

Срывая с себя вчерашнюю одежду, я направляюсь в душ. По какой-то причине горячая вода, омывающая мой живот, заставляет меня опять чувствовать тошноту. Быстро я выключаю ее и позволяю ледяной воде смыть весь стыд и глупость, которую я чувствую.

Не помогает.

Ни капельки.

Я чистая, но всё еще подавленная. Я не могу избегать встречи с ним сегодня, поэтому одеваюсь в черные треники и его мешковатую серую футболку с надписью «АРМИЯ» и возвращаюсь на кухню.

Здесь уже не пахнет беконом. Нокс сидит за столом и ест овсянку и фрукты, пока читает газету.

О господи. Он даже не ел бекон.

Ну, он и задница. Это всё было устроено для меня.

«Ты заслужила это».

Да, я заслужила. Признаю. Я присаживаюсь на место напротив него, и он опускает газету. Улыбаясь дьявольской улыбкой, он спокойно спрашивает:

— Чувствуешь себя лучше, принцесса?

Не доверяя себе говорить, чтобы при этом меня не вырвало, я сжимаюсь и киваю. На мгновение он выглядит обеспокоенным. Он хмурится.

— Ты не разговариваешь со мной или всё еще чувствуешь себя плохо?

Я показываю пальцами, что второе, и он расслабляется. Проходит мимо меня к микроволновке и говорит:

— Нет ничего, что не исправило бы немного аспирина и овсянка.

Удивленная таким милым жестом, я наблюдаю, как он накладывает мне завтрак.

Какое-то время я просто ковыряюсь в тарелке. Съев половину, мой аппетит возвращается, и я с жадностью набрасываюсь на остатки еды. Я принимаю две таблетки аспирина, которые он мне принес, и спрашиваю:

— Где все?

Нокс ухмыляется.

— Работают. Ну, а Рок присматривает за Бу.

Сразу забеспокоившись, я спрашиваю слишком громко:

— Что произошло с Бу?

Он сдавленно смеется.

— Вот дерьмо. Ты даже не помнишь. — Затем он объясняет: — В общем, ты выпила

где-то пять-шесть шотов с текилой одна. — Я испытываю отвращение от слова «текила» и закрываю рот. — Затем ты сказала, что это не весело пить в одиночку и умоляла Бу выпить с тобой. И она решила выпить, потому что утром ей не нужно на работу. Итак, у вас с Бу была ваша частная вечеринка. Выпивка, танцы на столе и заигрывание с каждым из моих парней, которые были в этом доме.

Я громко задыхаюсь.

— Нет. Не может быть! Ты врешь.

Он удивленно поднимает брови и подталкивает ко мне свой телефон, чтобы я осмелилась взять его.

Я съеживаюсь.

— Ты снял меня на видео, не так ли? — он кивает. — Я выставила себя на посмешище, не так ли? — он снова кивает, его выражение лица на удивление мягкое. — Хорошо, я верю тебе. Удали видео... пожалуйста.

Взяв телефон, он какое-то время вертит его в своих руках.

— Уверена, что не хочешь посмотреть ту часть, где ты говорила, что я круче чем Хафф (прим. ред. американский актёр и певец. Наиболее известен по ролям в телесериалах «Рыцарь дорог» и «Спасатели Малибу»)?

Я снова тяжело дышу, испытывая отвращение к самой себе.

— Что? Это чушь! Извини меня, Нокс, но это просто подло. — Улыбка Нокса становится еще шире. — Никто не круче Дэвида Хассельхоффа! Я имею в виду, ну это же Хафф! — Тряся головой, я широко открываю глаза, чтобы показать ему, насколько глупой была эта мысль.

Нокс моргает. Один, два раза, затем он запрокидывает голову назад и заливается смехом. И, несмотря на то, что это причиняет боль моим ушам и грохочет по моему мозгу, я улыбаюсь. Этот смех... я думаю, его можно было бы описать, как песню падшего ангела. Настолько хорош, что он него намокают трусики.

Грубый, чувствительный смех.

Я вздыхаю.

Вожусь ложкой в своей пустой тарелке, я не осмеливаюсь посмотреть на него, когда спрашиваю:

— Итак, я подкатывала ко всем твоим парням?

Неожиданно Нокс замолкает. Я поднимаю глаза и обнаруживаю, что он сверлит меня взглядом. Он кивает.

— Да. Моим людям не нужно подобного рода отвлечения, Лили.

Серьезно чувствуя свою вину, я опять опускаю глаза. Я думаю это уже сорок седьмой раз за это утро.

— Извини меня, Нокс. Кажется, я становлюсь немного дружелюбной, когда напиваюсь.

Он фыркает.

— Дружелюбной? Ты засунула свой язык в ухо Мэтью, будто бы лизала леденец!

Мое лицо вспыхивает малиновым цветом, и я пишу:

— Ты меня разыгрываешь!

Он отчаянно качает головой.

— Нет. Боюсь, что нет, малышка. Дружелюбной? Нет. Игривой. Да. Чересчур игривой.

К черту мою жизнь!

Скрещивая руки на столе, я опускаю на них голову и глухо говорю:

— Что еще я вытворяла?

Нокс сдавлено смеется. Что-то есть в этом смехе, что мне не нравится. Я знаю, что мне не понравится то, что я сейчас услышу.

— Ну, ты, эм... ты вроде как поцеловала меня. Дважды, — говорит он тихо.

Вот же бл*дь. А становится всё лучше и лучше.

Мое лицо заливается краской, даже ярче чем красной, и я поднимаю голову. Нокс играет своими бровями и смотрит на меня слишком довольный собой, и я ничего не могу с собой поделать и начинаю смеяться над своей глупостью.

— Ну, это хреново. Мой первый поцелуй, а я его даже не помню. Представляешь. Я была плоха в этом?

Улыбка Нокса исчезает с лица. Он выглядит ошеломленным. Перегибаясь через стол, он смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Никогда не целовалась? Что ты имеешь в виду?

Вот черт. Я и мой длинный язык.

Пытаясь отмахнуться, я пожимаю плечами.

— Ничего особенного. У меня в действительности было не так много возможностей встречаться с людьми, а именно парнями, которые находились под запретом моего отца. Просто это одна из таких вещей. Итак, полагаю я была отстойная в этом, да?

Нокс нахмуривает брови и откидывается назад. Он смотрит наверх, как будто задумывается.

— Нет. Все было неплохо. Немного слякотно. Но я действительно не могу судить, потому что оба раза я останавливал тебя после пары секунд. И я был искушен тем, чтобы сделать фото, как ты пристаешь ко мне, в качестве материала для шантажа, но я этого не сделал... потому что я джентльмен.

В его громкой речи, на части «джентльмен», я прыскаю со смеху, что причиняет боль моему обезвоженному и страдающему от похмелья телу.

— Никакой ты не джентльмен, Нокс! Что тебя заставило так думать? Ты антиджентельмен. Ты грубый и пугающий, и иногда чересчур жесткий. Ты — грубомен, а не джентльмен! — я хохочу.

Он сердито смотрит на меня, но ничего не говорит. Я сразу же чувствую себя задницей и пытаюсь смягчить обиду, я не ожидала, что это его так затронет.

— Наверное, это просто из-за того, какую работу ты выполняешь. Я уверена, что ты мог бы быть джентльменом, если бы попытался, Нокс. Правда.

Кто-то, спотыкаясь, заходит на кухню. Мы оба смотрим на Бу, которая выглядит хуже, чем я этим утром. Нокс открывает свой рот, чтобы что-то сказать, но она обрывает его взмахом руки.

— Нет.

Бу пристально смотрит на меня.

— Господи, ты отстой. Напомни мне никогда больше с тобой не пить. Ты как долбаная бездонная бочка. Просто продолжала с жадностью пить.

Я пожимаю плечами.

— Я ирландка, — говорю это так, будто бы это должно объяснить мои способности в выпивке.

Бу с отвращением шипит.

— Шшшшшш!

Я тихо хихикаю. Я даже не говорила громко. Нокс ухмыляется ей.

— Тебе бы лучше прийти в норму сегодня, Бу. Я не позволю тебе спать до завтра. Тебе повезло, что я позволяю Року заботиться о тебе сегодня. Ему следовало патрулировать территорию.

Бу фыркает.

— Заботиться обо мне? Эта задница спит, Нокс. Даже не пошевелил и пальцем, когда я бросилась в ванную, чтобы вырвать, только застонал и перевернулся на другой бок.

Нокс хмурится.

— Вот засранец. Будет работать за двоих после обеда.

Бу широко, победно, улыбается. Мне нравятся отношения между ней и Роком. Они не похожи ни на какие другие отношения, которые я видела или о которых читала. Они как будто в режиме постоянного соперничества друг с другом и не радикально, а в игривой форме. Это милое соперничество. Я улыбаюсь с легкой завистью.

Им, должно быть, очень весело вместе. Счастливчики.

Я буду счастлива, если когда-нибудь найду себе парня. Зная мою удачу, это никогда не произойдет. Я буду толстой старой девой, которая вяжет чехлы для всего, что у нее есть. Еще добавить несколько кошек для общения, и это будет моя жизнь. Я имею в виду, я даже не могу вспомнить свой первый поцелуй, а он произошел только вчера ночью.

Нокс и Бу разговаривают, пока она наливает себе чашку кофе. Неумышленно, я ловлю себя на том, что рассматриваю пухлые губы Нокса, и мой мозг задумывается.

Как они ощущались? Грубые или мягкие? Может, он использует гигиеническую помаду.

Я борюсь с желанием громко рассмеяться. Нокс не пользуется чертовой гигиенической помадой, мозг!

Хорошо, вычеркиваем помаду. Он поцеловал меня в ответ? Были ли его поцелуи сладкими и нежными, или требовательными и притягательными?

Срань Господняя, я возбуждаюсь.

«Хорошо, он сказал, что остановил тебя через несколько секунд. Почему он не остановил тебя сразу же?»

Ну... потому что... это... это действительно хороший вопрос. Почему он не остановил меня сразу же?

«Потому что он хотел, чтобы ты накинулась на него, конечно же!»

Не может быть, мозг. Ты — сумасшедший. Что означает, что я сумасшедшая.

Хорошо, у меня сейчас спор с собственным мозгом. И я официально его проиграла. Bravo, Нокс. Ты победил. Мне нужно прекратить читать эротические любовные романы. Это очевидно заполняет мою голову сексуальными мыслями... всё чертово время.

— Лили?

Я трясую головой, смотрю вверх и вижу, как Нокс и Бу пристально смотрят на меня, выглядя обеспокоенно.

— Как долго я была в отключке?

Бу ухмыляется.

— Долговато. Мы звали тебя добрую минуту, милая.

Губы Нокса дергаются, и я пристально смотрю на него так, будто бы в этом всем была его вина. Я говорю ему демонстративно:

— Я больше никогда не буду пить. — Затем со стуком опускаю голову назад на стол.

14 глава

Твой нож. Моя спина

Лили

Прошли недели с того времени как я спала в своей кровати, но каждый день я заглядываю в свою старую комнату, чтобы взять сменную одежду. И сегодня не исключение. Заходя к себе в комнату, я встаю как вкопанная, когда вижу маленькую белую коробочку на своей кровати. Она чертовски маленькая, поэтому на девяносто девять процентов я уверена, что это не бомба.

Я ахаю.

Тряся головой, я мысленно ругаю себя за то, что я такая возмутительно глупая. Но, несмотря на это — это всё же проблема. Когда ты узнаешь, что кто-то пытается убить тебя, ты становишься подозрительным ко всему. Еще нужно учесть сказавшуюся на мне паранойю моего отца. Паранойя плюс подозрительность равно истерика.

Я подхожу к ней поближе и вижу, что сверху каракулями нацарапано «Лили».

Опускаю руку, поднимаю коробочку, когда слышу, как кто-то позади меня прочищает горло. Я бросаю коробку, будто бы она горячая и поворачиваюсь на пятках, чтобы встретиться лицом к лицу с незванным гостем. Нокс стоит в дверях, одетый в свою обычную форму: черные брюки карго, армейские ботинки, обтягивающую черную майку и черный кожаный ремень.

Всё черное для темного и губительного мужчины.

Его руки держатся за верхушку дверного проема, от чего мускулы на его руках выглядят жилистыми и адски горячими. Он заходит ко мне в комнату и его лицо лишено всяких эмоций. Его голубые глаза смотрят в мои.

— Открой ее.

Прищурившись, смотрю на него, затем на коробочку и спрашиваю с подозрением:

— Что это? И что еще более важно, почему ты даришь мне что-то?

Он вздыхает, неожиданно выглядя уставшим, и медленно говорит:

— Ну, у тебя был день рождения, а я даже ничего не сказал...

Я обрываю его, не хочу, чтобы он знал, что это действительно было обидно.

— Ты забыл. Всё нормально. Такое случается. У тебя много всего в голове, и я уверена, что мой день рождения и даже близко не так важен, как другие вещи, с которыми тебе приходилось справляться.

Он кивает в знак согласия.

— Я забыл. — Он указывает подбородком на коробку на моей кровати и тихо говорит: — Это кое-что, чем ты можешь пользоваться, поэтому открой. Пожалуйста.

Сидя на кровати, я кладу маленькую коробочку себе на колени и снимаю крышку. Я тяжело дышу, широко распахнув глаза, и шепчу:

— Он настоящий?

Я смотрю вверх на него с ошеломленным выражением лица, и его губы дергаются.

— Да. — Он проводит рукой по своему лицу и мягко говорит: — И как я мог догадаться, что ты будешь в восторге от этого, принцесса?

Беря маленький трехдвоймовый белый складной нож в руки, я неожиданно смущаюсь. Я

хмурюсь и спрашиваю:

— Почему это?

Он кивает так, будто бы мысленно задавал себе этот же вопрос, затем объясняет:

— Он был моим. Один из первых, который я купил. Он легкий и простой в использовании. Один из моих любимых. — Делая еще шаг в комнату, он произносит: — Я не могу быть рядом всё время. На самом деле, я, возможно, никогда снова тебя не увижу после того, как всё это закончится. Знание того, что он у тебя — даст мне душевное спокойствие. Просто пообещай мне кое-то.

Слушая его объяснения, я обезоружена. Я киваю, и он говорит:

— Тебе нужно держать его при себе всё время, даже когда ты находишься в этом доме, и если ты когда-либо почувствуешь себя в опасности — ты используешь его. Как бы то ни было. Без вопросов. Просто сделаешь то, что нужно, чтобы быть в безопасности.

Я пожимаю плечами и тихо говорю:

— Я не знаю, как им пользоваться, Нокс.

Глупо улыбаясь, будто он ожидал, что я так и скажу, он говорит:

— Я научу тебя как им пользоваться. У тебя будут тренировки со мной. Каждый день.

Легкая улыбка появляется на моем лице, и я говорю ему:

— Хорошо. Круто. — Я медлю, прежде чем, подраживая его, протяжно произношу: — Ты знаешь, на самом деле это очень мило.

Нокс сердито смотрит на меня и говорит:

— Мило? Я только что подарил двадцатитрехлетней женщине оружие. Оружие, которым можно убить человека. И не только это, я буду учить ее, как использовать его, чтобы убить человека и как навредить кому-то достаточно сильно, чтобы избежать плохой ситуации. — Он трясет головой и продолжает: — Мило? Нет, принцесса. Я не думаю, что это так уж мило.

Самодовольно улыбаясь, я поворачиваюсь к нему спиной и громко шепчу:

— Как скажешь.

Еще как мило.

— О боже. Я думаю, меня сейчас стошнит. — Закрывая нос рукой, я начинаю потеть. Это моя реакция на вид свиной туши, подвешенной на балке.

На улице. Среди бела дня. Будто бы это нормально.

— Не переживай, Лили. Это лучший способ, чтобы научить тебя. Так ты сможешь увидеть порезы, которые наносишь, и я могу показать тебе, где использовать немного силы, чтобы нанести максимум вреда.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но вырывается только высокий писк.

Обретя дар речи, я шепчу:

— Мне кажется, я передумала. Я не хочу это делать.

Игра окончена.

От Нокса звучит жесткое и предостерегающее:

— Лили. — Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него. — Если почувствуешь, что тебя тошнит, мы остановимся.

Ладно.

Я могу это сделать.

Ладно. Со мной всё в порядке.

Кивая, я говорю ему:

— Со мной всё хорошо. С чего мы начнем?

Испытывая облегчение, он берет маленький нож из моей руки, за рекордно короткое время открывает его, затем со скоростью света, он погружает лезвие в брюхо свиньи.

Туша качается из стороны в сторону с моим складным ножом, торчащим из ее брюха, и я удивлена, что это не беспокоит меня так сильно, как я думала. Я думаю, мне казалось, что будет больше крови. А здесь, типа, вообще нет крови.

— Что это было? — я горда собой за стойкость своего голоса.

— Смертельный удар.

Срань Господня.

Нокс подходит ко мне сзади, поднимает мои руки и повторяет движения снова и снова без ножа. Я уверена в себе. Я чувствую, что знаю, что делаю сейчас.

Он кладет нож в мою руку и указывает подбородком на свинюшку. Я, очевидно, сомневаюсь, он серьезно спрашивает:

— Ты неправильно об этом думаешь. Что, если бы эта туша была плохим парнем? Человеком, который пытается тебе навредить?

Это не особо мотивирует, но я поняла, о чем он говорит.

Затем он произносит:

— Что, если бы это был кто-то, кто пытается навредить Тере?

И не думая, я стискиваю зубы и атакую.

Идеально.

Мой нож торчит из живота раскачивающейся свиньи, и рука Нокса опускается на мое плечо, сжимая его. Немного тянет меня назад, его губы согревают мой висок. Я чувствую, как он улыбается. Рука на плече двигается вверх по моей шее и с очередным быстрым сжатием он отстраняется.

— Еще раз, — требует он.

И я улыбаюсь.

Да.

Я могу сделать это.

Сегодня был хороший день.

Я научилась защищаться способом, который надеюсь, мне никогда не придется применить, но факт в том, что знание, которыми я сейчас владею, могут спасти мою жизнь.

Нокс, на удивление, очень терпеливый учитель. Даже когда я чуть не вонзила нож ему в глаз.

Я ему говорила! Я его предупреждала! Я говорила.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я шла на тебя с чем-то острым в руке?

Он ухмыльнулся.

— Лили, — он сказал это, качая головой, будто то, что я сказала, было таким остроумным.

Хорошо, мистер. Ты сам напросился.

Чего Нокс не ожидал, так это того, что я объединю навыки обороны и нападения, которым он, Рок и Бу учили меня на протяжении месяца. И так, когда он напал на меня, и я сделала ложный выпад, он не ожидал этого. Моя рука с ножом резко дернулась назад раньше, чем я осознала это.

То, что действительно произошло — я добралась до него. Я добралась до Нокса.

И еще добавьте сюда самодовольную улыбку.

Лезвие ножа прижималось к его скуле менее секунды, но этого хватило, чтобы появилась кровь.

Ну и, конечно же, я обделалась.

Бросая нож так, будто бы он прожигал дыру в моей руке, я отступила назад, ожидая, когда начнутся крики и ссоры.

Но они не начались.

Вместо этого, я получила еще одно сжатие шеи и улыбку возле моего виска. С губами, которые всё еще находились напротив меня, он проговорил задумчиво.

— Может, я не единственный, кто был рожден для такого рода жизни.

Мое сердце замерло на целых десять секунд, прежде чем я поняла, что прошептала свой ответ:

— Может, это потому, что мы одиноки.

Его руки обернулись вокруг моей талии, и он держал меня так близко, что моя кожа касалась его груди и живота. Я закрыла глаза, наслаждаясь редкими моментами близости, которые он позволял. Когда он поцеловал меня в макушку и пробормотал:

— Да. Возможно. — Я сделала кое-что, что потрясло даже меня.

Повернув голову, я встала на носочки и коснулась своими губами его.

Слегка.

Мягко и нежно.

Отстраняясь, я сказала ему:

— Я не чувствую себя одинокой, когда я с тобой.

Его глаза встретились с моими, исследуя что-то. Когда он нашел то, что искал, я потеряла его глубокую синеву. Он сжал мою талию, затем отпустил и ушел прочь.

Я стояла там, думая о том, что только что произошло, и я знала, что это изменило некоторые вещи. Снова.

Почему я так себя чувствовала?

Что такого было в этом мужчине, что делало мой мозг глупым и иррациональным?

Почему я хотела, чтобы угроза надо мной никогда не заканчивалась?

Нокс.

Я хотела остаться с ним.

И сегодняшняя ночь поможет мне принять решение.

Сидя на голубых простынях в кровати Нокса, я жду, когда он разденется и разместится поудобнее.

Одетая в маечку с тонкими лямками и белые хлопковые трусики, я уверена, что далека от сексуальной сейчас, но я побрила ноги и подмышки. Я даже уложила свои рыжие локоны и нанесла немного блеска на губы. У меня нет духов в этом конспиративном доме, поэтому

мне пришлось воспользоваться дезодорантом.

Не так ли кто-то становится секси?

Мой мозг бьет рукой по своему лбу, в отчаянии качая головой.

Нокс в первую очередь снимает ботинки и носки, затем кожаный ремень и направляет свой взгляд на меня.

— Ты в порядке?

Черт! Оставайся спокойной, Лил.

Закатывая глаза, я усмехаюсь.

— Уф, да. Почему мне не быть в порядке?

Молния на его штанах опускается вниз, и я тяжело сглатываю. Его губы сжимаются.

— Я не знаю. Ты слишком тихая сегодня ночью. Обычно ты много болтаешь, прежде чем лечь в постель.

Это правда.

Мне всегда было что сказать, а Нокс был отличным слушателем. Он ни разу не уснул, когда я разговаривала. Он всегда отвечал, когда я его о чем-то спрашивала. И он всегда заставлял меня почувствовать, что то, что я говорила, стоило того, чтобы это слушали.

Это одна из вещей, которые я в нем люблю. Одна из. Слишком много вещей, чтобы их называть, и сейчас, смотря как Нокс раздевается, я могу обозначить несколько хороших из них.

Мне следует сделать список.

Его обтягивающая черная футболка снимается следующая, открывая его скульптурный пресс и широкую грудь.

Вздых.

Бросая ее на стул рядом с ванной, он упирает обе руки себе в бедра и смотрит на меня. Он шурит глаза и ворчит:

— Какая-то хрень здесь происходит.

Вот дерьмо! Попалась.

Мой пульс учащается, и я прошу:

— Может, ты сядешь, пожалуйста?

От дрожи, услышанной в моем голосе, его взгляд становится мягче, и он садится на кровать спиной к изголовью.

— Что такое, принцесса?

Эта «принцесса» отличалась от других. Эта «принцесса» — была не оскорблением. Это было чем-то милым.

Я шепчу:

— Есть что-то, что мне нужно сделать. Поэтому мне следует просто сделать это, так ведь? Я имею в виду, если я буду долго думать об этом, я этого не сделаю, поэтому мне следует просто сделать это.

Выглядев до чертиков растерянным, он проговаривает:

— Делай то, что тебе нужно сделать, Лили.

Кивая, я медленно ползу по кровати к нему. Он следит за моими движениями, его лицо остается стоическим, когда я сажусь напротив него, затем кладу ладони на его грудь.

— Что ты делаешь, малышка Лили?

Не имея сил встретиться с ним взглядом, я отвечаю тихо, но правдиво:

— Действую.

Мои глаза сфокусированы на его пухлых губах, я поднимаю руку и провожу ею по шероховатой щетинистой щеке. Мой желудок сжимается, когда я наклоняюсь вперед в попытке поцеловать его.

Все мои сентиментальные чувства повергаются в ступор, когда он хватает обе мои руки, прижимается своим лбом к моему и говорит:

— Нет. Не делай этого.

Я моргаю.

Я думаю, было бы менее больно, если бы он вылил на меня ведро холодной воды.

Щеки заливаются краской от унижения, я двигаюсь, чтобы отпрянуть от него, но он крепко меня держит. Нокс шепчет:

— Я не отвергаю тебя, Лили. Я защищаю тебя.

Мой голос дрожит, пока я сильнее сжимаю колени вокруг его бедер.

— Мне не нужно, чтобы ты меня защищал сейчас, Нокс. Мне нужен твой рот на мне. Мне нужно знать, почему я себя так чувствую — это просто мимолетное или это что-то большее. Ты сказал мне сделать то, что мне нужно. Всё, чего я хочу — это всего лишь поцелуй. — Опуская голову, я шепчу: — Всего лишь поцелуй.

Его бедра напрягаются подо мной. Он кладет руки мне на колени, его пальцы поглаживают мою кожу там.

— Ты затеваешь здесь нечто опасное. — Он глубоко вдыхает и добавляет на выдохе: — Ты уверена, что тебе это нужно? — его голос мягкий, но слова выходят жесткими.

Встречаясь с его полужакрытыми глазами, я признаюсь:

— Я не знаю, нужно ли мне это, но я чертовски сильно этого хочу.

Он тяжело сглатывает.

Отпуская мои руки, он грубо бормочет.

— Ты целуешь меня, ты делаешь это должным образом. Покажи мне, что тебе нужно. Я не пошевелю ни единым мускулом, просто покажи мне.

О, господи!

Разрешение.

У меня есть разрешение! Это же в миллион раз лучше, чем отказ!

Поднимаю руки к его щекам, кладу на них ладони и провожу пальцами по шероховатости, которая мне так сильно нравится. Закрывая глаза, я наклоняюсь вперед, притягиваю его лицо ближе, чтобы встретиться на полпути, и прижимаю свою губу к его.

Он не двигается, но разрешает мне целовать его закрытые губы страстно и мягко снова и снова. Выпуклость в его боксерах увеличивается еще больше, и самый ее кончик касается моих хлопковых трусиков, уже пропитанных возбуждением. В то время как он одновременно шипит и толкается, я с трудом дышу и широко открываю глаза.

Ох, вау, это ощущается приятно.

Он не дает мне ничего. Его рот не открывается, и я ловлю себя на том, что умоляю — попробовать его. Я шепчу напротив его губ:

— Пожалуйста. Открой. Пожалуйста. Мне это нужно.

Слыша искренность в моих мольбах, его губы немного открываются.

Не теряя времени зря, я вздыхаю, когда легонько касаюсь кончиком своего языка его.

Тепло окутывает всё мое тело.

Мои руки скользят вниз по его щекам, к его челюсти и вверх к его волосам. Мурашки проходят сквозь меня от пальчиков ног до кончиков волос на голове.

Это всё, на что я надеялась, и даже больше.

Не имея возможности остановиться, я стону ему в рот, распутно и требовательно.

— Да.

Его руки обхватывают меня вокруг талии, он прижимает меня ближе так, что теперь мой животик напротив его стального пресса. Его рот открывается шире, когда он наклоняется и наконец-то сдается. Он жестко прижимается своим ртом к моему, почти наказывая, и я чувствую, как у меня между ног становится влажно.

Целуй меня вечно, мой дикарь.

Вы знаете, когда в книге парень и девушка действительно нравятся друг другу, они говорят об искре между ними?

С Ноксом нет искры.

Нет.

Он переплюнул искру.

Когда Нокс прикасается ко мне, это не меньше чем свистящие, громко взрывающиеся фейерверки.

Фееричные.

Те, которые оставляют для завершения шоу.

Такие, что люди собираются, чтобы посмотреть.

Серьезно.

Настолько хорошо.

Хватаюсь за его голову, запуская свои ногти в его короткие волосы, и еще ближе прижимаюсь к нему. Это движение располагает его твердость именно там, где мне нужно, и я снова стону, и он стонет во время нашего поцелуя.

Я отчаянно хочу, чтобы это произошло. Сегодня именно та ночь.

Поглаживая мою спину, он скользит своими руками ниже, располагает их на моих бедрах и начинает движение, раскачивая меня вперед-назад, пока наши губы остаются соединенными. Потираясь друг об друга, более сильно и увлеченно, мое дыхание тяжелеет, и румянец поднимается от моей шеи к щекам. Отстраняясь, он пристально меня рассматривает.

Мои глаза трепещут.

Его глаза темнеют.

Чувство покалывания в животе и ниже спины предупреждает меня о том, что что-то происходит, но прежде чем я определяю, что именно, оно поражает меня сильно и жестко.

Впиваясь ногтями в кожу его головы, я задыхаюсь.

Вау, это что-то новенькое!

Мое сердце ускоряется, а дыхание замирает, когда мышцы моего лона сокращаются снова и снова. Я прижимаюсь к нему, низко и протяжно застонав. Всё еще неподвижная от бесконечного наслаждения, проходящего сквозь меня, он захватывает мой рот и жадно меня целует.

Его губы на моих, Нокс шепчет.

— Я облажался, малышка.

Облажался?

Мое сердце обрывается. Это не то, что я планировала услышать.

Я открываю рот, но он снова говорит, лишая меня шанса:

— Я знаю, что тебе нужно, малышка.

Я закрываю глаза, он опускает свой рот на мой и отчаянно меня целует. Снова и снова.
И это лучше, чем просто хорошо.
Это чертовски потрясающе.

Нокс

У меня никогда не было чего-то столь прекрасного и интимного. Как только я вошел в спальню, я увидел изменения, которых так боялся.

Лили.

Она наконец-то увидела связь. Она наконец-то почувствовала химию. И очевидно, будучи смелее меня, она наконец-то решила рискнуть попасть в унижительное положение, чтобы узнать — стоит ли продолжать то, что между нами происходит.

Она медленно меня убивает и даже не знает об этом.

Каждым поцелуем, каждым взглядом своих восхитительных зеленых глаз. Каждым взмахом своих убийственных волос. Каждой полуулыбкой. Она убивает меня.

Но смотреть на ее лицо, когда она разваливается на части в моих руках?

Бл*дь.

Я бы умер тысячью смертей, только бы увидеть это снова.

Но это не имеет значения.

Она под моей защитой. И я о ней позабочусь.

Я не влюблюсь в нее. Нет. Я не влюблюсь.

Слишком поздно, чтобы использовать будущее время.

Я влюбился охренеть как сильно.

Просто надеюсь, что она не догадывается об этом.

Хотя прямо сейчас?

Я знаю, что ей нужно.

15 глава

Первый раз

Лили

— О, господи! — я почти кричу.

Рука Нокса сжимается на моем чувствительном животе, и он поднимает голову.

— Ты в порядке?

Поднимая голову, тяжело дыша, я борюсь с желанием ударить его и энергично киваю.

— Не останавливайся! — затем я толкаю его голову назад.

Я чувствую его дыхание на себе, когда он беззвучно смеется. Его язык скользит, медленно лаская мои чувствительные складочки, и я умираю.

Я умираю.

Снова, и снова, и снова.

Хорошо, давайте отмотаем время на минуту.

Ранее этой ночью, я высказала всю правду Ноксу.

Честное слово. Решительность вспыхнула как искра внизу живота, и я знала, что сегодня была та самая ночь.

Это был момент — говори сейчас или молчи вечно.

Вы могли бы назвать это моментом — решайся или умри.

Или даже — перестань-быть-трусихой-момент.

Называйте это как хотите, но это обрушилось на меня как тонна кирпичей. Что-то близкое к безумству взяло верх надо мной, и я с этим сражалась. Я сильно боролась, но оно победило.

Сильнейшее безумие. И отступать уже было поздно.

Я хочу Нокса. Мне нужен Нокс. И я скажу вам, как я поняла это.

Во-первых, он заботится обо мне, даже несмотря на то, что я могу быть полной задницей. Во-вторых, он относится ко мне только хорошо с того нашего первого приключения в мотеле. Он теперь даже улыбается мне. И это милая улыбка. В-третьих, он тренирует меня как никто другой. Никогда не относится ко мне как к девчонке. Только как к равной себе. В-четвертых, он забрал жалкую и испуганную девушку и окружил ее комфортом, когда она в нем нуждалась. Огромный плюс в этом списке.

В-пятых, каждую ночь, прежде чем мы засыпаем, он обнимает меня (когда мы лежим в позе ложечек).

Да, вы не ослышались. Нокс обнимается.

И пока он меня обнимает, он берет меня за руку, переплетает наши пальцы и прижимает их к моей груди. Затем он зарывается лицом в мои волосы и вздыхает.

И этот вздох...

Уфф.

Этот вздох.

Он заставляет мое сердце выпрыгивать из груди. В носу пощипывает. Он заставляет меня чувствовать себя красивой. У меня никогда такого не было. Хорошо, у меня никогда ничего такого не было. Но я думаю, что если мужчина вроде Нокса, такой же грубый и замкнутый, может заставить женщину почувствовать себя красивой лишь одним вздохом...

...я думаю, что это что-то особенное. Это ощущается как нечто особенное. А особенное для меня — это редкость.

Я не хочу пропустить и секунды, которая у меня с ним. И мне нужно было дать ему знать, что я чувствовала. Поэтому после того, как он позволил мне поцеловать его, я знаю, что он чувствует то же, что и я. Я знаю это, потому что он заставил меня кончить. Видите ли, он дал мне один из моих «в первый раз». И это было потрясающе. Но я тайно хочу, чтобы все «первые разы» у меня были с ним. Я хочу этого, потому что он особенный.

Тяжело дышу, мое лоно сжимается. Со всех сил сминая простынь, я тщетно пытаюсь приподнять свои бедра, но он крепко держит меня, пытая меня лучшим из возможных способов.

— Полегче, девочка. Пусть это случится.

Разгоряченная и нуждающаяся, я борюсь, чтобы освободиться, но он успокаивает меня шепотом:

— Правильно, малышка. Кончи для меня.

У меня вырываются слезы отчаяния.

— Я не могу! Это так близко, но я-я-я не могу!

Его рот на моем сверхчувствительном клиторе, и он посасывает его. У меня перед глазами появляются белые пятна. Слезы вырываются из моих глаз, когда мое тело дрожит и вибрирует в освобождении. Я беспокойно сопротивляюсь и подергиваюсь, чувствуя себя полностью вышедшей из-под контроля. Но всё хорошо.

Нокс держит меня.

Мое тело дергается в последний раз, прежде чем стать расслабленным.

Это было чертовски изнурительно.

И это однозначно то, что мне было нужно.

Затрудненно дыша, я прихожу в себя в тишине комнаты. Я медленно моргаю, внезапно чувствуя сонливость, когда ощущаю, как Нокс целует внутреннюю сторону моего бедра и начинает подниматься.

Его голова оказывается на уровне с моей, и наши глаза встречаются. Он видит слишком много этими глазами.

Внезапно всего становится слишком много.

Я не в состоянии сдержаться.

Тяжело сглатываю. Быстро моргая, я шепчу дрожащими губами:

— У меня никогда такого не было.

Нокс с осторожностью смотрит на меня, не показывая, о чем думает.

Он никогда не показывает, о чем думает.

За секунду до того, как я разваливаюсь на части, его рука хватается меня за лодыжку, и он тянет меня по кровати. Подхватывая меня своими сильными руками, он садится на пол у подножья кровати и садит меня себе на колени.

Он бережно убаюкивает меня и сейчас это действительно становится уже слишком.

Уткнувшись лицом ему в шею, душераздирающие всхлипы вырываются откуда-то из глубин моего сердца.

— Ты даже не представляешь, что ты сделал для меня. И это действительно отстойно, потому что ты на самом деле чертовски замечательный, и ты этого даже не знаешь. — Я судорожно вздыхаю, затем продолжаю. — И это больно, чувствовать всё это сейчас, потому что это доказывает мне, насколько дерьмовой жизнью я жила раньше. — Я замолкаю, затем

шепчу: — Ты действительно удивительный, Нокс.

Что я не договариваю, так это «и я люблю тебя».

Нокс не отвечает. Он не говорит мне, что всё будет хорошо. Он не делает вид, что я не расклеилась. Но он дает мне выплакаться. И как только я заканчиваю измазывать его шею своими слезами и соплями, он поднимает мое печальное и ослабленное тело

Да. Печальное.

Печаль — это то, что ты чувствуешь, когда скорбишь. И я оплакиваю свою жизнь.

Мою впустую потраченную жизнь.

— Господи, я рыдающая развалина, — я бормочу, когда он обхватывает своей сильной рукой мою талию, поддерживая меня, пока ведет в ванную.

Нокс включает воду в душе, затем становится передо мной. Мои заплаканные глаза исследуют его лицо, эти ледяные голубые глаза теплее, чем всё, что я когда-либо видела. Не говоря ни слова, его пальцы хватаются за край моей майки и снимают ее через голову, отбрасывая в сторону. Он не снимает свои боксеры. Беря меня за руку, он переплетает наши пальцы и ведет меня под душ.

Он становится под воду первый и тянет меня под теплые струйки, аккуратно, чтобы не намочить волосы, и мы стоим так на протяжении долгого времени.

Эмоционально истощенная, я не произношу ни слова возражения, когда он начинает меня мыть. Его мыльные руки блуждают по моему телу. Его ладони скользят вниз по моей шее, он бережно омывает мою грудь, легко касаясь кончиками пальцев моих сосков. От возбуждения я закрываю глаза, привлекая еще больше его внимание. Мы не отводим друг от друга глаз.

Это не сексуальный момент.

Это прекрасный момент.

Всхлипывая, я теряю себя от ощущения его рук, когда одна из них проскальзывает между моих ног, чтобы омыть чувствительную плоть. Медленно и аккуратно он действует своими руками, умело лаская полушария моей задницы и затем снова мое лоно, после возвращаясь к груди.

Мы смываем с себя пену, выходим из душа, и я стою на коврике, пока Нокс меня вытирает.

Обернутую лишь в полотенце, он обнимает меня за плечи и ведет назад к кровати. Я ложусь в постель и смотрю, как он отворачивается ко мне спиной и снимает свои мокрые боксеры. Он вытирается полотенцем, прежде чем натянуть на себя сухие шорты.

Он забирается в постель и кладет голову на подушку. Я пытаюсь повернуться и лечь к нему спиной, как мы обычно спим, но он останавливает меня, хватаясь своей сильной рукой за бедро, покрытое лишь полотенцем. Его жесткая рука расслабляется, он нежно раскрывает полотенце, обнажая мое тело, но мне не стыдно.

Слишком поздно для того, чтобы стесняться. Мое тело знает эти руки. Они оставили свой след на всем моем теле. Нокс хватается за бедра и притягивает к себе, пока мои соски не врезаются в его твердую грудь.

Встречаясь с ним взглядом, я шепчу:

— Скажи что-нибудь. Ты меня пугаешь.

Его губы дергаются, и в уголках глаз образуются морщинки. Наклоняясь ко мне, он нежно меня целует, и я вздыхаю, целуя его также нежно в ответ. Прямо напротив моих губ он произносит:

— Спокойной ночи, Лили.

Затем он поднимает подбородок и прижимает меня лицом к своей шее и вздыхает так, как может только он.

На ощупь я нахожу его руку и переплетаю наши пальцы и следом за ним погружаюсь в умиротворенный сон. Я мысленно молюсь о том, чтобы сегодняшняя ночь не была сном.

Потому что если это так, то я не хочу просыпаться.

Меня будит тепло на моей шее. Настойчивые влажные поцелуи от местечка под ухом до горла. Мурлыкающий звук вырывается из меня, и я вытягиваю руки за голову, пытаюсь проснуться.

От Нокса звучит рычание в качестве ответа, и бессознательно я обхватываю его голову руками, в момент, когда его губы на моей шее. Я всё еще не открываю глаза, но поднимаю голову, чтобы дать ему лучший доступ к моему горлу. Его рот блуждает вниз к моей груди. Теплая влажность окутывает мои соски и заставляет меня хватать ртом воздух. Моя киска сжимается от его нежных посасываний.

Срань Господня!

Не могу остановиться, я тянусь вниз, пробегая кончиками пальцев по его животу, и ниже, пока я не наталкиваюсь на что-то невероятно твердое, длинное и теплое. Не отрывая своего рта, он рычит мне прямо в грудь. Ладонью я тру его прямо через боксеры.

Но этого недостаточно. Я хочу чувствовать его.

Прижимая ладонь к его прессу, я скольжу вниз по животу прямо в его боксеры. Как только мои пальцы касаются головки его члена, он выпускает мой сосок изо рта. Сильно зажмурив глаза, он проговаривает:

— Да ну на хрен. Черт побери.

Жестко обхватывая его рукой, я шокирована от того как он ощущается. Я не ожидала, что он будет такой большой и теплый, и твердый, и гладкий одновременно.

Он так приятно ощущается.

Я не совсем уверена, что мне делать, поэтому тихо умоляю:

— Пожалуйста. Покажи мне, как это делать.

Очевидно, что не нужно просить его дважды, он тянется вниз, крепко обхватывает мою руку, держащую его член, и показывает мне, как ему нравится, чтобы я двигалась. Вверх и вниз, медленно и приятно.

Я смотрю на его лицо. Он выглядит будто ему больно, он издает сдавленные звуки. Я поглаживаю его жестче и быстрее. Его дыхание ускоряется, и он бормочет:

— Бл*дь. Иисус. Лили. Малышка.

— Поцелуй меня.

Он протягивает руку, его пальцы запутываются в моих волосах, когда он обрушивает глубокий, грубый и жесткий поцелуй прямо на мой рот. Целуя его в ответ, я хныкаю, когда он прикусывает зубами мою верхнюю губу. Мои обе руки на нем, я продолжаю его поглаживать и чувствую, как его член еще больше увеличивается. Его живот сжимается. Он стонет, кусая мою губу еще сильнее. Я мурлыкаю, когда его стон превращается в рычание.

Рыча, он освобождает мою губу, но крепко удерживает меня за голову так, будто бы я могу убежать от него.

Да уж. Можно подумать такое может произойти.

Нет!

Наши рты раскрыты, наше дыхание объединяется, создавая отчаянные мольбы сквозь рычание и стоны. Нокс быстро тянется вниз, всё еще удерживая мою руку под своей. Его глаза широко открываются, он задерживает дыхание, прежде чем его бедра начинают неконтролируемо дергаться. Он судорожно кончает в моей жесткой хватке и рычит в освобождении. Мои руки неожиданно становятся покрытые чем-то влажным, липким и теплым. Я не могу отвести от него взгляд.

Ох, вау.

Ох, вау.

Это было... вау.

— Вот это да, — шепчу я.

Он закрывает глаза, и я ощущаю, как его член смягчается в моих руках. Это странное чувство! Всё еще тяжело дыша, он открывает глаза и смотрит на меня. Маленькая улыбка появляется на моих губах, и я неожиданно чувствую головокружение.

Зажав нос и скривив лицо, я говорю сквозь глупую улыбочку.

— С добрым утром.

Он моргает, всё еще выглядя то ли полусонным, то ли истощенным от своего освобождения, поглядывая на меня одним глазом. Он видит мою улыбку и сдавленно смеется.

— Охренительно классное утро, принцесса.

О. Мне это нравится.

— Итак, ты снова со мной разговариваешь?

Он хмурится и говорит.

— О чем ты?

Неуверенно я тихо говорю:

— Ну, просто прошлой ночью ты не сказал мне ни слова. Но я знаю, что я была в ужасно плохом состоянии, поэтому просто подумала, что следует сказать, что такого больше не повторится, и мне действительно очень жаль, что я испортила такую замечательную ночь.

Чувство, будто весь воздух высосали из комнаты. Тело Нокса напрягается напротив моего. Мои глаза широко распахиваются, когда я смотрю на его лицо.

Вот дерьмо.

Он разозлился. Челюсть напряжена, вена на его виске пульсирует, когда он пристально смотрит на меня своими сощуренными ледяными голубыми глазами.

Он не разозлился. Он в бешенстве.

Ну почему мне нужно было открывать свой большой рот? Это было такое прекрасное утро!

Черт!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я открываю рот, чтобы исправить то, что наговорила, что бы это ни было, но он поднимает руку в знак предупреждения.

Мой рот захлопывается, и он начинает говорить:

— Во-первых, мое молчание прошлой ночью не имело к тебе никакого отношения, но также и полностью было связано с тобой. Ты не была в порядке прошлой ночью, Лили, и я не из тех парней, которые так и сыплют нежными словами. — Качая головой, он добавляет:

— Это не я.

Я пытаюсь понять, к чему он ведет, поэтому попросту киваю.

Он тоже кивает.

— Но я понимаю тебя. И я знаю, что ничто из того, что я бы сказал прошлой ночью, не помогло бы. Поэтому я замолчал, зная что, что бы я ни сказал, это попросту сделает всё еще хуже. Это было не то, что нам было нужно. Поэтому вместо того, чтобы использовать слова, я показал, как могу позаботиться о тебе. Итак, теперь ты знаешь. И мы можем начать с этого. — Его лицо становится мягче, когда он говорит: — Ты ничего не испортила, малышка. Пробовать тебя на вкус во всех смыслах, заботиться о тебе и держать тебя в объятьях всю ночь. Это не плохо.

Медленно качая головой, он проговаривает.

— Это, бл*дь, необыкновенно.

Я опускаю голову, чтобы скрыть улыбку, но он захватывает пальцами мой подбородок и тянет мое лицо назад к своему.

Улыбка на его лице не похожа ни на одну из тех, что я видела прежде. Она мягкая и нежная. И она только для меня.

Я люблю ее.

Его лицо становится серьезным, он говорит:

— Ты понимаешь меня?

Да. Абсолютно.

Не доверяя самой себе, чтобы заговорить, я киваю и произношу:

— Да.

В уголках его глаз появляются морщинки.

— Тогда поцелуй меня, малышка.

Ему не нужно просить меня дважды.

Я поднимаю голову и прижимаюсь своими губами к его и нежно целую. Я чувствую, как он улыбается напротив моих губ, и это настолько прекрасно, что у меня всё внутри сжимается.

Наконец, отстраняясь от меня, Нокс делает медленный вдох и произносит на выдохе:

— Вообще-то, не хочется даже выбираться из постели, но нам нужно поесть. — Коварная улыбка появляется на его лице. — Ты знаешь, какой сегодня день, принцесса?

Черт. Черт. Проклятье. Черт.

Я знаю.

Я сжимаюсь от страха и хныкаю, пока он сдавленно смеется. Мы оба говорим одновременно.

— День тренировки ног.

Принимая душ так быстро, как только могу, я проскальзываю в кухню, пока Нокс все еще купается, ем немного овсянки (Фу!) и выпиваю полстакана апельсинового сока. Когда он наконец-то спускается вниз, одетый в штаны для тренировки и без какого-либо намека на майку или футболку, я наблюдаю, как он ест яблоко.

Мы стоим в противоположных сторонах кухни и улыбаемся друг другу как пара придуриков.

Он доедает свое яблоко и с улыбкой, от которой у меня все сжимается, покачивает головой и проходит мимо меня, направляясь к мусорной корзине. Когда его грудь касается моей спины, мои соски твердеют.

Вот тот эффект, который он оказывает на меня.

Такой мужчина как Нокс — дикий.

Ты не можешь приручить его. Ты не хочешь даже и попробовать это делать. Его дикость просто великолепна. В каждом сердитом и пристальном взгляде, адресованном мне, есть нечто прекрасное. Теперь всё будет не так как раньше. И я за это благодарна.

Я никогда даже не догадывалась, насколько сильно я ненавижу свою жизнь. До того момента, как он показал мне нечто прекрасное.

Прижимаясь ближе к моей спине, он оборачивает свои сильные руки вокруг моей талии, и я откидываюсь назад ему на плечо. Наклоняя мою голову, он оставляет томные влажные поцелуи под моим ухом, и я закрываю глаза. Звук того, как кто-то прочищает горло, заставляет меня вздрогнуть.

Мои глаза быстро открываются, и я поеживаюсь.

Это потому что Бу и Рок стоят здесь, разинув рты.

Мое сердце выпрыгивает из груди. Я не хочу, чтобы у Нокса из-за меня были проблемы.

Чувствуя, что должна его защитить, я быстро говорю:

— Это я во всем виновата! Я соблазнила его! И я была в этом очень хороша! — поворачивая голову, я смотрю на лицо Нокса и серьезно добавляю: — Не так ли, малыш?

Нокс так сильно мне улыбается, что это выглядит, будто он пытается сдержать смех. Он наклоняется и прижимается к моим губам в целомудренном поцелуе.

Я мысленно ахаю.

«Не делай этого! Я же пытаюсь спасти твою задницу, ты, кретин!»

Бу грубо фыркает и трясет головой, будто бы пытается очистить ее.

— Что, мир сошел с ума?

— Я не знаю, детка. — Глаза Рока косятся на нас. — Но всё, что я скажу вам обоим — это будьте осторожны, хорошо? — решительно кивая, мое испуганное выражение лица сменяется мрачным, когда Рок добавляет: — И если это не сработает, то не сработает. Ты понимаешь меня, милая Лили?

Скривившись на его комментарий, я хватаю банан и бросаю им в него. Прилагая небольшие усилия, он ловит банан и чистит его от кожуры, откусывает кусочек и уходит, смеясь себе под нос.

Бу нежно улыбается нам обоим, но ее лицо становится немного грустным, когда она тихо говорит:

— Я рада за вас обоих. Я действительно рада.

В этом всем есть какое-то «но». Я нутром его чувствую. Она подходит к нам, становится на противоположной стороне стола и добавляет:

— Но вы должны хорошо подумать об этом. — Рука Нокса сжимает крепче меня за талию, и я клянусь, что слышу, как он рычит. Бу игнорирует его проявление доминирования и произносит: — Вы думали о том, что произойдет посл...

Нокс яростно ее предостерегает:

— Бу.

Опуская глаза, она поджимает губы. Поднимает голову и смотрит прямо на меня, она улыбается.

— Я рада за тебя, Диди. Просто... — в моем горле начинает першить, когда ее глаза начинают блестеть от слез. — Просто будь счастлива, хорошо?

Не ожидая ответа, она разворачивается на пятках и следует за Роком.

Нокс прижимает меня к себе, и я кладу свою руку на его и сжимаю ее в ответ. Оборачиваясь, я спрашиваю:

— Почему ты сделал это?

Мне не нужно уточнять что. Он знает, о чем я говорю.

Его глаза теплеют всего на секунду, а после их снова окутывает лед. Глядя вниз на барную стойку, он тихо объясняет:

— Есть девушки, которых хочется трахать, а есть девушки, которых хочется любить. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Я не стыжусь тебя, Лили.

Он на мгновение замолкает, давая мне время понять его.

Прижимаясь подбородком к моей голове, он говорит.

— Ты не для заднего плана, — зарываясь лицом в мои волосы, он бормочет: — Ты заслуживаешь центральной сцены.

Неистовая дрожь проходит сквозь меня, всё мое тело покрывается мурашками. Мое сердце сжимается, и я сильно пытаюсь подавить слезы, от услышанного подобного от Нокса.

— Я думала, ты не говоришь ласковых слов. — Мой голос кажется писклявым даже мне.

Шлепая меня по попке, он отстраняется и берет меня за руку, затем ухмыляется.

— Тем более, я их босс. Что они могут сделать? Уволить меня?

Мои брови взлетают от удивления, и я наклоняю голову, покусывая губы.

А ведь он прав.

Дурацкая улыбка появляется у меня на лице, и я позволяю ему вести меня к смерти от тренировки.

16 глава

Специальный агент и друзья

Нокс

— Сколько у нас есть времени?

Нисколько. У нас совсем не осталось времени. Но будь я проклят, если потеряю Лили сейчас. Я же, бл*дь, только получил ее.

Оборачиваясь к Року, я лгу:

— Немного. Есть какие-то новости?

— Вообще-то, да. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Тебе они не понравятся.

Острая боль пронзает мою грудь. Это кто-то, кого они знают. Надеваю безэмоциональную маску и спрашиваю:

— Какие?

— Ты должен понять, чувак. Не было причин искать раньше, но Митч получил анонимную зацепку и... — он замолкает.

Мой желудок делает кувырок. Кусая внутреннюю сторону щеки, я киваю ему, чтобы он рассказывал мне.

Рок качает головой и бормочет:

— Это трудно, мужик.

Ярость скапливается в самом центре меня. Я уже готов биться головой. Вымучивая смешок, я закатываю глаза.

— Бл*дь, Рок, говори же уже!

— Джейми Харрисон.

....Что, бл*дь, он только что сказал?

Я уверен, что не расслышал его. Но Рок повторяет:

— Джейми-мать его-Харрисон. Это правда, братишка.

Ого. Я уж точно этого не ожидал.

Кирану Флинну понадобится серьезная помощь после того, как всё закончится. Мы говорим о вопросах доверия в жизни.

Он взял на себя мальчишек, когда умер их отец, и вот благодарность, которую он получил? Это еще раз доказывает, что никому нельзя доверять.

Лили. Моя принцесса. Она будет разбита.

Если бы я мог сделать то, что действительно хотел сейчас сделать, то я бы пошел вниз, взял фургон и уехал. Я бы поехал назад в Калифорнию, в дом Джейми Харрисона, постучал в его дверь и когда бы слабый, ничтожный слизняк открыл ее...

Бум.

Снес бы его хренову голову.

Но я не могу этого сделать. Я пообещал присматривать за Лили и этим и буду заниматься. Хотя я в нерешительности о том, как рассказать это ей.

Я глубже оседаю в своем кресле. Мне нужно рассказать. Со временем. Когда ей нужно будет знать.

Я просидел слишком долго в тишине. Рок осторожно смотрит на меня. Я встаю и с кивком спрашиваю:

— Не хочешь побоксировать?

Лили

Мы с Бу проходим мимо тренажерного зала и слышим.

— Я предупреждаю тебя, мужик.

Это Нокс. И он звучит раздраженно.

Мои глаза широко открываются от любопытства. Я поднимаю взгляд и застаю Бу с таким же выражением лица. Она манит меня пальцем, и я следую за ней к полузакрытой двери. Мы заглядываем и смотрим на двух шутов за работой.

Рок бьет его по носу, пока скачет вокруг.

— Или что? Или ты пожалуешься на меня своей девушке?

Ауч, Рок! Это было жестоко!

Бу тихо хихикает и шепчет мне:

— Он не это имеет в виду, Ди. Просто смотри.

Лицо Нокса становится непроницаемым. Его глаз нервно подергивается.

Вот дерьмо.

— Повтори, — он говорит смертельно спокойно.

— А вот и повторяю.

Качая головой, он добавляет:

— Я люблю тебя как брата, мужик. Но клянусь Богом, я тебя сейчас так сильно завалю, так быстро, что ты даже не будешь знать, что тебя ударило.

Рок продолжает прыгать на подушечках стоп, симулируя удары. Он раздражающе улыбается.

— Хорош ходить вокруг да около. Я знаю, что ты хочешь ударить меня, так сделай это. — Он прекращает прыгать. — Только если ты не киска.

Глаза Нокса вспыхивают, и я кусаю губу, чтобы сдержать смех.

Отступая назад, он начинает снимать свои боксерские перчатки. Я думаю, что это конец, поэтому шевелюсь, чтобы уходить, но Бу останавливает меня, держа рукой за плечо, выглядя при этом чересчур возбужденно. Она говорит одними губами:

— Смотри.

Рок улыбается, ощущая себя победителем, и тоже снимает перчатки. Они оба разуваются и снимают свои потные носки, затем встречаются посреди комнаты. Рок рычит.

— Правила?

Нокс прыгает на месте вверх-вниз, размахивая руками в попытке расслабиться. Он заявляет:

— Одно оружие.

На лице Рока разочарование.

— Одно чертово оружие? Так не пойдет. Как минимум два.

Нокс сдавлено смеется.

— Всегда пытаешься смошенничать. Ты хочешь этого? Мы сделаем это по-моему. Одно оружие.

Я не имею ни малейшего представления, что происходит. Мое лицо искажается от

растерянности, пока Бу трясется от смеха рядом со мной.

Рок кричит:

— Закрой глаза, сучок.

Уперев руки в бедра, Нокс закрывает глаза, и Рок бежит к своей сумке. Порывшись в ней, он достает из нее какой-то предмет и держит его в руке, спрятанный от глаз Нокса. В любом случае он слишком далеко, чтобы увидеть, что зажато у него в ладони.

Рок возвращается назад в центр комнаты и заявляет:

— Твоя очередь.

Рок закрывает глаза, и я смотрю, как Нокс подходит к своим ботинкам. Он вытягивает оттуда что-то и кладет это в карман своих шорт, прежде чем тоже вернуться в центр комнаты.

Они стоят в паре шагов друг от друга. Рок говорит:

— Правила борьбы старшей школы.

Нокс грубо смеется.

— Нихрена подобного! Уличные или ничего. Выбор за тобой.

Рок жалобно хныкает.

— Уличная драка!

Нокс подстрекает.

— Ну, если ты слишком слаб, чтобы справиться с этим, тогда на сегодня хватит. — Мне приходится прикрывать рот рукой, чтобы сдерживать свое хихиканье, когда Нокс подходит к Року, кладет руку ему на плечо и абсолютно серьезно спрашивает: — Как насчет того, чтобы я набрал тебе ванну с прелестными пузырьками?

Рок грубо сбрасывает его руку.

— Пошел на хрен, ублюдок!

Мы с Бу остаемся в укрытии, наши тела трясутся от беззвучного смеха. Это как смотреть документальный фильм. Наблюдать, как дикие животные ведут себя, когда они думают, что на них никто не смотрит.

Нокс смеется над своим другом.

— Давай же. Один раунд. Улица. Одно оружие. — Оборачиваясь к Року, он говорит. — Готов?

Рок остается мрачным в течение еще десяти секунд, затем становится в боевую стойку и произносит:

— Ну что, начинаем, сучка.

Нокс отдает предпочтение стойке боксера и ворчит:

— Ох, заткнись. Я не хочу слушать слова, которые ты говоришь Бу в постели.

Рок сразу же реагирует.

— Моя женщина — леди, поэтому тебе бы лучше закрыть свой рот.

Я открываю рот. Прижимая руку к груди, смотрю вверх на Бу. Она смотрит на Рока влажными от слез глазами.

Рок, ты такой милашка!

Нокс самодовольно улыбается, греясь в лучах мести Року. Он начинает отсчет:

— На счет три. Раз. Два. Три.

Они бросаются друг на друга, затем борются, вторгаясь в личное пространство друг друга. Нокс пинает Рока по колену, но Рок быстрый.

Рок бьет ногой по лицу Нокса, но едва касается его уха. Мой мужчина очень быстрый,

даже слишком.

Когда Нокс пытается схватить Рока, то Рок каким-то образом делает обманный маневр, и я удивляюсь, когда он захватывает рукой шею Нокса.

Вообще-то, это вроде как пугает.

С тех пор как я здесь, я думала о Ноксе как о супергерое. С ними не может случиться ничего плохого. Их ловят, они сражаются в каждом фильме.

Мое сердце разрывается от мысли, что Нокс — просто человек. А людей можно ранить. У них течет кровь, они стареют и умирают.

Внутри этого дома складывается ощущение, что время замирает. Может, мы можем здесь жить вместе всегда?

Мне нужно поинтересоваться об этом в более подходящий момент.

Рок сильно сжимает его горло, затем низким голосом пародирует Нокса:

— Уличные правила или ничего.

Лицо Нокса приобретает бордовый оттенок, ведь Рок отрезал ему доступ к кислороду.

И это меня безумно пугает.

Не похоже, что Рок остановится в ближайшее время. И вот тогда Нокс дотягивается до своего кармана и вытаскивает свое оружие. Он засовывает его в рот Року и закрывает ему рот, держа его челюсть. Рок выпучивает глаза, и я слышу, как он кричит сквозь сжатые зубы. Мы не можем разобрать его слов, потому что он временно с закрытым ртом.

Не проходит и секунды как Рок освобождает Нокса и давится, затем испытывает рвотные спазмы. Выплывая оружие, он кашляет и снова давится.

— Ах ты грязный, грязный ублюдок. Гребаный носок? Вонючий носок? — испытывая рвотные позывы, он вытирает свой язык.

Нокс кашляет и смеется одновременно. Ладонью потирая свою шею, он хрипит:

— Уличные правила, сучок. Я выиграл.

Пока парни, тяжело дыша, заваливаются на пол комнаты для тренировок, Бу показывает жестом мне следовать за ней.

Она ведет меня на кухню, и когда мы заходим внутрь, то смотрим друг на друга и наконец выпускаем из себя весь тот смех, который сдерживали, хихикая над тем, свидетелями чего, мы только что стали. Вытирая слезы от смеха, мы начинаем готовить обед.

— Что ты сегодня хочешь?

Открывая холодильник, я ищу что-то, что давно не ела.

— Я не знаю. Хочу сегодня что-то другое. Что-то любимое, как будто из детства.

Глаза Бу широко раскрываются.

— Арахисовое масло и желе?

Ах, ням-ням!

Я притворяюсь безразличной.

— Зависит от того, какое желе у нас есть?

«Пожалуйста, скажи виноградное! Пожалуйста, скажи виноградное!»

Поворачиваясь на пятках, она направляется в кладовую и исчезает внутри.

— Хммм. У нас есть клубничное.

Дрянь.

— И виноградное.

Есть!

— Мне два виноградных желе, я думаю.

Она кивает мне в знак согласия.

— Мне тоже. — Осматриваясь вокруг, она добавляет: — Потребуется всего минута, чтобы всё подготовить. Ты хочешь позвать парней?

— Конечно.

Я поднимаюсь вверх по лестнице, мои икры болят, и я испытываю жжение с каждым сделанным мною шагом. Тренировки с Ноксом — сущий ад, но я вижу изменения своего тела. Мышцы начали проявляться, и мне это нравится. Когда я достигаю последней ступеньки, мысленно похлопываю себя по спине за то, что я не ползла.

Вижу Рока в коридоре и выкрикиваю:

— Арахисовое масло и желе на обед. Бу говорит спускаться в ближайшее время.

От этих слов, он трясет своей задницей так, будто бы исполняет победный танец после тачдауна, и я сдавленно смеюсь. Никто бы не мог обвинить Рока в стеснительности.

Качая головой на его безумие, я прохожу мимо него, когда слышу.

— Ты знаешь, я не видел его таким счастливым... ну, никогда. — Оборачиваясь, Рок с милой улыбкой на лице прислоняется к стенке. — И я никогда не видел, чтобы ты светила так, как в эти дни. Поэтому, я должен сказать это хорошо. У вас не будет от меня проблем, но Бу... она переживает. Поэтому, не выливай на нее слишком много дерьма, чтобы она была в порядке, хорошо?

Всегда заботится о своей женщине. Я обожаю это.

Кивая, я говорю ему:

— Я знаю, Рок. И я понимаю, почему она хочет, чтобы мы были осторожными, но если честно, я была осторожной всю свою жизнь и прямо сейчас, просто хочу быть с Ноксом.

Вроде ему нравится мой ответ, в уголках его глаз появляются морщинки, затем он разворачивается и идет вниз по лестнице.

Я захожу в нашу спальню и вижу одежду, брошенную на стуле возле ванны. Я выкрикиваю:

— Нокс?

Включается душ, и он кричит мне в ответ:

— Я здесь.

Захожу в ванную и застываю на месте. Я застываю, потому что Нокс принимает душ. Он принимает душ обнаженный. И я могу видеть его штучку.

Это в первый раз, когда я вижу его «специального агента», и он взрывает мой мозг.

Стоя под струями воды, он проводит руками по своему лицу, чтобы вытереть воду, открывает глаза и видит, как я там стою. Он спрашивает:

— Тебе что-то нужно, принцесса?

Но мой мозг полностью заиклен на разглядывании его хозяйства.

Он повторяет:

— Детка, что такое?

Это выводит меня из ступора. Вроде. Но не особо. Тяжело сглатываю, мои глаза скользят вниз по его животу, и я бормочу:

— Бу просила передать, что обед будет готов через пару минут.

Намыливая свое тело, он отвечает:

— А что у нас на обед?

— Пенисное масло и желе. (прим. ред. игра слов Penis — пенис и Peanut — арахис)

Срань Господня!

Хлопая себя по лбу, я опускаю голову.

— Арахисовое масло и желе.

Я вижу, как он самодовольно улыбается, но ничего не говорит.

Умный мужчина.

— Звучит заманчиво. Дай мне секундочку, — говорит он.

А я ничего не имею против того, чтобы подождать. Тем более вид здесь открывается захватывающий.

Всё еще пялясь на его длинный, толстый полуэрогированный член, я рассеянно спрашиваю:

— Что бы ты хотел трахнуть? (прим. ред. игра слов dick — трахать и drink — пить)

Тупая! Тупая! Тупая!

— Что ты хочешь попить? — быстро добавляю я.

Его тело трясется от беззвучного смеха, он не может скрыть своего веселья.

— Кола подойдет.

О божечки, его член становится еще больше! Он надувается как воздушный шарик.

Каким же образом он помещается?

Мои глаза широко открываются от представления передо мной. Я чувствую, будто бы нахожусь на уроке биологии или что-то в этом роде.

Я повторяю его заказ.

— Конечно, малыш. Один член. Я имею в виду член. Ну, то есть колу! (прим. ред. игра слов sock — член и соке — кола)

Я краснею до ярко-красного, выхожу в спешке с ванной под звук смеха Нокса.

Я уже порядком устала от твоего дерьма, Нокс!

Нокс

Вы знаете, что на самом деле красивое?

Лили.

Я смотрю, как она готовится лечь в постель, и ее вид заставляет мое сердце замирать. Но мой мозг работает.

По инерции раздеваюсь, захожу в ванную и брызгаю на лицо ледяной водой. Мне не следует этого делать. Действительно, не следует. Но что-то подталкивает меня.

Я не люблю секреты.

Я рассматриваю ее. Мой мозг пытается запечатлеть ее. Картинка, которую я могу сохранить, когда всё это закончится.

Смотреть на Лили — это как смотреть на пламя. Ее окружает свет, и он горит так ярко, что на него больно смотреть слишком долго.

Но, несмотря на это, она стоит этой боли.

Одетая лишь в черную майку и трусики, она улыбается мне, и как бы я не пытался, не могу улыбнуться ей в ответ. Я не могу, потому что мне сейчас необходимо сделать кое-что по-настоящему дерьмовое. Что-то, что снова изменит ее.

Забираясь в кровать, я сажусь к ней лицом. Ее лицо пристально изучает мое, прежде

чем я вижу беспокойность в ее глазах.

Мне нужно сказать ей.

Время настало.

— Лили, есть кое-что, что мне нужно рассказать тебе...

17 глава

Затишье перед бурей

Лили

Нокс говорит мне, что Джейми Харрисон организовал нападение, и это становится переломным моментом для меня.

Джейми.

Мой брат по духу. Друг и товарищ по глупостям.

Как только у меня начинают литься слезы, я уже не могу их остановить. Я плачу долгое время. Настолько долго, что Ноксу приходится встать и принести мне воды, и поменять простыни на нашей кровати, которые пропитаны моими слезами.

Они просто не останавливаются.

Предательство.

Вот то, что я чувствую. Полное и абсолютное предательство.

Сквозь слезы, я спрашиваю:

— Есть ли шанс, что ты ошибся?

Нокс качает головой, вытирая мои слезы.

— Мне очень жаль, детка. Нет. В его квартире было всё, что нам необходимо, для того, чтобы исключить кого-либо другого. Мы нашли ноутбук, откуда присылались электронные письма. В истории поиска, мы нашли запросы на поиск веб-сайтов, связанных с похищением людей и вымогательством. — Его челюсть напрягается. — В его спальне стена, обвешенная твоими фотографиями, Лили. Сотни фотографий. И что самое худшее — одна из этих фотографий была снята в тот день, когда я пришел за тобой.

Мой желудок ухает вниз. Я не верю в это. Я не могу поверить в это.

Это, должно быть, ошибка. Джейми не поступил бы так со мной. Он и Джетт — мои друзья! Бога ради, да мы жили в одном доме почти год. Он учил меня, как ругаться на ирландском, и даже пошел дальше — брал меня в те места, куда меня не пускал мой отец, разыгрывая карту «она будет в порядке со мной».

Мои слезы льются еще сильнее от осознания того, что его дружба была лишь игрой.

Преданная и обманутая, я не знаю, как смогу пройти через всё это.

Зная, что мне не следует спрашивать, но чувствую, что мне нужно это, я умоляю:

— Расскажи мне, что случилось, когда меня впервые похитили.

Нокс качает головой.

— Лили...

Я обрываю его.

— Пожалуйста. Мне нужно это знать. Может, тогда я пойму всё это. Пожалуйста, помоги мне понять.

Нокс трет лицо рукой и вздыхает.

— Хорошо, малышка. Я не знаю всех подробностей, но расскажу тебе то, что знаю. — Прочищая горло, он начинает: — Твой отец упоминал об этом, когда мы впервые разговаривали по телефону, и когда я не мог найти зацепку исходя из той информации, которую он мне дал. Я думал, что он просто был параноиком.

Звучит похоже на моего отца.

— Он сказал, что тебе было тринадцать, и ты в субботу была на складе с ним. Ты залезла на дерево, потому что, очевидно, в то время это было твоей фишкой. — Улыбаясь мне, он убирает мои спутанные волосы с лица. — И ты упала. Только на самом деле ты не падала.

Я помню это! Я сломала руку и потеряла сознание.

Я запуталась.

Нокс объясняет.

— Тебя толкнули, Лили. Когда ты упала, а упала ты сильно, ты отключилась. Твой отец сказал, что он никогда не отпускал тебя далеко и всегда говорил тебе...

Мы оба заканчиваем.

— Оставаться поблизости.

Мой отец говорил мне это изо дня в день.

Он кивает.

— Он видел, как всё произошло, малышка. И я слышал это в его голосе. Страх. Это как то, что он не может перебороть. Наблюдать за тем, как твоего ребенка накачали наркотиками и погрузили в багажник фургона... я даже не могу представить, на что похоже это чувство.

Мой голос вздрагивает.

— Нет. Нет, это было не так. Я упала. Сломала свою руку и отключилась. Я пришла к себе в больнице.

Нокс берет меня за руку и нежно произносит.

— Малышка. Да, ты очнулась в больнице. Спустя неделю.

Мой желудок скручивает, и у меня отвисает челюсть, с открытым ртом я со свистом учащенно дышу.

Чувствуя, что бледнею, спрашиваю:

— Кто это был?

Нокс пожимает плечами.

— Кто-то неизвестный твоему отцу. Просто работник со своей женой. Твой отец получил зацепку от другого работника, который подслушал что-то подозрительное, и тебя нашли на следующее утро в коттедже недалеко оттуда. Жена была в истерике, потому что ты не просыпалась. Она бросила тебя на прибывших медиков, умоляя их, чтобы они помогли. Немного иронично то, что человек, который подверг тебя опасности, вообще не хотел причинять тебе вреда.

Он продолжает:

— Но я полагаю, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Видишь ли, у них был сын, который был болен и им нужны были деньги на операцию по пересадке органов. Они пытались достать деньги из других источников, но им их просто не хватало. Они обращались к церкви для сбора средств, просили о помощи по телевидению, даже просили денег у твоего отца, который, к слову сказать, дал им двадцать тысяч долларов. Но этого просто не хватало. Поэтому, они попытались потребовать выкуп.

Уже не заботясь о своей истории, я тихо спрашиваю:

— Что с ним случилось? С сыном.

Нокс медленно качает головой, и я неожиданно переполнена эмоциями по поводу семьи, которую даже не знала. Закрываю лицо руками, мое тело трясется от тихих рыданий.

Он добавляет:

— Мужа с женой посадили в тюрьму, но муж взял большую часть вины на себя, поэтому жена с помощью твоего отца получила условный срок. Вскоре после того, как мужа перевели в тюрьму, сыну стало очень плохо, и он не дожил до операции. Жена покончила жизнь самоубийством неделей спустя, а еще через неделю, муж был тоже найден мертвым в своей камере.

Я не могу больше этого слушать. Я заикаюсь от дрожащих вздохов.

— Прекрати. Не нужно больше. Я не могу. Хватит, пожалуйста.

Это трагедия. Чертова трагедия.

Я потрясена этой информацией. И неожиданно, ничего больше не кажется плохим в моей жизни. Всё еще всхлипывая, я шепчу:

— Почему им никто не мог помочь?

Лицо Нокса становится мягче.

— Люди пытались помочь, малышка, но иногда этого просто недостаточно.

Злость сочится из меня, когда я кричу:

— Мой отец мог бы помочь им! Он мог бы дать им деньги! Всю сумму! Мы, бл*дь, богаты, Нокс!

Он смотрит мне прямо в глаза. Он не отвечает. Не может спорить. Ведь знает то, что я только что сказала — правда.

Он обнимает меня, чтобы я уснула, пока я тихо плачу.

— Малышка, просыпайся, — шепчет Нокс мне на ухо. Я тихо постанываю и шлепаю по лицу возле своего уха, задевая его щеку. Нокс сдавлено смеется. — Ну, давай же, принцесса. Вставай.

Мои опухшие, будто бы засыпанные песком, глаза открываются, а в комнате полностью темно.

Совсем нет солнечного света. Я смотрю на часы на прикроватной тумбочке и вижу — 5:47 утра.

Какого хрена?

Отталкивая Нокса, я бормочу:

— Отстань. Я сплю.

Его руки обнимают меня за талию, и он хрипло смеется.

— С добрым утром, малышка.

Я говорю с сарказмом:

— Это не утро, Нокс! Это же долбаный рассвет.

Притягивая меня ближе к себе, он говорит:

— Вот сейчас ты проснулась и можешь меня поцеловать.

Хотя это звучит очень даже заманчиво, но действительность напоминает мне проинформировать его.

— Ты знаешь, у меня так пересохло во рту, и мое утреннее дыхание тебя просто вырубит. Поэтому нет. И я уверена, что у меня засохли слюни вокруг рта из-за того, что я проплакала всю ночь.

Прижимая мою голову к своей груди, его тело трясется от беззвучного смеха. И я улыбаюсь, обнимая его. Забавляясь, он соглашается:

— Довод принят. Но как только ты почишь зубы, я получу свой поцелуй. А теперь поднимайся и иди одеваться. У нас не так много времени.

Что?

В данный момент, моя растерянность настолько постоянна, что люди могут подумать, что я «особенная».

— Куда мы идем?

Выбираясь с кровати, он говорит:

— Это сюрприз. Поэтому собирай свои вещи. И побыстрее.

Выкатываясь из кровати, я говорю своим лучшим похотливым голосом:

— Ох, малыш. Я обожаю, когда ты отдаешь приказы.

— Лили, — звучит строгое предупреждение.

Мы оба принимаем душ и одеваемся в мгновение ока. Я надеваю спортивные штаны и майку, но Нокс берет одну из своих курток и накидывает ее мне на плечи. Он одет в свои обычные черные штаны-карго и черную футболку, но еще надевает куртку и бейсбольную кепку. Я вздыхаю, он выглядит так, будто бы сошел со страниц спортивного журнала.

Я подхожу и переплетаю наши пальцы. Он сжимает мою руку и шепчет:

— Нам нужно быть тихими.

Мы крадемся по дому, и как только достигаем двери главного входа, я прищуриваюсь, когда вижу, как Нокс поднимает заранее приготовленную сумку, которую он оставил в холле. Выходим в дверь, он ведет нас к жутко черному сталкерскому фургону, и мое сердце замирает.

Мы уезжаем отсюда. Я имею в виду — на свободу! Я не могу стереть улыбку со своего лица.

Я бегу вприпрыжку к фургону, а Нокс широко улыбается, покачивая головой, будто бы я ненормальная. Мне даже разрешают сесть на переднее сиденье. И без повязки на глазах!

И как только я пристегиваю ремень безопасности, Нокс достает что-то из кармана, и моя радость заканчивается.

— Нет!

Нокс аккуратно притягивает меня к себе, нежно целует в губы и завязывает повязку на моих глазах.

Вот дерьмо. А я думала, что мы уже прошли этот этап.

Я дуюсь и скрещиваю руки на груди, и Нокс говорит:

— Ты можешь дуться сколько хочешь, но как только мы выберемся из машины, тебе бы лучше быть со мной поласковее. — Он добавляет: — Ты даже не представляешь, чем я рискую, вытаскивая тебя из дома.

И вот тогда я осознаю, какой я низкий человек. Вытягиваю руку и пытаюсь нащупать Нокса. Нахожу его предплечье, пробегаю по нему вниз, беру его за руку и переплетаю наши пальцы. Я тихо извиняюсь:

— Прости, малыш. Я знаю, что несправедлива. Просто я так легко забываю о том, что меня всё еще защищают. Иногда я просто снова хочу быть самой собой

Прижимая мою руку к своему рту, он целует мою ладонь и молча везет нас.

Мы едем примерно полчаса. Я знаю это, потому что Нокс не дал мне включить радио, из-за того факта что я с легкостью пойму, где мы находимся, поэтому я провожу время, считая секунды в уме.

Всего я насчитала двадцать семь минут и три секунды, прежде чем фургон

останавливается, и Нокс выходит из машины. Он открывает мою дверцу, и я поднимаю руки, чтобы снять повязку, но он останавливает меня.

— Терпение, малышка. Я скажу тебе, когда ты сможешь снять ее.

Как только выхожу из фургона, я слышу это. Ветер. Шум. И мягкое жужжание в воздухе.

Глубоко дыша, я ощущаю и запах тоже. Огромная улыбка расплывается на моем лице, и я возбужденно прыгаю. Нокс говорит, пародируя строгость в голосе:

— Ах. Ты портишь мой сюрприз.

Держа обеими руками его руку, я быстро умоляю:

— Поторопись! Быстрее! Быстрее!

Он наклоняется, чтобы снять мои ботинки и носки, мы проходим немного вперед, пока мои ноги не ступают на прохладный, мягкий песок. Я мысленно пронзительно визжу, а вот вслух смеюсь.

Неожиданно Нокс останавливается и строго говорит:

— Не снимай повязку, Лили. Я тебя предупреждаю.

Прижимая указательный и средний палец к своему лбу, отдаю ему честь и терпеливо жду. Минуту спустя он ведет меня, прижимая руку к спине. Я слышу, как он садится и затем аккуратно усаживает меня на покрывало между своих ног.

Он стягивает с меня повязку, и я открываю рот от изумления.

Океан.

Я люблю океан.

Улыбаясь как идиотка, я прижимаюсь спиной к его телу. Он крепко обнимает меня за талию и прижимается в поцелуе к моей щеке. Его дыхание греет меня.

— Всё хорошо, малышка?

Я тихо отвечаю:

— Это лучшая вещь, которую кто-либо когда-либо для меня делал.

Он также тихо отвечает, еще сильнее прижимая меня.

— Всегда пожалуйста, принцесса.

Мы сидим и смотрим на океан, позволяя виду и звукам поглотить нас и забрать прочь от реальности.

Только сейчас мы просто Нокс и Лили.

Не защитник и защищаемый.

Пляж безлюдный. И это наше счастливое место.

Наш пузырь, защищающий нас от всего мира.

Неожиданно ко мне на ум приходит мысль.

— Как тебя зовут?

Он напрягается позади меня, и мне интересно, испортила ли я всё, задавая этот вопрос. Я считаю, что это справедливый вопрос.

Нокс ворчит:

— Это не важно. Я уже не тот человек.

Поворачиваясь, я целую его в подбородок и осторожно признаю:

— Это имеет значение. Это важно для меня. Я хочу знать тебя.

Следует долгое молчание.

Затем, наконец, он произносит:

— Адам Кристиан Тэйлор. Родился восемнадцатого марта 1984 года в Уайт Дир, штат Техас у матери-одиночки — Клэр. — Южный акцент, который я слышала в его голосе так

много раз, полностью поглощает его речь.

Вау.

Ух, вау!

Оборачиваясь, я встаю на колени между его ног и обхватываю ладонями его лицо. Он настороженно смотрит на меня, но я улыбаюсь, затем снимаю его бейсболку. Наклоняясь, я нежно его целую и говорю между поцелуями:

— Здравствуй, Адам. Я Лили.

Его руки обхватывают мои бедра, он прижимается своими губами, углубляет наш поцелуй и просто говорит:

— Привет.

Мы нежно, неспешно целуемся на протяжении долгого времени, и мы за пределами реального мира. Но что-то меня беспокоит. Немного отстраняясь, я спрашиваю:

— Это плохо, что мне всё еще хочется называть тебя Ноксом?

Он качает головой и отвечает:

— Плохо ли то, что тебе всё еще хочется называть меня Ноксом? — я пожимаю плечами, и он говорит. — Адама больше нет, принцесса. Он для меня лишь воспоминание. Я очень долгое время был Ноксом. Я и есть Нокс.

Кивая, я честно говорю:

— Мне всё равно, как ты называешь себя. — Положив руку на его сердце, я добавляю: — Ты всё еще тот же мужчина здесь.

Закатывая глаза, он громко кричит:

— Лили! — это настолько не похоже на него, что я замираю.

Я не имею представления, что сделала не так, поэтому отстраняюсь, но он ловит меня. Он указывает на меня пальцем.

— Нет. Не делай этого. — Затем он вздыхает. — Бл*дь. — Заправляет мне волосы за ухо и шепчет с благоговением: — Так много прекрасного скрывается за жесткостью. Я не знаю, что мне делать с тобой, малышка. Ты меня убиваешь.

Я моргаю. Мой ответ сочтется сарказмом.

— Хочешь, чтобы я плюнула на тебя, чтобы тебе было легче?

И он улыбается. Широко — во весь рот. И я хочу утонуть в этой улыбке. С этого момента и до окончания жизни.

Я шепчу:

— Было бы абсолютной глупостью влюбиться в тебя.

Его улыбка меркнет, но всего лишь немножко. Он кивает в знак согласия.

— Это было бы абсолютной глупостью. — Он целует меня в губы один, второй и третий раз. Отклоняясь, я смотрю в его темно-голубые глаза и не вижу в них ничего, кроме искренности. Он мягко добавляет: — Невозможно контролировать то, в кого ты влюбляешься, принцесса.

Вот дерьмо.

В носу покалывает. Мои глаза наполняются слезами, и я кусаю губу, пытаюсь не расклеиться. Я хлюпаю носом.

— Это лучший день в моей жизни.

Нокс смотрит на мое лицо широко раскрытыми глазами.

— Да уж, со всеми слезами и прочим дерьмом.

Смешок вырывается из меня. Я шлепаю его.

— Задница. — Затем добавляю: — Ты хотел бы быть сегодня кем-то другим? Только сегодня?

В его глазах пляшут смешинки, и он говорит своим самым южным акцентом:

— Конечно, дорогая. Я буду Хэнком, а ты можешь быть Муди.

Я прыскаю со смеху. Смеюсь так сильно, что сгибаюсь пополам и кладу свою голову на его трясущееся плечо.

Он разворачивает меня и садит спиной между своих ног. Его руки замыкаются на моей талии, и он прижимается лицом к моей шее. Он говорит приглушенно:

— Я не хочу тебя отпускать.

Мое сердце разрывается, и я шепчу ему в ответ:

— Тогда не отпускай.

Вбегаю в комнату Бу и захлопываю дверь за собой.

Она оборачивается ко мне и выглядит при этом ошеломленной. Задыхаясь, я шепчу ей:

— Как нужно заниматься сексом?

Шокированное выражение на ее лице исчезает. Она направляется к кровати и широко улыбается.

— Присаживайся. Нам надо много чего обсудить.

Я уже в постели и жду Нокса, я расправила простыни, чтобы всё было идеально.

Сегодня ночь, когда отдам свою девственность. Поэтому это довольно особенный день. Мне, наверное, следовало что-то сделать, чтобы отметить это событие.

Ну, типа, испечь торт.

Или надуть шарик.

Транспарант был бы тоже неплох.

Бу была чертовски взволнована по этому поводу. И, о боже, вещи, о которых она мне рассказала! Я читала много эротики, но когда тебе не с чем сравнивать эти вещи, они сбивают с толку. Поэтому не относитесь предвзято.

Побритые ноги?

Есть.

С подмышками всё в порядке?

Я обнюхиваю себя.

Так себе. Сойдет.

Почищенные зубы?

Есть.

И как только я тянусь вниз, чтобы привести в порядок свое нижнее белье, Нокс заходит в комнату. Поэтому я быстро вытаскиваю свою руку из-под одеяла. Но слишком поздно.

Дерьмо!

Нокс широко открывает глаза и говорит:

— О, пожалуйста, не дай мне тебя остановить, малышка. Продолжай.

Да уж. Это выглядело так, будто бы я трогала себя.

Мое лицо заливается краской, и я выпаливаю:

— Я не это делала.

Он крадется к кровати, упирается коленом в матрас, нагибается ко мне и тихо говорит:

— Это был чертовски долгий день, и мне нужен этот ротик.

Я тянусь вверх к нему, и наши губы соприкасаются. Он запускает руку мне в волосы и со стоном углубляет наш поцелуй. И как только поцелуй становится более страстным, он отстраняется и говорит:

— Нет. Я не хочу увлекаться. Мне нужно принять душ, а то если мы продолжим в том же духе, мне будет лень делать это позже.

Он улыбается мне.

— Ничего если мы продолжим то, что начали минут через десять?

Мой голос хрипит, когда я отвечаю:

— Десять минут. Не дольше, или я приду за тобой.

Выбираясь из постели, его глаза темнеют, он прищуривается.

— Просто попробуй держаться на расстоянии. — Он идет в ванную, и я со шлепком откидываюсь назад на кровать.

Да уж, а соблазнение тяжелее, чем я думала.

18 глава

От слов к делу

Лили

Как только Нокс выходит из ванной, одетый лишь в пару белых боксеров, он направляется прямо ко мне.

Неожиданно я начинаю нервничать и покусываю губу. Энергетика в комнате меняется со спокойной до обжигающе-горячей за секунду. И я заведена. Только лишь от одного его вида.

Как только он подходит к кровати, я рассматриваю его. Его темные обычно короткие волосы сейчас немного длиннее. Как раз достаточно для того, чтобы пропустить их между своими пальцами. Большие, мускулистые руки, накачанные сильные ноги, очерченный пресс, широкая грудь и плечи, всего этого достаточно, чтобы заставить меня облизывать губы в предвкушении.

Хорошо.

Я никогда бы не подумала, что смогу заполучить такого мужчину... но вот мы здесь.

Забавно как всё может сложиться.

Кровать прогибается, и он ложится рядом со мной. Он выглядит абсолютно по-другому, избегает моего взгляда, когда спрашивает деланно скучающим тоном:

— Хочешь поцеловаться?

Вытаскиваю подушку у себя из-за спины, я хлопаю его по голове. Его тело трясется от беззвучного смеха. Отбрасывая подушку, он хватает меня за запястья и тянет к себе. Приподнимаясь, он садит меня к себе на колени, лицом к нему. Его глаза улыбаются, и он говорит:

— Привет.

Маленькая улыбка появляется на моих губах.

— Привет.

Его пальцы пробегают по моей спине, поддразнивая края моей майки, поглаживая чувствительную кожу в том местечке. Я уже возбуждена, а мы только начали. Вспоминая о своей миссии, я решаю, что мне нужно дать ему знак, чтобы он понял, чего я хочу.

Скрещивая руки на животе, я хватаюсь за края майки и снимаю ее, оставаясь только лишь в паре черных трусиков (спасибо за них Бу).

Нокс, застыв, смотрит на мою обнаженную грудь. Прежде чем прикрыть глаза, он опускается лицом к ложбинке между моих грудей и водит по ней носом. Вздыхая, я оборачиваю свои руки вокруг его головы и шепчу:

— Я хочу тебя, Нокс.

Его лицо застывает прямо в ложбинке, и тело напрягается.

Он поднимает голову и наши глаза встречаются. Нокс изучает мое лицо с минуту, прежде чем спросить:

— Ты уверена? — и как только я готова ответить, он добавляет: — Потому что для меня это не важно. Мы не обязаны делать то, чего ты не хочешь. Тебе не нужно делать это для меня.

Я улыбаюсь при виде того как он краснеет, беру его лицо в свои руки и нежно целую

его.

— Я хочу сделать это для себя. Потому что я хочу, чтобы это был ты. Я хочу всегда вспоминать об этом и знать, что выбрала тебя. Мне решать, и я хочу тебя.

Он сильно сжимает мои бедра, затем ослабляет хватку и медленно проводит руками вверх-вниз. Всё еще не убежденный он шепчет:

— Я не буду давить на тебя. Никогда.

Трусь кончиком носа об его нос, я шепчу ему в ответ:

— Ты и не давишь. Ты такой супермилый, и я обожаю это. Но я хочу этого. Действительно очень сильно.

Его голубые глаза вспыхивают.

Прежде чем он может что-то сделать, я скольжу между нашими телами и оборачиваю свою руку вокруг его возбужденного члена, спрятанного под боксерами. Он вдыхает воздух со свистом и немного отклоняется. Воспринимая это как разрешение, я тянусь вниз второй рукой и тру его медленно и нежно.

Его глаза закрыты, и он бормочет:

— Продолжай в том же духе, и я кончу, принцесса.

Я не хочу, чтобы это так быстро закончилось!

Убирая руки, я спрашиваю:

— А если это случится, то всё? Ты уже готов? — я не могу скрыть разочарование в своем голосе.

Нокс смеется, и неожиданно я чувствую себя глупо и опускаю голову. Чувствуя, что я стыжусь, он перестает смеяться. Берет меня за подбородок, поднимает мое лицо и говорит сквозь улыбку:

— Нет, малышка. Я могу заниматься этим всю ночь напролет. У меня займет буквально десять минут для, уф... — он прочищает горло, обдумывая подходящее слово, — перезарядки, затем я буду готов к следующему раунду.

Тянусь снова вниз и беру его член в руки, поглаживаю его, и тихо спрашиваю:

— Так в чем тогда проблема?

Он снова закрывает глаза и бубнит:

— Я забыл.

Чувствуя себя похожей на ребенка, рассказывающего какой-то секрет, я наклоняюсь к его уху и говорю:

— Снимай свои трусы. Я хочу видеть тебя.

Я благодарна ему, что он не заставил меня умолять. Он тянется вниз, берется за резинку своих боксеров и тянет их. Он не может снять их полностью из-за того, что я сижу на нем, поэтому я снимаю их до конца.

И изумленно смотрю на него.

А он действительно большой.

Принимая поспешное решение, я делаю кое-что, что всегда хотела попробовать. Я нагибаюсь и провожу языком по всей длине его члена.

Его тело трясется так, будто бы через него проходит электричество, и он стонет.

— Детка, бл*дь!

Я вспоминаю то, что говорила мне Бу.

«Головка очень чувствительная, поэтому будь осторожна с ней. Начинай медленно. Используй свою руку, двигая вверх-вниз. Не используй зубы. Слушай его звуки одобрения.

Если он стонет и двигается в нетерпении, то ты всё делаешь хорошо».

Держу его член в руке прямо и обхватываю губами головку просто, чтобы почувствовать ее. Когда Нокс снова стонет, я опускаю свою голову еще ниже, захватывая его в рот, затем поднимаюсь. Я создаю свой ритм, начинаю качать головой медленно и неглубоко на его члене. Он кладет руки мне на голову, и я принимаю это как знак — мне продолжать. Я захватываю его глубже, так чтобы не подавиться, и сосу немного интенсивнее. Нокс стонет.

— Святое-бл*дь-дерьмо!

Осмелев, я помогаю себе рукой, пока сосу его, и тело Нокса дергается. Я делаю это еще какое-то время, и он с трудом говорит:

— Малышка, серьезно, я долго не протяну.

Отрывая свой рот от него всего на секунду, я произношу:

— Я хочу увидеть.

Тяжело дыша, он начинает двигать бедрами и толкается глубже в мой рот. Он толкается всё быстрее и быстрее, затем неожиданно освобождается из моего рта и поглаживает свой пульсирующий член рукой напротив своего, покрытого шрамами живота.

Я пристально смотрю, как он находит свое освобождение.

Его лицо искажается будто от боли, яички натягиваются, и я вижу точный момент, когда это происходит. Он сильно его сжимает, его член яростно пульсирует, и белая вязкая жидкость брызгает ему на живот один, второй, третий и, наконец, четвертый раз.

Его тело расслабляется, и он откидывается назад на кровать. Он выглядит истощенным. Задыхаясь так, будто бы он пробежал милью, потный и обессиленный. Его эрекция ослабла, и он поглядывает на меня одним глазом. Замечает мою крошечную улыбку и спрашивает:

— Ну как я справился? Выполнил работу?

Я люблю Смешного Нокса. Это не то, что Хмурый Ублюдок Нокс.

Отклоняясь, я поддерживаю его игру. С благоговением, я шепчу:

— Это было идеально.

Разворачиваюсь, беру несколько салфеток с тумбочки и вытираю сперму с его покрытого шрамами живота. Когда я заканчиваю, он протягивает руку, и я ложусь рядом с ним. Он прижимает меня к себе и нежно целует. Между поцелуями он проговаривает:

— Это было идеально. Спасибо тебе, малышка.

Оставляя легкие поцелуи на его губах, я говорю:

— Это было весело.

Он начинает нежно меня целовать. Его руки пробегают вверх-вниз по моей спине, затем задерживаются на пояснице. Его пальцы касаются резинки на моей талии, и руки медленно проскальзывают под трусики, сильно сжимая мою попку. Он массирует мою чувствительную плоть, и я стону ему прямо в рот.

Отрываясь от моих губ, он наклоняет голову к моей груди, захватывая ртом мой тугий сосок. Он жестко посасывает его, и я закатываю глаза от удовольствия.

Он так хорош в этом.

Я чувствую, насколько сильно влажной становится моя киска, поэтому сильнее сжимаю ноги, пытаюсь задержать это внутри. Нокс освобождает один сосок прежде, чем взять в рот второй, чтобы тоже уделить ему внимание. Он проводит пальцем по свободному соску, и мое лоно начинает неконтролируемо сокращаться.

Мое дыхание становится тяжелее, и я издаю низкий стон.

Я хочу большего.

Не уверена по поводу правил для мужчин о восстановлении своих сил через десять минут или более после предыдущего оргазма, но чувствую, как что-то твердое толкается мне в живот. Тянусь вниз и провожу пальчиком от основания до самого кончика, и Нокс стонет и кусает мой сосок. Сильно.

Моя киска буквально потекла, и я откидываю назад голову и ловлю ртом воздух.

Это. Было. Порочно.

Его рука скользит по моим бедрам, вдоль живота и вниз. Он накрывает своей ладонью мою киску.

Неожиданно я чувствую сильный стыд.

Его пальцы начинают скользить под трусики, но я хватаю его за руку. Я сильно сжимаю его руку, пока еще сильнее сдвигаю ноги. Я шепчу:

— Нокс....

Он обрывает меня на полуслове. Нежно берет мое лицо в свою ладонь и говорит:

— Нет, принцесса. Не нужно. Я говорил тебе, что не буду на тебя давить. Никогда. И всё хорошо. Мы не обязаны что-то делать. Пока ты спишь рядом со мной — я счастлив.

И он мечтательно вздыхает.

Закрываю глаза, наклоняюсь вперед и бубню ему на ухо.

Поглаживая мою спину, он говорит:

— Я тебя не понял.

Я шепчу ему:

— Я думаю, что я слишком мокрая. Со мной что-то не так!

Я чувствую, как он улыбается, его рука скользит вниз по моему животу и прикасается к моим мокрым трусикам, но дальше не продолжает. Его дыхание греет мою щеку, и он говорит охрипшим голосом:

— Откройся для меня, малышка.

Как будто это был волшебный пароль, мои ноги раздвигаются, как Красное море расступилось перед Моисеем.

Его рука проскальзывает под трусики, и пальцы касаются очень влажного, очень возбужденного волшебного бутона. Он замирает, затем зарывается лицом в мою шею и бормочет:

— Такая влажная. Такая горячая. Ты, бл*дь, чертовски горячая.

Его жесткий член упирается мне в бедро, и я уже начинаю думать, что быть такой влажной не так уж и плохо.

Чувствуя мою неуверенность, Нокс говорит:

— С тобой всё хорошо, малышка. Ты красивая. Это красиво. — Смотрит на меня своими кристально-чистыми голубыми глазами и спрашивает: — Ты всё еще хочешь этого?

Поспешно кивая, я проговариваю:

— Больше, чем свой следующий вдох. — Не говоря больше ни слова, он опускает руки вниз на мои бедра, стягивая с меня трусики. Я приподнимаю бедра, помогая ему, и вот я уже без них.

Я чувствую себя такой обнаженной. Как если бы он мог заглянуть что у меня внутри. Прямо в мою душу.

Я поднимаю руки и скрещиваю их перед грудью, но Нокс убирает их.

— Не прячься от меня. Я люблю смотреть на тебя. Ты красивая, малышка. Не прячься.

Я притягиваю его лицо к своему и целую. Он перемещается так, что наши тела

переплетаются. Я на спине, а он лежит на мне. Мои ноги широко расставлены, и он удобно устроился между них, наши сокровенные места соприкасаются, и это лучшее, что я когда-либо чувствовала в своей жизни. Моя киска пульсирует, и я стону ему в рот, углубляя наш поцелуй.

Его член ютится между моих влажных складочек, и Нокс медленно толкается. Трение против моей киски разжигает что-то первобытное внутри меня. Я поднимаю ноги, оборачиваю их вокруг его бедер и стону. Его толчки становятся все жестче и немного быстрее. Мой пульс учащается, и грудь содрогается. Мой желудок делает сальто, как рыба, вытасченная из воды. Вся моя спина покрыта мурашками. Я крепче сжимаю ноги вокруг его бедер, он толкается сильнее в мое сокровенное местечко и из меня вырывается жалобный крик.

Мои бедра дергаются от начинающихся спазмов. Его член продолжает тереться напротив моих складочек, и я вижу звезды.

Я плыву по реке удовольствия, попивая фруктовый коктейль блаженства с симпатичным маленьким зонтиком. Когда спазмы стихают, я откидываю голову назад на подушку и стону.

— Я люблю секс.

Голова Нокса опускается мне на плечо, и его тело трясется от смеха. У меня даже нет энергии, стыдиться своего распутного поведения. Это было чертовски офигенно.

Когда я немного отошла, Нокс поднимает голову, и я чувствую его руку на своей киске. Наши глаза встречаются. Он нежно потирает мои складочки, и мои веки дрожат.

Это идеально. Он знает, что сейчас нельзя быть слишком грубым.

Мой пульс учащается, и чувство счастья начинает бурлить во мне. Всё еще жутко влажная, я чувствую, как его палец вырисовывает круги напротив моего входа, будто бы спрашивая разрешения. Я немного приподнимаю бедра, и его палец проскальзывает внутрь.

Черт!

Это ощущается немного забавно.

Нокс смотрит на меня. Я смотрю на него. Его палец скользит глубже, и его выражение лица становится болезненным.

— Ты такая тугая.

И я опускаю голову.

— Мне очень жаль.

Его выражение лица становится ошеломленным.

— Малышка, это не плохо. Просто мои яйца сейчас тверже камня. Я не имею и малейшего представления, как мне продержаться в твоей сладкой киске больше десяти секунд.

Ух, ничего себе!

Я никогда раньше не слышала, чтобы Нокс использовал грязные словечки и неконтролируемо моя киска опять течет.

Нокс стонет, когда чувствует это, и начинает двигать своим пальцем во мне. Он бормочет.

— Гребаный ад. А еще ей нравятся грязные разговорчики.

Я краснею, но у меня совсем нет времени отреагировать, когда его палец выскальзывает, а затем он вставляет в меня уже два пальца. Я чувствую приступ боли и закрываю глаза.

Господи, надеюсь, что это было оно.

Но Нокс продолжает свои медленные движения и, наконец, я получаю удовольствие от двух его толстых пальцев. Он раздвигает пальцы внутри меня, растягивая и боль возвращается. Я шепчу.

— Ой.

У него грустные глаза, и он тихо спрашивает:

— Ты уверена, что хочешь сделать это? В первый раз... это больно, малышка.

Я прячу эмоции, затем киваю и улыбаюсь. Он еще немного изучает мое лицо, затем приподнимает меня, и теперь кончик его члена упирается в мой вход.

Он нежно говорит:

— Согни колени.

Так я и делаю. В этом положении я открыта немного больше, и он самым кончиком входит в меня.

Я вздрагиваю от боли и ловлю ртом воздух. Немного больно, но всё не настолько плохо. Я полагаю, моя влажность в этом помогла. Он пристально смотрит на меня.

— Всё в порядке, малышка?

Киваю ему, чтобы он продолжал, и хватаю его за предплечья. Он входит еще чуть-чуть, и боль увеличивается.

Ох, черт! А это действительно больно!

Я никогда не была той, кто может скрывать свои эмоции, Нокс наклоняется и целует меня в нос.

— Прости меня, детка. Я буду действовать медленно.

Я тяжело дышу, отчаянно пытаюсь взять себя в руки, когда его член проскальзывает глубже. Боль пронизывает всё мое тело, и мне больно настолько сильно, что я хныкаю. Он начинает выходить из меня, но я выкрикиваю:

— Просто сделай это. Пожалуйста, милый. Просто сделай это.

В его глазах вспыхивает беспокойство, и я удерживаю его взгляд. Он тяжело сглатывает и шепчет:

— Черт. Прости меня, малышка.

Он входит в меня полностью.

Что-то разрывается внутри меня.

И боль такая сильная, что мой рот открывается в немом крике.

Меня разрывает на части.

Он обнимает меня и нежно покачивает. Целуя меня в лоб, он бормочет:

— Прости меня, малышка. Мне так жаль. Бл*дь. Прости меня.

Мои глаза закрыты, и я вздрагиваю. Слезы катятся из моих глаз. Эту боль я могу описать только одним словом — агония. Тихо плачу, пока Нокс крепко меня обнимает. Шепчу ему, прерывисто дыша:

— Я так счастлива. Очень счастлива. Я рада, что это был ты.

Он вытирает мои слезы, оставляя легкие, нежные поцелуи в уголках моих глаз.

— Не плачь, малышка. Помнишь, что ты сказала мне этим утром? О том, что было бы абсолютной глупостью влюбиться в меня?

На этих словах, я открываю глаза, он тихо продолжает:

— Тогда тебе следует начать называть меня долбаным придурком.

Переполненная эмоциями, я шепчу сквозь рыдания:

— Меня тоже. — Затем я закрываю глаза и реву: — А я наиглупейшая дура!

Нокс прыскает со смеху, пока я продолжаю реветь как белуга. Вытирая мои слезы, он мне улыбается.

— А мы неплохая парочка, да?

Хлюпая носом, я честно отвечаю:

— Я не думаю, что мне может быть ещё лучше, чем сейчас. Поэтому, да, мы неплохая парочка. Лучшая парочка.

Затем, неожиданно я осознаю, что мне уже не больно.

Проверяя свои ощущения, я обхватываю Нокса своими ногами, прижимаясь к нему, толкая его глубже в меня. Я часто моргаю и слышу, как Нокс рычит.

Вот черт. Это ощущается потрясающе.

Нокс располагает свои руки возле моей головы, поддерживая себя навесу, пока я лежу неподвижно напротив него. Я не отрываю свои глаза от его. Это ощущается приятно, но всё равно чего-то не хватает. Он наклоняется и жадно меня целует. Я открываю рот ему навстречу и чувствую, как его язык ласкает внутреннюю сторону моей верхней губы. И это так горячо, что мои бедра дергаются ему навстречу.

Я тихо говорю напротив его рта:

— Малыш, двигайся. Пожалуйста.

И он так и делает. И, несмотря на то, что мне больно, это ощущается приятно. Ощущения от трения восхитительно захватывающие. Он толкается в меня медленно, и я вздыхаю.

Так вот как должен ощущаться секс.

Будто бы читая мои мысли, Нокс делится:

— Невероятно. И станет только ещё лучше.

Мой пульс резко ускоряется. Неожиданно мое тело отчаянно хочет большего, и я умоляю:

— Быстрее. Сильнее.

Он неистово целует мои губы, его толчки становятся дикими, я чувствую, тепло и свет разливается по моему телу. Вена на его виске пульсирует и, отрываясь от моих губ, он бормочет:

— Это будет быстро, Лили.

И когда я снова его целую, его член выскальзывает из меня. Тяжело дыша, он стонет прямо мне в рот, и я чувствую теплую сперму, которая покрывает мою киску и живот.

И вот тогда я осознаю, что мы не использовали презерватив.

Это настолько безответственно. Настолько глупо. Настолько чертовски глупо.

Я думаю, что мне повезло, что он вовремя успел выйти из меня, а то я могла бы забеременеть. И хоть в один прекрасный день это случится, это не то, чего я хочу сейчас. Не желая портить себе настроение, я тянусь и провожу пальчиком по его щеке. Я улыбаюсь ему и кусаю губу.

— Это было невероятно.

Его взгляд теплеет, и он мне улыбается.

— Ты обманщица. Это было ужасно, а не невероятно. — Я смеюсь сама над собой. Наклоняясь, он оставляет легкий поцелуй на моих губах и дает обещание. — Но будет невероятно.

Я трусь об него носом и сонно бормочу.

— Ловлю на слове.

Лили

Просыпаюсь с улыбкой на лице и зарываюсь лицом в шею Нокса.

— С добрым утром, малышка, — бормочет он. — Чувствуешь себя нормально?

Я точно не уверена, как себя чувствую, поэтому сжимаю мышцы между ног и шиплю:

— Ай. Боюсь, я пока еще не готова ко второму раунду.

Обнимая меня крепче, он говорит:

— Тебе следует принять горячую ванну. А пока ты будешь это делать, я принесу тебе завтрак.

Я приподнимаю голову и смотрю на него сонными глазами.

— Если ты это сделаешь, то я никогда не уеду домой. — И как только я говорю это, сразу же хочу забрать эти слова, пока они всё еще витают в воздухе. Но уже слишком поздно.

Наши лица мрачнеют. В комнате повисает неловкое молчание.

Я пытаюсь выскользнуть из постели, но рука Нокса берет меня за запястье. Притягивая назад, он прижимает меня к себе и вздыхает.

— Мы знали, что реальность рано или поздно нас настигнет, принцесса. Мы не можем притворяться всю жизнь.

У меня покалывает в носу, и я шепчу:

— Но мне нравится притворяться с тобой.

Он целует меня в макушку и шепчет мне в волосы.

— Мне тоже, малышка. Мне тоже.

Это утро пролетело быстро.

Сперва Нокс набрал для меня ванну. Я забралась в нее и провела там примерно полчаса, расслабляя свои болезненные мышцы. О существовании некоторых из этих мышц я даже не догадывалась. Потом мы вместе позавтракали. Сегодня был не день овсянки, поэтому я пожарила блинчики и больше для того, чтобы увидеть явное отвращение Нокса, пропитала их маслом и сиропом прежде, чем слопать. По большей части даже не жуя. Затем, после моей эйфории от быстрых углеводов, мы потренировались. Сегодня был редкий случай, когда у нас всех четверых была тренировка вместе.

И Бу. О, Бу.

Всё время она таращилась на меня. Кривлялась и улыбалась как дурочка. Меня это так сильно достало, что я бросила в нее мягкой битой.

Говоря о неловкости.

И последнее, после того, как наша тренировка закончилась, Бу затащила меня к себе в комнату для выживания подробностей о прошлой ночи. И это было похоже примерно на это:

Прыгая на месте, она визжала.

— Ну, и. Как всё прошло?

Это полный облом для нее, после всего того времени, которое она потратила, объясняя мне все те вещи, но мне нужно быть честной.

— Это было ужасно.

Ее прыжки замедлились. А затем и вовсе прекратились. На ее лице отразилось замешательство.

— Что?

Кивая, я объяснила.

— Да. Абсолютный отстой. Это было плохо. Ну типа плохо-плохо. И больно. И безумно неловко.

У Бу отвисла челюсть.

Но затем я добавила:

— Но это было идеально.

Выглядев еще больше растерянной, она произнесла:

— Что?

Улыбаясь, я сказала:

— Нокс. Неважно, как это прошло. Было важно лишь то, что это происходило с ним. И он был такой хороший. Такой нежный и просто супермилый. Говорил правильные вещи, когда было нужно. Он был идеальным, и было совсем неважно, как это прошло. Я была с ним. Поэтому — это было идеально. — Глядя на Бу, я улыбнулась искренней, счастливой улыбкой, пытаюсь передать, насколько идеально это было.

У нее задрожали губы, и глаза наполнились слезами. Она прошептала:

— Это замечательно, Ди. — Прочистив горло, она добавила: — Хотя станет лучше. Намного лучше. И ты тоже в этом подучишься.

Откинувшись назад, я поджала губы.

— Черт, Бу. Это не могло бы быть еще хуже.

Из нее вырвался смешок, и я улыбнулась.

...будет всё лучше и лучше.

Улыбаясь самой себе, я бегу вприпрыжку по коридору к кабинету Нокса. Без стука, открываю дверь и вхожу. Нокс стоит спиной ко мне и смотрит в окно, разговаривая по телефону. И я слышу часть его диалога.

— Нет, сэр. Это не так уж тяжело. — Пауза. — Я понимаю. Уверю вас, что когда придет время, я смогу ее отпустить.

Мое сердце замирает.

Очевидно, не слыша, что я зашла, он продолжает:

— Она просто девчонка. Она это переживет. В любом случае мы знали, что это не на всю жизнь. Мы были глупыми, что вообще это начали.

Мое сердце сжимается. Затем увядает. Затем умирает.

У меня ком в горле, который я пытаюсь проглотить, но не могу. Глаза застилают невыплаканные слезы.

— Да, сэр. Не могу вам даже выразить, насколько мне жаль. Это был момент слабости и этого больше не повторится.

О, боже. Нет.

Нокс

Голос Митча звучит из телефона.

— Послушай, Нокс. Я знаю, что жизнь, которой ты живешь, может быть одинокой, но тебе лучше найти кого-нибудь из наших. Я не уверен, хочу ли, чтобы ты продолжал работать над этим делом. Ты слишком увяз. Думаю, что это делает тебя предвзятым. Черт, да ты увез ее с базы. Это не похоже на тебя.

Мне следовало бы знать, что он узнает о нашей с Лили поездке на пляж.

Открывается дверь в кабинет. Я знаю, что это она. Но мне нужно направить Митча по другому пути.

Я закрываю глаза, испытывая боль в груди, и говорю:

— Нет, сэр. Это не так уж тяжело.

Митч произносит:

— Надеюсь, что нет. Это может вызвать проблему. Я думаю, уже вызвало.

Я вынуждаю себя сказать:

— Я понимаю. Уверю вас, когда придет время, я смогу ее отпустить.

Я почти слышу, как разбивается сердце Лили, когда говорю:

— Она просто девчонка. Она это переживет. В любом случае мы знали, что это не на всю жизнь. Мы были глупыми, что вообще это начали.

Митч делает паузу, затем говорит:

— Я уверен, что ты делал всё, что в твоих силах, сынок. Я знаю, что могу на тебя рассчитывать, Нокс. Ты один из моих лучших людей.

Я подавляю в себе желание рычать от злости и бормочу:

— Да, сэр. Не могу вам даже выразить, насколько мне жаль. Это был момент слабости и этого больше не повторится.

Внутри меня образовывается ярость. Я чувствую, как она поднимается вверх по моей груди и когтями продирает себе путь в мою голову.

Митч заканчивает разговор словами:

— Я полагаю, что так и будет. Держи меня в курсе. — Затем он отключился.

Голова раскалывается, и я сильно сжимаю телефон. Делаю глубокий вдох, смотря в пол, я говорю:

— Иди сюда, малышка.

Ее голос срывается.

— Нет, — она с трудом произносит: — Ты заставил меня поверить... Я такая дура... Я поверила...

Оборачиваясь, я бросаю телефон и подхожу к ней. Она вытягивает руки, останавливая меня, и произносит сквозь сжатые зубы:

— Не смей меня трогать. Бл*дь, не прикасайся ко мне.

Я прошу:

— Малышка, выслушай меня.

Всё еще с поднятыми руками, она отступает назад, слезы катятся по ее щекам. Она шипит:

— Я верила тебе! Даже близко ко мне не приходи, Нокс. Ты дал мне понять кто мы друг для друга.

Поворачиваясь на пятках, она пытается сбежать.

У нее нет и шанса на то, что это произойдет.

Подбегаю к ней сзади и крепко хватаю ее за руки. Она вырывается.

— Отпусти меня! Ты лжец! — из нее вырываются всхлипы. — Ты чертов лжец, и я ненавижу тебя!

Ее тело трясется от тихих рыданий, а я раскачиваю ее из стороны в сторону, позволяя ей прийти в себя. Она слабеет в моих объятиях и прекращает вырываться. Я использую этот шанс, чтобы объяснить.

— Я знал, что ты всё это время была здесь, малышка. И я никогда тебе не врал. Я обманул Митча.

Лили бормочет:

— Я тебе не верю. Ты всегда собирался меня бросить. Ты никогда не собирался вернуться обратно за мной.

Есть так много вещей, которые я хочу ей сейчас сказать, но не могу. Тяжело сглатывая, я говорю ей:

— Лили, я клянусь, что никогда не лгал тебе. Есть вещи, о которых я хочу рассказать тебе, но не могу этого сделать сейчас. Просто, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что никогда не лгал тебе.

Ей всё еще больно от того, что она услышала, и она пытается высвободиться.

— Нет. Я не обязана верить в это дерьмо!

Я держу ее крепче, наклоняюсь ближе к ее уху и шепчу:

— Как меня зовут, принцесса?

Она застывает в моих руках.

— Адам.

Я подталкиваю ее.

— Мое полное имя.

Она шепчет:

— Адам Кристиан Тэйлор.

— Где я родился?

У нее перехватывает дыхание.

— Уайт Дир, Техас.

Оставляя поцелуй на ее шее, я спрашиваю:

— Когда мой день рождения?

Она заикается.

— Восемнадцатого марта.

Зарываясь лицом в ее шею, я говорю:

— Ты знаешь, сколько людей знает эту информацию?

Она хлюпает носом в ответ.

Я продолжаю:

— Ты. Только ты, Лили. Ты — единственная, кому я это доверил. Потому что ты для меня всё.

Рухнув в мои объятия, она тихо плачет. Я разворачиваю ее к себе лицом и обнимаю. Мне сразу же становится легче, когда она обнимает меня в ответ и сильно прижимает к себе.

— Я просто услышала... я имею в виду, я зашла и... затем ты сказал... и я не знала... и это так больно! — она плачет у меня на груди пока я целую ее в макушку.

— Я знаю. И мне жаль, что ты подумала то, о чем подумала. Но это Митчу нужно было так подумать. Я слышал, как ты зашла, малышка. Я знал, что ты была здесь всё это время. Мне всё равно нужно было это сделать, — говорю я, потирая ее спину.

Чувствуя желание защитить свою девочку, я решаю открыть ей еще один маленький секрет.

— Неважно, где ты находишься, малышка. Я всегда приду за тобой. — Она поднимает на меня свои заплаканные глаза, и я уверенно повторяю: — Я приду за тобой.

Поднимаю ее лицо и наклоняюсь. Мы встречаемся посередине.

Этот поцелуй такой сладкий. В этом маленьком жесте скрыто так много. Я освобождаюсь от ее губ и шепчу:

— Ты должна мне доверять так, как я доверяю тебе, хорошо?

Она хлюпает носом и кивает. Затем я снова целую ее сладкие губы.

И снова

И снова.

Лили

Я провожу с Ноксом остаток дня в его кабинете.

Он садит меня систематизировать документы, и хотя это дерьмовая работа, мне приходилось ею заниматься в «Флинн Логистикс» всё чертово время, поэтому я в этом неплоха. Через час, я все заканчиваю, и он садит меня разбирать коробки в поисках работы, которую я могла бы сделать, чтобы не заскучать.

Нокс печатает без остановки, очевидно очень занятый, поэтому я открываю первую коробку и тихо ахаю, но он никак не реагирует.

Там, на самом верху всех файлов — мой мобильный телефон.

Беру его в руки, немного держу, прежде чем вернуть назад в коробку, и закрываю крышку.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Искушение не возьмет надо мной верх. Я сильнее этого. Мне не нужно его включать. Мне было хорошо и без него несколько месяцев. Мне он не нужен.

«Тебе он не нужен».

Нет. Мне не нужен.

Снова открывая коробку, я беру в руки свой телефон и зажимаю клавишу включения. Без проблем он включается. Здесь целая куча текстовых сообщений и пропущенных звонков, но прежде чем я успеваю что-то посмотреть, телефон звонит.

Таращась на дисплей, я застываю.

Джетт.

Брат-близнец Джейми.

Мне нужно ответить на звонок.

Я настолько зациклена на звонящем телефоне, что не слышу, как Нокс подходит, пока он не оказывается позади меня.

— Лили, малышка, не отвечай.

Я все еще стою на коленях перед коробкой, и мои пальцы дергаются.

— Малышка, этот телефон не засекреченный. Не отвечай.

Вставая, я прижимаю к себе телефон и поворачиваюсь к Ноксу. Он выглядит обеспокоенным. Я шепчу:

— Я должна ответить на этот звонок.

Нокс качает головой. Его губы превращаются в тонкую линию.

— Это не засекреченная линия, Лили. Кто угодно может проследить ее.

Снова смотря на всё еще звонящий телефон, я снова шепчу:

— Мне нужно ответить.

Нокс тянется, чтобы взять телефон, но я отбегаю. Его глаза встречаются с моими, и в них читается растерянность. Я тяжело дышу и говорю:

— Прости меня. — Затем выбегаю из двери, направляясь по коридору в свою старую комнату. Хватаю стул из комнаты и тяну его в ванную, где подпираю им ручку двери.

Секунду спустя дверная ручка начинает дергаться. Нокс кричит:

— Малышка! Остановись! Не бери трубку!

Закрываю глаза и нажимаю кнопку вызова. Я держу телефон возле своего уха и шепчу:

— Алло?

Нокс сильно стучит в дверь.

— Положи трубку, Лили! Бл*дь!

— Лили! Лили, дорогая! Пожалуйста, не клади трубку! Это срочно!

О, господи!

Сильный ирландский акцент, но это не тот брат. Явно обеспокоенный Джейми Харрисон умоляет меня не бросать трубку.

Человек, которого я считала своим другом.

Человек, который организовал нападение на меня.

Он собирался убить меня ради денег.

И я доверяла ему.

Мой палец кружит вокруг кнопки завершения звонка, и я обвиняю его:

— Я думала, что ты был моим другом, Джейми.

Он кричит:

— Я и есть твой друг, Лили! Я, бл*дь, люблю тебя! Ты — моя семья, девочка. Я больше долбаный Флинн, чем Харрисон! Пожалуйста, выслушай меня!

Есть что-то похожее на отчаяние в его голосе, что мне не нравится.

Я знаю Джейми. Знаю его достаточно хорошо, чтобы знать, что он не трус. Но сейчас его поджилки дрожат от страха. И я слышу это даже через телефон.

Успокаивая свой голос, я говорю ему:

— У тебя есть тридцать секунд.

Его голос дрожит, когда он шепчет:

— Я никогда не хотел, чтобы это произошло. Это не должно было так произойти. Я клянусь, Лили. — Его голос ломается, и он бормочет: — Я клянусь собственной жизнью.

У меня всё сжимается в груди. Это так не похоже на Джейми.

Хлюпая носом, он говорит:

— Джетт пытается убить меня.

Что? Не может быть.

Джетт и Джейми близки как никто другой. Я не верю в это.

Я прикрываю рот рукой и внимательно слушаю, как он рассказывает:

— Джетт пришел ко мне с идеей, как можно сорвать денег. Мы должны были что-то сделать, чтобы позаботиться о нашей матери. Ты понимаешь? Это всё было ради нашей мамы, Лил.

Он протяжно стонет так, будто бы ему больно. Задыхаясь, он продолжает:

— Отец знал о том, что случилось с тобой в детстве. Он нам всё об этом рассказал. И мы были достаточно отчаявшимися, чтобы использовать это против тебя. — Он еще сильнее задыхается, его голос дрожит. — Он сказал, что всё будет идеально. Что никто не пострадает. Мы получаем деньги. Затем исчезнем.

Из Джейми вырывается приступ кашля, и мое сердце замирает.

Всё еще тарабаня по двери, Нокс кричит:

— Открой эту чертову дверь, Лили! Не заставляй меня ее выбивать!

Не вешай трубку!

У меня пощипывают глаза, и я спрашиваю:

— А что потом, Джейми?

Глубоко дыша, он успокаивает свой голос.

— Потом, всё изменилось. Джетт начал скрывать всё дерьмо от меня. Он изменил пароль на нашем ноутбуке, Лили. Я не мог его включить. Он забрал у меня рабочий телефон. Начал прослушивать разговоры твоего отца и расспрашивать о тебе. Много, девочка. Я знал, что что-то здесь не так, но не знал, насколько всё плохо.

Джейми издает задыхающийся звук и шепчет сквозь слезы.

— Он подставил меня, Лили. Я клянусь. — Всё мое тело вздрагивает, когда он ревет: — Этот долбаный мудака подставил меня!

Слезы катятся по моим щекам.

Черт.

Он не лжет. Не может. Я шепчу:

— Чего он хочет?

Его голос дрожит.

— Дело никогда не было в тебе. Никогда. Он хочет две вещи. — Я терпеливо жду, и он произносит: — Деньги. И Теру. Он уже в пути, чтобы добраться до нее. Он знает, где вы находитесь, Лили. Не будь глупой. Он умнее, чем кажется. Тебе нужно выбираться оттуда. Езжай в какое-нибудь безопасное место. Он сошел с ума.

У меня холодеет кровь.

Я вся дрожу, затем хрипло кричу:

— Нокс! — затем у меня начинается истерика.

Встаю, пинаю стул, который сдерживает дверь, в сторону.

Джейми снова начинает кашлять, он хрипло бормочет:

— Он, бл*дь, убил меня, Лил.

Мой голос дрожит, когда я спрашиваю:

— Что ты имеешь в виду, Джейми? Где ты?

Его голос слабеет.

— В своей квартире, милая. И я долго не протяну. Скоро встречу со своим отцом.

Слезы градом скатываются по моим щекам, и я кричу:

— Ты не умрешь!

Джейми глухо смеется.

— О, дорогуша, а вот две пули в моей груди считают иначе. — Я сгибаюсь пополам, обхватывая себя за талию, рыдаю, пока слушаю своего умирающего друга. — Ты была лучшей вещью здесь, в Америке, Лили. Я никогда не хотел здесь жить, но мне пришлось приехать. Твой отец — хороший человек. И я любил его как своего родного отца.

Еще больше стуков на заднем плане.

Руки обхватывают меня за талию, но я вцепилась в телефон у своего уха и шепчу:

— С тобой всё будет хорошо.

— Нет, Лил. Но я не против. Увижу своего отца. — Его голос становится благоговейным. — У меня никогда не было сестры, Лил.

Мое тело трясется от истерики. А через секунду, я слышу, как звонок обрывается. Я визжу в панике.

— Нет!

Я разбита.

Нокс обнимает меня, но прежде, он берет мой телефон, бросает и разбивает его о стену ванной. Он рассыпается на сотню кусочков, и я рыдаю, пока Нокс держит меня в объятиях.

Заикаясь, я говорю ему:

— Джейми умирает. Они ошиблись. Это Джетт, не Джейми. Он стрелял в него, а сейчас он едет за Терой. — Я закрываю глаза и шепчу: — Не дай ему ее достать. Пожалуйста, Господи. Не дай ему ее найти.

Открываю глаза, я смотрю на Нокса через зеркало и тихо говорю:

— Он знает, где я.

Руки Нокса прижимают меня к себе. Даря мне мнимую безопасность.

20 глава

Улетая в облака

Лили

Ад. Это единственное слово, которое я могу использовать, чтобы описать часы после звонка.

Рок кричит в один телефон, пока Нокс резко отдает приказы по другому телефону, а Бу собирает сумку с кучей моих вещей.

Сегодня ночью мы уезжаем.

Я не знаю, куда мы направляемся, но пока я рядом с Ноксом, со мной всё будет в порядке.

Всё мое тело дрожит.

Я не показываю, насколько реально мне страшно. У Нокса достаточно проблем, чтобы еще возиться с моей дурустью.

При виде меня Бу перестает заниматься тем, чем была занята. А я-то думала, что хорошо скрывала свои эмоции. Она подходит и обнимает меня, и я ей это позволяю. Она шепчет слова поддержки, которые я на самом деле даже не слышу.

Закончив свой звонок, Рок выглядит больше, чем просто обеспокоенным.

Вот дерьмо.

Оборачиваясь к Ноксу, он терпеливо ждет, пока тот закончит свой звонок. Как только разговор окончен, Нокс грубо говорит:

— Скажи мне что-нибудь хорошее, Рок. Я не смогу сейчас вынести ничего плохого.

Рок опускает глаза. Он тихо говорит:

— Конспиративный дом Зед только что взломали.

Мое сердце останавливается.

Прежде чем я успеваю спросить по поводу Теры, он добавляет:

— Джон знал, что что-то было не так. Он доверился своему предчувствию и увез Теру оттуда. Я не знаю где они, но где бы это ни было, они в безопасности.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Нокса. Он тяжело сглатывает. Он выглядит злым. Очень злым.

Хмыкая, он спрашивает:

— Погибшие?

Рок на мгновение застывает прежде, чем тихо ответить:

— Такеши и Шон.

Нокс отступает назад и делает глубокий вдох.

Я всё еще не понимаю, что происходит.

Нокс кладет руки на пояс и спрашивает:

— Огнестрельное?

Рок говорит еще тише:

— Взрыв. Зед разнесен на куски.

О господи. О господи. О боже!

Люди мертвы. Такеши и Шон мертвы.

Мои глаза наполняются слезами. Они погибли, защищая мою сестру. А я их даже

никогда не встречала. Я никогда не встречусь с этими героями. Я спрашиваю:

— Люди умирают? — Нокс, Рок и Бу, все смотрят на меня. Уже тише я снова спрашиваю: — Люди умирают из-за меня?

Нокс мгновенно оказывается рядом со мной. И он разъярен.

— Нет. Не делай этого. Это не твоя вина. Это вина какого-то влюбленного, больного на голову мудака. — Он смотрит на меня своими голубыми глазами, берет мое лицо в свои ладони и прижимается своим лбом к моему. — Ты не виновата, малышка. Я клянусь.

Я знаю, что это неуместно, но обожаю то, что он использовал мой вид обещания, сказав: «Я клянусь».

Я тянусь к его рукам на моем лице.

— Что нам теперь делать?

Отступая, он говорит:

— Мы убираемся отсюда. Последуем примеру Джонатана и исчезнем. Только я и ты, малышка.

Делаю глубокий вдох и на выдохе киваю.

Нокс шепчет:

— Хорошо. Собирай свои вещички.

Как только я прохожу в другой конец комнаты, из задней части дома слышится оглушающий взрыв, и я вижу ослепляюще-белую вспышку, прежде чем невидимая сила отбрасывает меня в обратном направлении на пол.

Дом дрожит. Рамы трескаются. Мебель движется. Мое сердце неистово бьется в груди. Я еле перевожу дух после падения. Меня бьет дрожь, я закрываю руками уши и вижу, как окна в шаге от меня взрываются. Наклоняясь, я кричу от шока и закрываю рукой лицо.

Осколки стекол сыплются на меня, и даже плотно закрывая глаза, я могу чувствовать что-то влажное и теплое на своем лбу и руке.

Осматриваюсь вокруг, я вижу, как Нокс кричит настолько сильно, что у него вздулись вены на шее. Он дает мне знак, чтобы я подошла к нему, но я не могу двигаться.

Я оцепенела.

Он ползет ко мне, кричит что-то еще, но я ничего не слышу. Звон эхом проносится в моей голове.

Часто моргая, я выкрикиваю:

— Что?

Его губы двигаются, но из-за звона я всё еще не могу ничего услышать. Адреналин заставляет кровь пульсировать у меня в ушах и наконец-то слух возвращается.

Бу и Рок выкрикивают что-то в ответ, пока Нокс отдает им приказы.

Я в полном замешательстве. Я не могу осмыслить, что сейчас происходит. Всё, что я знаю — это дело плохо.

Еще один взрыв. В этот раз еще ближе. Дом невероятно трясет.

Из меня вырывается пронзительный испуганный крик. Нокс выкрикивает:

— Иди с Бу!

Я только открываю рот, чтобы ответить, но чьи-то руки обхватывают меня сзади и тащат из комнаты. Всё происходит настолько быстро. Я в состоянии паники.

Видя, как Нокс смотрит на меня, из меня вырывается поток слез. Вырываюсь из чьих-то рук, я падаю на колени и ползу по битому стеклу назад к Ноксу. Истерически рыдая, я визжу.

— Я не хочу тебя бросать! Пожалуйста, не заставляй меня оставлять тебя здесь! Не

заставляй меня уходить!

Его глаза сверкают. Он берет мое лицо в свои ладони и оставляет на моих губах короткий собственнический поцелуй. Освобождая меня от своих объятий, он выкрикивает:

— Уходи с Бу!

Я хватаю его за футболку и трясу.

— Не заставляй меня уходить! Я хочу остаться с тобой!

Боль отражается на его лице. Он отрывает от себя мои руки, встает и говорит:

— Если ты когда-либо любила меня, ты пойдешь с Бу. — Я опускаю голову, и из меня вырывается очередной поток слез. Он добавляет: — Ты должна доверять мне, Лили!

Я плачу еще всего секунду, затем беру себя в руки. Выпрямляясь, я требую сквозь стиснутые зубы:

— Тебе бы лучше прийти за мной. Ты мне обещал. — Не ожидая его ответа, я ползу назад к Бу через всю эту разруху.

Она толкает меня вперед к ней и кричит:

— По коридору и на улицу!

Рок ждет нас в конце коридора и машет нам рукой. Я быстро ползу на своих кровотокающих коленях, подползаю к нему, и он поднимает меня. Как только Бу оказывается в шаге от нас, мы все выходим через главную дверь. Там нас ждет черный фургон, боковая дверца открыта. Рок швыряет меня в фургон, Бу следует за нами, захлопывая за собой дверь. Рок садится на водительское место, заводит фургон и уезжает.

И всё, о чем я могу думать — это Нокс.

Последует ли он за нами, куда-бы мы ни направлялись? Куда мы едем? Сколько мне придется находиться без него?

Фургон выезжает за пределы частной собственности, я смотрю через заднее стекло, и про себя прощаюсь со своим вторым домом, надеясь увидеть его в скором времени. Мы едем еще минуту, и затем я вижу это.

Вспышки белого, оранжевого и желтого образуют водоворот в воздухе, привлекая мое внимание.

Я открываю рот от ужаса, который вижу.

БУМ-БУМ-БУМ

Конспиративный дом переносит один, два, а затем и три оглушительных взрывов, прежде чем полностью поглощается пламенем.

Мое сердце замирает. Бу хватается за руку, и мы обе наблюдаем за этим ужасающим зрелищем.

Я не моргаю. Не дышу. Я не могу ни о чем думать.

Неожиданно, я рассеянно спрашиваю:

— Он же выбрался, верно? — Бу сильнее сжимает мою руку. Я поворачиваюсь и смотрю прямо на ее руку, затем снова на ее лицо. Я тяжело дышу и повторяю свой вопрос: — Он же выбрался, верно?

Ее шокированное лицо остается безэмоциональным.

Отвечай мне!

Я передвигаюсь в фургоне, тарбаню по разделительному стеклу и выкрикиваю:

— Рок, разворачивайся!

Бу кричит сзади:

— Продолжай ехать.

О, слава Богу, она вернулась. Я становлюсь на колени, они трясутся и кровоточат. Я подползаю к ней и киваю.

— Он выбрался, да?

И вот тогда я вижу это.

Страх и опустошение. Это явно читается на ее лице.

Мое сердце сжимается. Теряя равновесия, я падаю и шепчу:

— Он выбрался. Он должен был выбраться.

Глаза Бу наполняются слезами, но она удерживает мой пристальный взгляд. Слезы катятся по ее щекам. Она открывает и закрывает рот как рыба. Она не может говорить, но еле заметно пожимает плечами и качает головой.

Во мне нарастает злость, и я говорю уже громче:

— Он выбрался оттуда, Бу. Он сделал это.

Кусая губы, она закрывает глаза и начинает плакать. Ее плечи тихо трясутся от рыданий.

Я встаю в другой конец движущегося фургона. Моя ярость уже выплескивается через край, и я кричу на нее:

— Он, бл*дь, выбрался оттуда, Бу!

Она опускает голову. Всё ее тело трясется от тихих рыданий. Я вижу, как ее слезы падают прямо на пол.

Падая на колени прямо перед ней, я говорю немного тише:

— Он выбрался. — Она тянется и обнимает мое онемевшее тело. Я повторяю: — Он выбрался. — В это раз это звучит еще слабее. Она крепко обнимает меня, ее тело трясется напротив моего, и мой голос дрожит, когда я, уткнувшись ей в шею, глухо говорю: — Он сделал это. Он выбрался.

Мое мужество исчезает.

В носу пощипывает.

Голос дрожит, когда я произношу в замешательстве:

— Он не мог умереть. У нас были планы.

Я слышу ее голос, она бормочет мне прямо в волосы:

— Мне так жаль, Диди. Очень жаль.

Я сильно обнимаю ее, сжимая в руках ее одежду. Сожаление режет меня как нож. Очень быстро у меня начинается сильная истерика.

— Нет. У нас планы. — Она прижимает меня к себе. Рыдаю, мое тело дрожит, и я завываю. — Он придет за мной! Он обещал! — я чувствую слабость, задыхаясь, я шепчу:

— Он обещал, Бу. Он поклялся.

Отпусти это. Всё кончено.

Низкий, протяжный, оплакивающий крик вырывается из меня. Я не могу дышать, мое тело бьется в конвульсиях в моем слабом состоянии.

Я оцепенела.

Бу плачет вместе со мной и крепко держит меня в своих объятиях.

Всю дорогу в больницу.

Эта больница отличается от других.

Однажды я уже была в подобного рода больнице. Это частная клиника. Очень маленькая клиника.

Она почти идентична той, в которой я проснулась, после того как меня похитили, когда я была ребенком.

С момента прибытия, Рок носил меня на руках. Ему пришлось это делать, потому что я не могла перестать плакать. А вместе со слезами приходит и слабость сердца, а с ней в придачу и слабость всего тела.

Я помню, как мне сделали укол в руку, и неожиданно всё стало легким и воздушным. И хотя, я всё еще хотела плакать, но мое тело не слушалось. И я хотела спать. Они посадили меня в инвалидную коляску и отвезли в комнату с кроватью огромных размеров. Рок помог мне взобраться на нее. Бу пришла и крепко обняла меня, прежде чем уйти, но Рок остался со мной рядом, пока я не уснула.

Я пришла в себя несколько минут назад, когда медсестра мерила мне давление. Как только она видит, что я открыла глаза, она улыбается и мягко говорит:

— Здравствуй, милая. Прости, что разбудила тебя.

Она выглядит уж слишком милой и понимающей. Я глазами изучаю комнату. Во мне нарастает паника. Быстро сажусь в кровати и спрашиваю хриплым голосом:

— Мужчина, который был здесь, где он?

Ее лицо вытягивается.

— Какой мужчина, милая?

Нет. Нет!

Мои руки начинают трястись.

— Мужчина, который привез меня сюда.

На ее лице не появляется ни капли понимания. Указывая на стул, на котором сидел Рок, пока я спала, я почти визжу:

— Он сидел на этом стуле! Мне нужно знать, где он! Это важно!

Она отступает на шаг от меня, очевидно, ей некомфортно из-за моих действий и криков. Она говорит тихо, но строго:

— Сейчас, дорогая, тебе нужно успокоиться. Я уверена, что мы можем разузнать, куда он ушел.

Мой пульс делает резкий скачок на мониторе. Пикающий звук прямо сверлит дыру в моем черепе.

Учащенно дыша, я срываю провода, приклеенные к моей руке и внутренней части локтя. Снимаю пластик со своей кожи, я двигаюсь, чтобы встать и тогда медсестра начинает выкрикивать:

— У меня код красный! Мне нужна помощь!

Я встаю на матрас, когда в мою комнату входят двое огромных мужчин. Выставляя руки перед собой, я произношу:

— Мне просто нужно найти моего друга. И это всё.

Один из мужчин, кивая, подходит ближе ко мне. Его ласковые глаза гипнотизируют меня.

— Хорошо, дорогая. Слезь с кровати, и мы немного прогуляемся, хорошо?

У меня падает груз с плеч. Спасибо Господу, он понимает.

Я беру его за руку, и он помогает мне спуститься с кровати. И когда я ему улыбаюсь, что-то колет меня в бедро. Я кручу головой, чтобы увидеть, что там сзади, и второй мужчина

вытаскивает шприц из моего бедра и кивает другому мужчине.

Сукин сын!

Лекарство действует быстро. Мое зрение затуманивается. Испытываю головокружение, моя хватка на его руке слабеет, и я мямлю:

— Ты обманул меня.

Мужчина крепко держит меня, и последняя вещь, которую я помню, это его шепот мне на ухо:

— Мне жаль.

Я просыпаюсь, и сразу в моей памяти всплывает картина пылающего конспиративного дома.

Мой отец встает со стула, на котором он сидел, и мама, измученная, уставшая и явно обеспокоенная спешит к кровати. Она становится коленом на мою кровать, проползает ко мне под одеяло и ужасно сильно меня обнимает.

Это так не похоже на мою маму, что это пугает меня.

Я постоянно слышу, что дочери обычно близки со своими матерями, но я никогда не была. Мой отец держал меня так близко к себе, что мама отошла на второй план. Я чувствую, как ее тело дрожит, и обнимаю ее, вдыхая ее знакомый запах

— Всё хорошо, мам. Со мной всё хорошо.

Ее голос надламывается.

— Я так переживала. Моя малышка одна и напугана. — Она сжимает меня еще сильнее. Я даже и не догадывалась, насколько сильно я скучала по ее объятиям. Она повторяет уже шепотом: — Одна и напугана.

Я обнимаю и поглаживаю ее по голове, пока смотрю на отца. Мой мозг нуждается в ком-то, кого можно винить, и выбирает именно его. Самая легкая цель.

Я отпускаю маму, отстраняюсь от нее, и ко мне приближается отец. Я выставляю руку перед собой и говорю:

— Не нужно.

Он останавливается в полушаге, и я вижу, как его лицо становится мрачным. Мой обычно красивый отец сейчас выглядит истощенным. Сжимая простыни в кулак, я говорю ему сквозь стиснутые зубы:

— Ты должен был рассказать мне. Я бы никогда не узнала, если бы Ноксу не пришлось рассказать.

Глаза отца наполняются слезами.

— Прости меня, Лили детка.

Мои глаза тоже наполняются слезами. Хлюпаю носом и говорю дрожащими губами:

— Это не вернет его назад ко мне. — Я неожиданно испытываю ярость, наклоняюсь вперед и практически шиплю: — Я заслуживаю быть счастливой. И я была счастлива с ним!

Понимание отражается на лице у отца. Мама хватается меня за руку.

Отец тихо отвечает:

— О, Лили. Я даже и не догадывался что ты... о, милая. Мне так жаль.

Злость тает прямо на глазах. Я опускаю голову и шепчу:

— Он был тем самым для меня. Нам суждено было встретиться.

Сидя на краю кровати, отец открывает рот, но ничего не произносит. Мама опять сжимает мою руку.

— Скажи мне, что тебе нужно, сладенькая. Всё, что угодно. Я хочу помочь.

Моя ярость возвращается с удвоенной силой.

— Ты думаешь, что чашка какао может исправить это? — мои родители с одинаково грустными выражениями лица. Это выводит меня из себя еще больше. Я кричу: — Ты думаешь, что сэндвич или гребаное печенье исправит это?

Мама начинает.

— Малышка, я...

Не глядя на них, я приказываю:

— Вон. — Мама прекращает говорить. Я повторяю. — Уходите.

Мы сидим в тишине примерно минуту, прежде чем мои родители, явно уязвленные, встают, чтобы уйти. Когда я слышу, как они подходят к двери, я выкрикиваю:

— Я хочу Теру. Приведите ко мне Теру.

Мне нужна моя сестра.

Семь часов спустя...

Уставшая, израненная и серьезно взбешенная, я закатываю глаза, когда слышу слабый стук в дверь.

Я уставшая из-за седативных, которыми меня «кормили». Израненная, потому что мои руки, колени и лоб разодраны в клочья. И взбешена, потому что хочу поехать домой, где спокойно смогу оплакивать смерть моего парня. Я грубо отвечаю.

— Что? — затем оборачиваюсь к двери.

При виде моей, такой же уставшей сестры, я ловлю ртом воздух. Она слегка мне улыбается, затем спрашивает:

— Я могу войти?

Я не могу вымолвить и слова, киваю, и она входит. Она забирается на кровать, садится ближе ко мне, выпрямляясь. Открывает свои объятия для меня. Я смотрю на нее заполненными слезами глазами, затем бросаюсь к ней, прижимаясь щекой к ее груди.

Тера аккуратно меня обнимает, оставляя мягкие поцелуи на макушке.

Так много мыслей проносятся в голове, но, к сожалению, как много бы их ни было, они всегда возвращаются к Ноксу. Из меня вырывается всхлип.

Затем еще один.

И еще один.

Тера воркует:

— Мне так жаль, малышка. Я так сильно тебя люблю. И так рада, что ты в безопасности.

Она обнимает меня, пока я плачу навзрыд битый час. Наконец-то успокоившись, я спрашиваю:

— Где Джетт?

Ее тело застывает при упоминании этого имени. Без сомнений, Джонатан рассказал ей, в чем заключался его план. После недолгого молчания, она говорит:

— Умер, сладенькая. Они оба умерли.

Занимает минуту, чтобы понять, я осознаю, что сегодня буду оплакивать больше одного человека.

— Как?

Голос Теры вырывает меня из моих мыслей.

— Джейми нашли в квартире. Два огнестрельных ранения в грудь. Джетт оказался слишком близко к взрывам в конспиративном доме, в котором тебя держали. Он истек кровью на лужайке позади дома. Джон сказал, что у него по всему телу были осколки стекла. А один осколок проткнул ему живот.

Она звучит немного иначе, когда говорит:

— Джон сказал, что это был болезненный способ умереть.

Я просто киваю.

Мне нужно сменить тему. Я не могу выносить разговора об этом, или даже слушать это. Хмыкая, я спрашиваю:

— Ты возвращаешься домой или остаешься с Джоном?

Настроение в воздухе меняется. Она прижимает меня к себе.

— Нет, маленькая. Я остаюсь с тобой. Мы едем домой.

Я люблю ее за это, но тихо объясняю:

— Я не знаю, сколько еще дом будет оставаться домом для меня.

И она понимает меня. Желая поддержать меня, она говорит:

— Пока ты остаешься, и я останусь тоже. Если ты будешь двигаться дальше, я тоже буду. Мы будем делать это не спеша, сладенькая. Не нужно торопиться.

Двенадцать часов спустя, с разрешения врача мы направляемся домой.

21 глава

Такова жизнь

Лили

Я не могу есть.

Я не могу спать.

Я хочу умереть.

22 глава

Новое начало

Лили

Сегодня первый день моей оставшейся жизни.

Тера использует свои колени, чтобы передвинуть диван вправо. Отступая назад, мы обе наклоняем головы и смотрим. Также обе качаем головами, возвращаемся к дивану и передвигаем его влево.

Опять отступаем назад и оцениваем нашу работу. Мы улыбаемся друг другу.

Это идеально.

Хорошо, это просто смехотворно. И если бы вы увидели мои апартаменты, вы бы поняли почему.

Мой отец опустошен.

Он умолял меня, чтобы я не переезжала. Потом его мольбы превратились в угрозы. Мне так надоели эти споры, что я решила, что молчание было лучшим выходом. На следующий день, после того, как я рассказала ему о квартире, он прислал мне электронное письмо, в котором написал, что положил мне на счет сумму денег, чтобы помочь начать новую жизнь, и с просьбой беречь себя.

Да-да. Электронное письмо.

Мы особо много не разговаривали с момента моего возвращения домой.

Но я была рада, что он уступил. Не то чтобы мне нужно его разрешение.

Я наконец-то ощутила возбуждение от победы, которое я никогда до этого не чувствовала. Очень маленькая часть меня чувствовала свою вину за то, что я беру эти деньги, но большая часть сказала, что мне необходимо было сделать это. Что мне нужно жить собственной жизнью. И вот эту часть я и послушалась.

Мама, с другой стороны, решила, что она собирается проводить со мной каждую свободную минуту с момента, как я вернулась домой, пока я не излечусь. Излечусь от своего разбитого сердца.

Мой мозг закатывает глаза.

И хотя я была благодарна за то, что она делала — это было то, с чем я должна была справиться сама. Будучи моей мамой, она хотела, чтобы у меня было всё самое лучшее.

Я сказала ей, что большинство людей в основном не имеют всё самое лучшее. Они просто учатся получать самое лучшее из того, что имеют.

У меня маленькая квартирка с одной спальней в городе. Она находится в центре. Большую часть своей мебели и аксессуаров для дома я купила поддержанные. Я научилась жить, укладываясь в бюджет, и нашла работу официантки в стейк-хаусе рядом с домом.

Моя жизнь несовершенна. У меня тяжелая работа. Зарплата очень маленькая. Но я люблю ее.

Наконец-то я живу.

Я скучаю по дням, когда всё казалось простым.

Слишком много всего произошло. Так много вещей, которые моя память не позволит мне забыть. Постоянные воспоминания о прошлых нескольких месяцах преследуют меня.

Мое сердце сильно бьется. Я закрываю глаза и глубоко дышу. Мой психиатр прописал мне дыхательные упражнения, и это меня охрентельно удивило, но они действительно работают.

Вдох, два, три, четыре.

Выдох, два, три, четыре.

Вдох, два, три, четыре.

Мой пульс замедляется, и я делаю глубокий вдох. Я задерживаю дыхание еще на четыре секунды, затем выдыхаю и возвращаюсь к тому, чем занималась.

Прижимаю коробку ближе к себе, затем передаю ее Тере, самодовольно улыбаясь. Они с Джоном съехались. Куда именно неизвестно из-за его сексуальной военнотружущей задницы. Но я рада за нее. И она дала мне понять, что понадобится лишь один звонок, чтобы она приехала.

Ну, я и позвонила. И вот она здесь.

— Господи, я ненавижу переезды. Это отстойно, — она бормочет, затем быстро добавляет: — Но это так волнующе! Мы обе переехали из дома родителей, и действительно чем-то занимаемся. — Она делает паузу. — Отец, наверное, собирается продать особняк.

Ему следовало бы. От этого дома больше проблем, чем чего-то хорошего. И я думаю, что он купил его только для безопасности. Я хихикаю про себя, думая о том, как быстро Нокс взломал его.

Мое сердце обрывается. Затем начинает учащенно биться. Сильно.

Я почти могу чувствовать, как оно вырывается у меня из груди.

Срань Господня, станет ли мне когда-нибудь легче?

У меня щиплет в носу. Я быстро начинаю свои дыхательные упражнения. Тера никогда ничего не упускает, она поглаживает меня по спине.

— Медленно и глубоко, малышка. Я с тобой.

И так и есть. Абсолютно.

Тера была моей опорой в этот ужасный период времени.

Мое сердце возвращается к нормальному ритму, и я смотрю на часы.

— Тебе лучше идти. Джон будет ждать тебя.

Когда она не отвечает, я смотрю вверх на нее и вижу ее явно озабоченное лицо. Она говорит с фальшивым воодушевлением:

— Я вот тут подумала, что могу остаться здесь на ночь. Мы можем устроить пижамную вечеринку! Смотреть фильмы и есть попкорн, что ты об этом думаешь?

Храни ее, Господь. Я люблю эту женщину. Действительно люблю.

Но я знаю, что она сейчас делает. Поэтому лгу ей прямо в глаза. Растягивая слова, я осторожно говорю:

— О, милая. Прости меня, я бы с радостью, но безумно устала. Я имею в виду, смертельно устала. Поэтому, думаю, что могла бы просто провести один тихий вечер. Тем более, завтра у меня утренняя смена.

Ложь. Ложь. Всё ложь.

Но это игра, в которую мы играем уже давно.

Ее лицо становится грустным. И это действительно выглядит искренне. Я кладу руку ей на плечо и сжимаю его.

— Тера, со мной всё хорошо. Иди домой к своему мужчине. Чем вы занимаетесь сегодня вечером?

Она мечтательно улыбается.

— Это вечер свидания. Мы идем ужинать, а затем куда-нибудь выпить. Потом, может быть, мороженное или что-то в этом роде. — Она пожимает плечами, будто это неважно. Но я-то лучше знаю.

Подходя к ней, я открываю свои объятия для нее, и она обнимает меня.

— Это прекрасно. Могу поспорить, он тебя балует.

Она сдавленно смеется мне в волосы.

— Да. Он лучший.

И мы на этом заканчиваем. Еще больше разговоров о счастливых взаимоотношениях превратят мое настроение в дерьмо.

Провожая ее к двери, машу на прощание, и на полпути в коридоре, она выкрикивает.

— Мы такие дерьмовые врушки. Нам точно нужно брать уроки вранья!

И я прыскаю со смеху, люблю, что мы делаем так каждый раз.

Моя сестра самая лучшая.

Я возвращаюсь назад, останавливаюсь возле холодильника и заглядываю внутрь.

Хммм.

Думаю, мне понадобится немного больше, чем упаковка содовой на ужин.

Пришло время, идти в магазин.

Выходя из местного магазинчика, я несу пакет, полный продуктов. И серьезно! Дорогие ли продукты? Да! Я чуть не упала в обморок, когда девушка-кассир подала мне мой чек.

Балансируя с полным коричневым бумажным пакетом на своем бедре, я меняю положение, когда захожу внутрь дома. Но вид чего-то знакомого останавливает.

Мое сердце замирает

Я вижу его.

Он ко мне спиной. И он уходит от меня.

Нет.

Я не думаю. Я просто бегу.

Пакет с продуктами замедляет меня. Я выбрасываю его в сторону и продолжаю бежать.

Неважно, как быстро я бегу, кажется, что не могу догнать его.

Мои руки трясутся, и глаза наполняются слезами. Я, должно быть, выгляжу как сумасшедшая, бегущая по улице, рыдая. Вытирая свои заплаканные глаза рукавом, я снова смотрю.

Он ушел.

— Бл*дь. — Моё сердце выскакивает из груди, и кровь пульсирует в ушах. Я продолжаю бежать. Задыхаясь, бормочу снова и снова: — Нет.

Я ищу и ищу, но нигде нет и признака его. Он ушел. Я падаю на колени посреди тротуара. Мое тело резко падает вперед, я закрываю лицо руками и выпускаю всё наружу.

Плач отчаяния.

Плач потери.

Чьи-то руки обнимают меня. Меня захватывают в сильные, теплые, медвежьи объятия.

Глубокий голос шепчет мне успокаивающие слова, которых я не слышу. Или просто не хочу слышать.

Я смотрю вверх, на добрые, карие глаза. Я хриплю.

— Какого хрена, Рок?

Его глаза становятся грустными, и он тихо говорит:

— Милая, Лили. — Он смотрит по сторонам и продолжает: — Мне не следует быть здесь.

Хватая его за рубашку, я отчаянно спрашиваю:

— Он мертв? Я имею в виду, по-настоящему мертв?

Рок долгое время не отвечает. Своим рукавом, он вытирает мои слезы и заправляет прядь волос мне за ухо. Его выражение лица мне понятно. Это ответ для меня.

Мое сердце разбивается еще больше.

Рок шепчет:

— Он умер, сладенькая.

Я всё еще не могу принять это.

— Откуда вы знаете? Они нашли его?

Он качает головой.

— Они нашли фрагменты костей под обломками, которые совпали с его.

Мои губы дрожат, и я просто киваю. Он молча, крепко меня держит. Без слов мы с ним вместе скорбим. Отстраняясь от него, я мягко спрашиваю:

— Когда я смогу снова тебя увидеть?

Лицо Рока становится еще более мрачным.

Я опускаю голову, закрываю глаза дрожащей рукой и плачу еще сильнее. Мое сердце разбивается еще больше. Я теряю их. Всех их.

Мою первую любовь.

Моих первых настоящих друзей.

Всех людей, которых я люблю и которые мне небезразличны.

Я поднимаю на него глаза и с трудом произношу:

— Почему?

Одинокая слеза катится из глаз Рока, когда он объясняет.

— Потому что мы не существуем, малышка. А у тебя не может быть воображаемых друзей.

Мы пристально смотрим друг другу в глаза. Рок начинает уходить от меня.

Задыхаясь, я прижимаю руку к сердцу. Я чувствую, как оно трескается с каждым шагом, который он делает, уходя от меня. Когда отходит достаточно далеко, он выкрикивает:

— Ты никогда не будешь одна, Лили. — Он целует свои пальцы и прижимает их к сердцу. — Я всегда буду за тобой присматривать. — Рок улыбается мне сквозь слезы, и пытается подмигнуть, заигрывая, как он может, затем разворачивается и уходит из моей жизни.

Снова.

23 глава

Лучшее место, где можно быть

Лили

Если бы я могла вернуться в прошлое, что бы я изменила?

Я бы многое изменила в жизни, которой жила.

Я бы противостояла своему отцу. Разговаривала более откровенно со своей матерью. Завела себе друзей. Я бы говорила своей сестре, насколько я ценю ее любовь и поддержку. Каждый день.

Я бы была более компанейской и менее пассивной. Постояла за себя и боролась бы за право жить так, как хочу. Я бы взяла бразды правления своей жизнью в свои руки.

Я была бы смелой.

Прошло шесть месяцев после взрыва. Шесть месяцев назад был убит Нокс. Его у меня забрали.

Вы знаете, как говорят: «Время лечит все раны»? Время, кажется, работает против меня по неизвестным мне причинам, потому что мои раны всё еще чувствительны, болезненны и не заживают. Но никто их не видит. Мои голова и сердце уже не существуют по отдельности. Они связаны. И они сработались вместе, чтобы издеваться надо мной. Они оба говорят мне одно и то же.

Двигайся дальше.

Мои глаза наполняются слезами, и я срываю тоненькие стебли травы, покрытой росой. Кручу их между пальцами, удивительно, что я могу чувствовать влагу на кончиках пальцев. Я больше ничего не чувствую.

Я онемела. До самой сути.

Я не видела своего отца несколько месяцев. Время от времени мы разговариваем, но многое изменилось. Не то чтобы я винила его за ситуацию, в которой оказалась наша семья, мне просто нужно личное пространство. На самом деле я вообще не хочу никого видеть. Я разговариваю с мамой и Терой почти каждый день, но я не видела мать с тех пор, как уехала из особняка.

Мой отец умолял меня приехать домой, но сейчас, когда угрозы быть убитой, уже нет, я просто хочу быть одна.

Я не ребенок. Я уже взрослая, черт побери.

Есть разница между жизнью и существованием. А моя была глупым существованием.

Не больше.

Но есть еще одна глупая и нездоровая вещь, которую мне всё еще нравится делать, и согласно моему психиатру, она мне очень помогает.

Оказывается, кладбище хорошее место, куда можно прийти скорбеть. Я сижу и наблюдаю, как другие люди навещают надгробия своих любимых. Они должны чувствовать своего рода связь, зная, что они где-то рядом.

Немного общения. Немного смеха. Немного слез. Немного просто молчания.

А у меня ничего нет.

Нокс... его так и не нашли. У меня нет надгробия, над которым можно оплакивать его. У людей, которые не существуют, нет похорон или могил.

Я где-то читала, что некоторым людям суждено влюбиться, но не быть вместе. Злость режет меня ножом. Это просто несправедливо. У меня в носу покалывает, и глаза затягивает пелена слез. Я закрываю их и пытаюсь проглотить ком в своем горле.

Я бы отдала всё, что угодно, чтобы увидеть его снова. Хоть на мгновение.

Я бы еще раз сказала ему, что люблю его. Я бы снова поцеловала его пухлые губы. Я бы вложила всю свою душу и сердце в нашу последнюю встречу.

Если бы у меня была способность возвращаться в прошлое, я бы его не оставила. Я бы хотела вернуться назад за ним и заставить пойти со мной.

Если бы я умоляла достаточно сильно, ушел бы он со мной? Могла ли я хоть как-то спасти его жизнь?

Неопределенность того, каким бы мог быть его ответ, преследует меня каждый день моей жизни.

И вот, я сижу на лавочке под деревом посреди местного кладбища. Я прихожу сюда каждое воскресенье. Приношу с собой электронную книгу и провожу здесь большую часть дня. Это что-то со мной делает. Это помогает мне чувствовать безмятежность и благоговение. Я знаю, что не похожа на людей, которые приходят навестить своих любимых, но я уже не религиозный человек, и если бы было какое-то место, куда я могла прийти, чтобы скорбеть, это было бы кладбище, правильно?

Скорбь — это нелегко. Боль от потери не уходит. Она просто находит себе место. Хранится где-то, куда только ты имеешь доступ.

Есть разные стадии боли, и каждая из них причиняет адские страдания. Плакать кого-то, кого ты любишь — это агония. Я просто хочу, чтобы боль не была такой пронзительной и острой.

Потеря Нокса принесла мне так много ясности. Мне так стыдно, что потребовалась его смерть, чтобы позволить мне видеть вещи, которые мне следовало бы видеть. Он поднял густой туман, который окружал меня, и развеял его.

Всегда защищает меня, даже мертвый.

Я где-то читала, что если ты идешь через Ад, продолжай идти. Это единственный способ пройти его.

Тебе нужно встретиться лицом со своей болью, чувством вины и своим сожалением. Но когда сильные руки скорби пленяют тебя, это подавляет и абсолютно опустошает.

Я боюсь, что никогда не пройду Ад, в котором сейчас нахожусь.

Единственный способ пережить скорбь — это скорбеть. Это высокая цена, которую нужно заплатить за такую сладкую любовь.

Я не думаю, что уже готова двигаться дальше.

В прошлое воскресенье я сидела на своей обычной лавочке, когда почувствовала на себе чей-то взгляд. На секунду нотка паники прошла через меня. Я притворилась, что продолжаю читать. Прошла минута, и хотя я всё еще чувствовала на себе взгляд, паника исчезла. Рискуя, я посмотрела вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как Рок и Бу уходят. Спина Бу тряслась, и я уверена, что это были тихие рыдания, а Рок обнимал ее за талию. Он поднял руку, чтобы вытереть собственные слезы. И каким-то образом это заставило меня чувствовать себя довольной. На моем лице появилась улыбка сквозь слезы, и я встала, делая два маленьких шага ближе к ним. Когда они достигли черного фургона, в котором я путешествовала так много раз во время моего пребывания в конспиративном доме, они повернулись ко мне лицом. Прижимая свою электронную книгу к груди, я слегка подняла руку и вытянула

пальцы в тихом прощании.

Рок улыбнулся, поднял руку к своему рту, поцеловал указательный и средний пальцы и прижал их к сердцу. Бу улыбнулась дрожащей улыбкой и беззвучно произнесла «люблю тебя». Затем, я смотрела, как они уехали.

Итак, конечно, сегодня выглядываю повсюду, но, к сожалению, они не приехали.

Я всё еще не очень общительная. Я нашла пару друзей на работе. Это люди примерно моего возраста, с похожими интересами, но я пока не могу заставить себя выбираться в люди. Мне комфортно с моим одиночеством.

Есть одна девушка, с которой у меня установилась связь. Ее зовут Хейли, и она очень похожа на Бу.

Забияка с намеком на леди.

В первую же секунду, когда я заметила ее на работе, знала, что она стала бы хорошим другом для меня. Хейли моего возраста, с темными волосами, темным макияжем, миниатюрным телом и великолепным мироощущением. Я называю ее Цыпочка-Гот.

Она — единственный человек, который знает, как я провожу свои воскресенья. Она сказала мне, что если бы мне понадобилось, чтобы она пошла со мной, то она это сделала бы. Я объяснила ей, что это мне нравится делать самой. С секунду, я думала о том, чтобы промолчать, позволив ей пойти, но новая, независимая часть меня выбрала отказ. Я была действительно удивлена, когда она послала мне улыбку и ответила: «Ну, хорошо, малышка. Просто дай мне знать, если тебе понадобится, чтобы я пошла с тобой, и я буду рядом».

Этим утром, я загрузила в свою читалку самым последним бесстыдством и нашла один хороший роман. Я читаю и читаю, и читаю, даже не замечая, как пролетают четыре часа. Только когда я встаю и потягиваюсь, слышу, как кто-то подходит и садится на другой конец лавочки. Боковым зрением, я могу увидеть, что это мужчина крупного телосложения. На нем надеты джинсы, черная футболка и белые кроссовки. И еще он ходит с тростью.

Мгновение, я говорю себе поприветствовать его. Но это действительно не очень хорошее место для приятной беседы. Я полагаю, что этот мужчина здесь для того же, что и я.

Скорбь.

Я позволяю ему здесь находиться. Отклоняясь назад на лавочку, поднимаю свою читалку и нахожу, на чем остановилась. Книга забавная, и я действительно очень сильно пытаюсь быть вежливой и подавить смешок, который вырывается из меня.

Я издаю немного странные, булькающие звуки. Мужчина поворачивается ко мне.

Избегая его взгляда, я поворачиваю свое ярко-красное лицо в противоположную сторону и притворяюсь что кашляю.

Поднимая книгу настолько высоко, буквально прячась за нее, краем глаза, я вижу, как мужчина подавляет широкую улыбку.

Попалась.

Мужчина прочищает горло, прежде чем практически шепчет:

— Смешная книжка?

Явно сгорая от стыда, я выглядываю из-за книжки и шепчу ему в ответ:

— Простите меня. Это было грубо. Этого больше не повторится.

Он подвигается, его тело близко к моему, когда тихо отвечает:

— Нет ничего плохого в смехе. Некоторые люди говорят, что смех может излечить всё, что угодно.

Слегка качая головой, я говорю с сарказмом:

— Ну, эти люди никогда не испытывали настоящей боли.

Немного отодвигаясь от меня, он выдерживает паузу, прежде чем шепчет:

— Звучит так, будто ты что-то знаешь об этом.

Мои щеки покрываются румянцем, и я хмурюсь.

Неожиданно разозлившись, я бросаю электронную книгу на колени и показываю на могилу, которую вижу каждую неделю. Я говорю:

— Посмотри туда. — Мужчина ничего не говорит, но боковым зрением я вижу, что он повернулся и смотрит, куда я указываю. Я продолжаю: — Эта пожилая миниатюрная леди? Она здесь каждые выходные. — Опуская руку, я продолжаю: — Это просто догадки, но я бы сказала, что ей за семьдесят. Она приходит сюда каждые выходные и плачет на могиле своего мужа. Ее муж мертв уже двадцать лет, и я вижу ее здесь каждую неделю. — Я позволяю себе момент молчания, прежде чем тихо сказать: — Смерть заканчивает жизнь. Не отношения.

Тирада закончена.

Я поднимаю книгу и возобновляю чтение.

Мужчина придвигается немного ближе ко мне. Неосознанно, я вдыхаю его запах. Он пахнет деревом и свежестью. Он говорит тихо:

— Если ты знаешь, что она приходит сюда каждую неделю, это означает, что ты приходишь сюда каждую неделю тоже. — Я не отвечаю. Он также тихо спрашивает: — Кого ты оплакиваешь?

Вдруг у меня покалывает в носу. Я продолжаю читать, но отвечаю сквозь дрожащие губы:

— Того, кого знала настолько хорошо, чтобы полюбить его.

Мужчина двигается еще ближе ко мне, наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Ты не можешь контролировать то, в кого влюбляешься, принцесса.

Я застываю.

Нет. Нет. Нет.

Мой желудок завязывается в узел. Голова кружится. Мужчина мягко говорит:

— Дыши.

Я даже и не осознавала, что перестала дышать. Я громко вдыхаю. Не могу заставить себя посмотреть на лицо этого человека, я испытываю тяжесть в груди, когда спрашиваю:

— Как тебя зовут?

Он сразу же отвечает обычным тоном:

— Ну, кто-то однажды сказал мне, что я выгляжу как Адам.

Я знаю этот голос. Я мечтала об этом голосе последние шесть месяцев. Каждую ночь этот сон преследовал меня. Слезы застилают мои глаза, и я шепчу:

— А твой голос больше похож на Нокса.

Мужчина дразнит, насмехаясь:

— Нокс? Что это вообще за имя такое?

Я ничего не могу с собой поделать. Я хихикаю.

Хихиканье переходит в смех.

Смех перерастает в рыдания. И прежде, чем осознаю, я громко рыдаю на лавочке... на кладбище... сидя рядом с призраком любви всей моей жизни.

Гребаный ад. Я сошла с ума.

Что-то теплое накрывает мою руку. Я смотрю вниз и вижу большую, мозолистую,

покрытую шрамами, руку на моей.

Я рыдаю еще сильнее.

Он сжимает мою руку, прежде чем притянуть меня к своей груди, и оборачивает свои сильные руки вокруг меня.

— О, боже. Это наконец-то произошло. Я свихнулась, — говорю я, уткнувшись в его теплую грудь, и чувствую, как его тело трясется от беззвучного смеха.

Его дыхание греет мое ухо, когда он шепчет:

— Лили, посмотри на меня. — Качая головой, я закрываю глаза и плачу у него на груди.

Он повторяет: — Посмотри на меня, малышка.

— Я боюсь.

Он перебирает мои волосы.

— Почему, малышка?

Я шепчу.

— Если это сон — я просто умру. — Слезы катятся по моим щекам. — Мое сердце не выдержит этого.

Его губы касаются моего уха.

— Покажи мне эти красивые, зеленые глаза.

Все мое тело покрывается мурашками. Я действительно хочу посмотреть, но не хочу просыпаться, если это сон.

Помнишь, что ты сказала? Даже если всего лишь на мгновение...

Отстраняясь от него, я всё еще держу свои глаза закрытыми. Он крепко держит мои руки в своих теплых, больших руках. Делая глубокий вдох, я бормочу:

— Я сказала себе, что если бы у меня когда-либо был шанс увидеть тебя снова, я бы сказала тебе несколько вещей. Поэтому слушай. — Мои глаза горят, и я благодарю Бога, что не открыла их. — Я люблю тебя. И каждый день я живу с чувством вины. Я бы хотела никогда тебя не оставлять. — Слезы катятся из уголков моих глаз. Я сжимаю его руки еще сильнее. — Я могла бы спасти тебя, если бы умоляла достаточно сильно. Я знаю, что ты бы меня не бросил. Тогда ты был бы жив, и я бы исчезла с тобой. Я ненавидела ту жизнь, которой жила. И ты изменил меня. К лучшему. И я благодарю Бога за тот день, когда тебя встретила.

Он отпускает мою руку, касается моей щеки и нежно поглаживает ее большим пальцем. Его нос касается моего. Он вдыхает мой запах, затем прижимается к моим губам в поцелуе настолько нежном, что мое сердце начинает болеть. Я тянусь к нему, обнимаю его за предплечья мертвой хваткой и углубляю наш поцелуй, всё еще продолжая плакать.

Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Он на вкус такой же, как я помню. Его губы ощущаются так же. Не в силах больше выдерживать этой сладкой пытки, я отстраняюсь, опускаю голову и тихо плачу.

— Пожалуйста, посмотри на меня, Лили.

И я смотрю.

Я открываю глаза и смотрю в его темно-голубые глаза. Из меня вырывается шокированный смешок, я тянусь к нему и сжимаю его руки. Я смеюсь сквозь слезы, смотрю вверх на небо и говорю:

— Спасибо. Спасибо тебе, Господи.

Моя голова кружится. Звуки исчезают. И темнота накрывает меня.

24 глава

Возвращение домой

Лили

Моя тяжелая голова раскалывается.

И крики не помогают.

— Ты, мать твою, совсем свихнулся! Ты это понимаешь? Ты не мог подождать, как я тебя просил? Нет. — Голос похожий на Рока.

— Ты думаешь, что мог ждать, если бы это была Бу?

Я знаю этот голос.

Мое тело покрывается мурашками, и я укутываюсь еще сильнее под одеяло, подслушивая.

Тишина, затем.

— Да. Так я и думал. Я и так ждал слишком долго. Не мог больше ждать. — Пауза, затем. — Не мог.

Из Рока вырывается невеселый смешок.

— Да уж, ты поступил отлично, дружище. Твоя девушка упала в обморок на кладбище! — он хлопает в ладоши. — Bravo.

Тишина.

Продолжительная тишина.

Он тихо говорит:

— Я просто не мог больше ждать, чтобы увидеть ее, мужик. Она — всё, о чем я думаю.

Мое сердце обрывается.

Он звучит таким подавленным. Есть так много вопросов, которые я хочу ему задать. Мне нужны ответы. Я растеряна и все еще очень сильно оплакиваю его, несмотря на то, что он здесь.

Мой разум где-то в другом месте. Он покинул мое тело. Исчез.

Медленно, бесшумно я выбираюсь из кровати и крадусь по коридору. Когда я добираюсь туда, я слышу Нокса.

— Где Бу?

Рок отвечает на выдохе.

— Она не захотела прийти.

Вау. А это больно.

Я люблю Бу.

Он добавляет:

— Слишком тяжело, мужик. Она не смогла бы еще раз сказать: «Прощай». Это подкосило ее в прошлый раз. Она проплакала несколько недель.

Черт. Это ранит еще больше. Но я понимаю ее. Я была такой же.

Нокс окликает меня.

— Я знаю, что ты здесь, малышка.

Попалась.

Мое сердце неистово бьется. Я переживаю. И нервничаю.

Он мягко говорит:

— Не спеши, принцесса. Я понимаю, что это нелегко.

Забившись в угол стены, я закрываю глаза и тяжело сглатываю. Прокручивая у себя в голове подбадривающую речь, я выпрямляюсь и захожу в кухню-комнату отдыха-столовую.

Что? Моя квартирка очень маленькая, хорошо?

Мое сердце останавливается при виде его.

Он реален.

И изранен.

Сидя на моем дерьмовом поддержанном диванчике, он тянется вправо от себя за своей тростью и встает, мягко улыбаясь мне.

Мой желудок делает сальто.

Я скучала по этой улыбке. Я видела эту улыбку в своих снах каждую ночь на протяжении шести месяцев.

Я думала, что эта улыбка умерла.

Мое тело дрожит. Абсолютно ошеломленная, я закрываю лицо руками и рыдаю. Нокс хочет подойти ко мне, но Рок опережает его словами:

— Не переживай, мужик. Я справлюсь.

Рок оборачивает свою руку вокруг моей талии и спокойно держит меня, пока я плачу. Вытирая дрожащими руками свои слезы, я смотрю на Нокса. Мое дыхание перехватывает.

— Я думала, что больше никогда тебя не увижу.

Сжимая свою трость так сильно, что костяшки его пальцев белеют, на его лице отражается боль, он переступает с ноги на ногу. И как обычно делает, он говорит что-то настолько идеальное, что я дрожу.

— Я же обещал, что приду за тобой. — Всё еще стоя передо мной, он тихо спрашивает: — Прости меня, малышка. Ты не против, если я сяду?

Мой разум проясняется, и я замечаю, что рука на его трости дрожит так, будто бы он больше не может стоять на ногах. Я киваю, и он снова садится, тяжело дыша.

И всё это оттого, что он постоял несколько минут?

Я кладу свою руку на руку Рока, которая находится на моей талии, сжимаю ее, и он отпускает меня. Неожиданно, чувствуя себя сильнее, чем когда бы то ни было, я подхожу к дивану и становлюсь перед Ноксом. Он шепчет:

— Привет, Муди.

Кусая губы, я сдерживаю свою улыбку и шепчу ему в ответ:

— Привет, Хэнк.

Это немного неловко. Такое ощущение, что я застряла во сне. Но мое сердце наконец-то бьется после шестимесячной спячки.

Он не двигается, чтобы дотронуться до меня, и я ему за это благодарна. Сейчас слишком много всего происходит.

Мгновение я рассматриваю его.

Этот Нокс не такой же, как тот, в кого я влюбилась. В этом Ноксе чего-то не хватает. Пока я не могу сказать, чего именно, но это выглядит, будто бы он потерял часть себя. Частичку своей души.

Все его руки покрыты шрамами, также есть немного шрамов на лице и шее.

Он выглядит уставшим. И разбитым.

Теперь его волосы длинные. Настолько длинные, что он рукой убирает их с глаз.

Эти глаза.

Я помню эти глаза.

Так, будто бы он слышит мои мысли, он смотрит вверх. Его ледяные голубые глаза встречаются с моими, и я быстро вдыхаю.

Всё время удерживая его пристальный взгляд, я ступаю немного ближе между его ног. Его глаза вспыхивают, взгляд становится мягким. Он тянется, берет меня за руку и произносит:

— Эй, малышка.

Мое сердце бьется еще быстрее. Тепло окутывает всё мое тело. Это чувство я не испытывала на протяжении уже долгого времени. Это ощущается странно и незнакомо.

Отпуская его руку, я тянусь и беру его лицо в свои ладони и действительно изучаю его.

Мои ладони лежат на его щеках, и он тяжело сглатывает, плотно закрывая глаза. Он делает глубокий вдох, затем мягко выдыхает. Затем он снова открывает свои глаза, и в них я вижу только одно.

Любовь.

У меня на лице расплывается огромная улыбка. Я произношу тихо:

— А вот и ты.

В уголках его глаз появляются морщинки, и он тихо говорит:

— Малышка.

Бог ты мой.

Это просто бьет меня, будто бы стулом по лицу.

Это реально!

Я не сплю! Я не сошла с ума. Нокс здесь!

Он вернулся за мной. Как и обещал.

На мгновение отступая, я поворачиваюсь, смотрю назад на Рока и говорю им обоим:

— Я действительно счастлива, ребята. По-настоящему счастлива. — Они оба улыбаются. Я продолжаю: — Но мне нужны ответы. — Мое дыханье замирает, глаза горят. — Потому что я не знаю, смогу ли пройти через это.

Рок кивает в согласии, а Нокс проводит рукой по своему лицу. Я не думаю, что мне понравится то, что я сейчас услышу.

Рок начинает говорить:

— Мы никогда не лгали тебе, Лили. Мы думали, что он мертв.

О'кей. Хорошо. Нет, не хорошо, но, по крайней мере, я знаю, что они не лгали мне специально.

Нокс потирает свою шею, чтобы расслабиться.

— Я знаю, что ты должна знать, поэтому, может, сядешь. Это вроде как долгий разговор.

Я двигаюсь, чтобы сесть на противоположный край дивана, Ноксу причиняет боль то, что я хочу быть так далеко от него. Но это до сих пор так нереально. Я нервничаю и напугана. Всё, что я на самом деле хочу, так это прыгнуть к нему на колени и целовать его, пока не забуду последние шесть месяцев.

Он начинает.

— Хорошо. После первого взрыва, когда выбило все окна, я увидел кое-что на заднем дворе. Вот почему я сказал идти тебе с Бу. И когда ты, наконец, так и сделала, я и сам выбрался оттуда и понял, что это был Джетт Харрисон.

Кивая, я говорю ему:

— Тера говорила мне, что у него были порезы от осколков по всему телу.

Нокс соглашается.

— Да. Он был очень сильно порезан.

— Она сказала, что он умер от этого.

Рок и Нокс качают своими головами.

Я запуталась. Тера бы не стала мне врать.

Я уже хочу задать вопрос, когда Нокс заключает.

— Я убил его.

Мое тело покрывается мурашками, и я делаю быстрый вдох. Затем выдыхаю.

— Ох.

Я смотрю вниз на его руки, он нервно перебирает пальцами.

— Он был там. Позади дома, весь изрезанный. В руке пистолет, готовый выстрелить. В агонии, он не увидел, как я приближаюсь. Я поднял осколок стекла и проткнул его им. — Он поднимает на меня свои глаза. — Я не сожалею о том, что сделал.

И я не сожалею.

Рок добавляет:

— И вот тогда произошли остальные взрывы. Дом начал рушиться и... — он замолкает и смотрит на Нокса.

Нокс продолжает:

— И меня задело. Балки обрушились на меня. Я особо много не помню после этого.

Нет. Это не очень хорошо.

Мое лицо, должно быть, выдает меня, поэтому Нокс объясняет:

— Единственный человек, который знал, что я остался жив — Митч. И он никому об этом не рассказал. Ни единой душе, малышка.

— Почему? — я начинаю не любить этого Митча.

Он смотрит мне прямо в глаза.

— Потому, что всё было плохо. — Мои глаза становятся грустными. — Он не знал, выживу ли я. Я провел почти три месяца в искусственной коме из-за отека мозга. Полученные травмы были обширными. У меня небольшое повреждение мозга. Я не помню и не реагирую на вещи как раньше. Я всё еще прохожу каждый день сеансы физиотерапии.

Он моргает так, если бы он забыл, что только что говорил.

И это разбивает мое сердце.

Пододвигаясь ближе к нему так, что наши колени соприкасаются, я скольжу своими руками в его. Я напоминаю.

— Ты всё еще проходишь физиотерапию?

Видно, что ему стыдно, и он кивает.

— Да. Я хотел увидеть тебя с первой секунды, как пришел в себя. Но не мог, малышка. Если бы я мог, я бы сделал это. — Он ухмыляется. — Учиться снова ходить — это трудно.

Вот дерьмо.

Я шепчу:

— Мне очень жаль, милый.

Он улыбается своей ослепительной улыбкой, и я сразу таю. Сжимая сильнее его руку, я придвигаюсь еще ближе к нему и поворачиваюсь к Року.

— Итак, Митч просто решил подбросить его ДНК и инсценировать его смерть?

Воздух в комнате меняется. Я не знаю, что только что сказала, но это, очевидно,

щекотливая тема.

Нокс прочищает горло.

— Нет, принцесса. Он не подбрасывал мое ДНК. Оно было там, в доме.

Я хмурюсь в замешательстве.

Нокс поднимает штанину с правой ноги.

Смотря вниз, я закрываю свой рот руками и ахаю.

Мое сердце бешено бьется.

Закрывая глаза, я накрываю свое лицо руками и рыдаю. Я заикаюсь сквозь слезы.

— М-мн-мне жаль, милый. Мне так жаль.

Он оборачивает свою руку вокруг меня и притягивает к себе. Я обнимаю его в ответ и зарываюсь лицом в его шею.

— Мне так жаль, малыш.

Он поглаживает мою спину и нежно объясняет:

— Это не так плохо. Могло бы быть еще хуже. Протезирование на самом деле очень развито в наше время. Заняло немного времени, чтобы привыкнуть, но я уже понял принцип его действия. Просто мое тело еще слабо после пребывания в коме, и мне нужно снова восстановить свои силы. Повреждение мозга... это то, о чем они точно не знают. Оно индивидуально в каждом случае. Я на самом деле просто немножко забывчивый.

Не думая, я отстраняюсь и выпаливаю:

— Нам нужно переехать. Эта квартира недостаточно велика для нас обоих и тебе же понадобится комната для твоих ФТ. Я посмотрю, сможем ли мы найти дом для аренды или что-то в этом роде. Хорошо?

Его брови приподнимаются от удивления. Затем его лицо смягчается. Прижимаясь своим лбом к моему, он спрашивает:

— Ты хочешь жить со мной?

Мне нужны все мои силы, чтобы не ударить его, за то, что он задает такой глупый вопрос. Я спрашиваю:

— Ты любишь меня?

Не раздумывая, он отвечает:

— Больше всего, что есть в моей жизни, — признается он. — Было так тяжело восстанавливаться. Я так много раз хотел сдаться. Спасовать. Каждый раз, когда я говорил себе, что больше не могу это делать — я думал о тебе. И о том, как бы ты мною гордилась за то, что я это делаю, даже несмотря на то, что это было чертовски тяжело.

Мои глаза закрыты, и я глубоко дышу, отчаянно пытаюсь контролировать свои эмоции. Я мягко говорю:

— Так и есть. Я так сильно горжусь тобой.

Затем мое тело двигается само по себе. Наклоняясь вперед, я очень нежно прижимаюсь своими губами к его. Его руки скользят вверх по моей шее к волосам, пропуская их между своими пальцами, углубляя наш поцелуй.

Эйфория. Чистая радость.

Кто-то покашливает.

Черт. Я забыла, что здесь был Рок.

Он стоит и улыбается.

— Ну, если у вас, ребята, всё хорошо, мне нужно возвращаться.

Поворачиваясь к Ноксу, затем назад к Року, я встаю и подхожу к нему. Он уже ждет

меня, расставив руки, и я бросаюсь ему в объятия. Он крепко держит меня, покачивая из стороны в сторону. Я шепчу:

— Спасибо, милый. Спасибо тебе большое.

Он целует мои волосы.

— Всегда пожалуйста, малышка. Люблю тебя.

Целуя его в щеку, я произношу:

— И я тебя люблю. Передай Бу, что я по ней скучаю. И-и мне тоже больно.

Рок глубоко дышит.

— Его сумка полная одежды у двери. Я не знал, как сегодня всё пройдет, поэтому...

Он замолкает, и я шепчу:

— Это один из лучших дней в моей жизни.

И он лучезарно улыбается.

Отпуская меня, он подходит к Ноксу, который пытается встать. Рок помогает ему. Они по-мужски обнимаются, но это не выглядит неловко или быстро. Они сильно прижимаются на несколько секунд, прежде чем Рок отпускает его и говорит:

— Не выливай на нее слишком много своего дерьма, мужик. Если я услышу, что ты доставляешь ей проблемы, я сам с тобой разберусь.

Нокс смеется.

— Да уж, тебе может придется прийти и забрать меня, когда она устанет от моей задницы.

И хотя это и звучит как шутка, я знаю, что это не так. Это разбивает мне сердце. Куда делась уверенность в себе, присущая мужчине, которого я любила?

Мое сердце подсказывает мне, что она всё еще застряла где-то под обломками конспиративного дома.

Я думаю, что это может быть правдой.

Провожая Рока к двери, я машу ему, прежде чем повернуться к своему мужчине.

Он сидит на диване, выглядя при этом неуверенным и почти застенчивым. Слегка улыбаясь, я говорю ему:

— Прямо сейчас, нет места, где бы я хотела быть больше, чем в постели с тобой. — Его глаза горят. Я спрашиваю: — Хочешь немного поспать со мной?

Он тянется за своей тростью, и у него занимает какое-то время, чтобы встать. Подхожу к нему, обнимаю его рукой за талию и прижимаю его ближе к себе. Рука, держащая трость, немного дрожит, и от этого мое сердце обливается кровью. Мы идем по коридору к моей комнате, и я помогаю ему снять куртку. Затем тянусь к верхней пуговице на его джинсах, но он отталкивает мою руку и почти кричит:

— Нет.

И это шокирует меня. Настолько сильно, что я делаю шаг назад от него и прижимаю руку к груди.

Поднимая голову, он бросает на меня взгляд и со вздохом закрывает глаза.

— Вернулся всего час назад, а уже всё порчу. — Рассеянно потирая грудь, он прочищает горло и объясняет: — Я не люблю, когда люди трогают мою ногу. Или даже видят ее. Это очень сильно на меня влияет. Настолько сильно, что появляется сильная тревога.

Ему стыдно, и он смущен. И мой желудок скручивается при виде этого.

Мои руки опускаются, и я подхожу к нему с осторожностью. Вена на его виске вздувается, и я знаю, что он, скорее всего, теряет самообладание. Когда мы оказываемся нос

к носу, я поднимаю руки и обнимаю его за талию, прижимаясь щекой к его груди, я вдыхаю его запах.

Тот же самый запах. Всё то же. Почти.

Воспоминания уносят меня в прошлое. Тихо хихикая, я спрашиваю:

— Помнишь, когда я напилась?

Из него вырывается ошеломленный смешок.

— Да. Помню. — Он перебирает мои волосы. — Моя дерзкая девчонка. — И я прыскаю со смеху.

И неожиданно неустойчивая стена неловкости — разрушена.

Мы обнимаем друг друга, смеясь, и я смотрю вверх в его радостные глаза. Мое лицо становится грустным, я еле выдавливаю из себя:

— Я думала, что ты умер.

Его смеющиеся глаза превращаются в обеспокоенные.

— Я знаю, малышка. Мне так жаль, что я не пришел раньше.

Хлюпая носом, я произношу:

— Нет. Ты делал то, что было необходимо, и я просто благодарна, что получила тебя обратно. Всё остальное мне безразлично. — Я тянусь и беру его лицо в свои ладони, поглаживая большим пальцем его челюсть. — Что я знаю, так это то, что я больше никогда не хочу быть без тебя. Поэтому, сейчас я сделаю кое-что, что мне следовало сделать, когда ты был рядом.

Отступая на шаг назад от него, я становлюсь перед ним на колени, и из него вырывается смешок. Улыбаясь как идиотка, я спрашиваю:

— Адам Кристиан Тэйлор, рожденный восемнадцатого марта 1984 года в Уайт Дир, штат Техас. Я люблю тебя, и я проведу остаток своей жизни, показывая тебе, насколько сильно, если ты согласишься жениться на мне. Я хочу провести с тобой всю жизнь. Ты никогда не был для меня мимолетным увлечением или кем-то, с кем можно просто провести время. Ты для меня — весь мир. И для меня было бы огромной честью, если бы ты согласился быть моим мужем.

Лишенный всяких эмоций, Нокс пятится назад к кровати, садится, оставляя меня, стоящей коленях, на полу, посреди комнаты.

.....Неловко.

Он говорит.

— Иди сюда, Лили. — И он хлопает себя по бедру.

Мне немного больно из-за отсутствия у него энтузиазма, поэтому я дуюсь и остаюсь там, где стою. Награждая меня строгим взглядом, он снова хлопает себя по бедру и говорит.

— Я сказал, иди сюда, Лили. — И это так похоже на моего старого Нокса, что я тотчас же встаю и иду к нему.

Когда я оказываюсь в шаге от него, он хватает меня за запястье и тянет вниз к себе на колени. Я сразу же беспокоюсь по поводу его ноги и выпаливаю.

— Я не хочу причинить тебе боль.

И то, что он говорит дальше, согревает мою душу.

— Мне было больно долгое время. Хотя ты и не можешь увидеть этот тип боли. Разбитые сердца нелегко излечить. И сейчас ты не причиняешь мне боль, малышка. Но даже если бы так и было, эта боль была бы такой сладкой. — Поворачиваясь к нему, я нежно целую его губы и вздыхаю. Он немного отстраняется. — Так же, я люблю то, что ты меня

любишь настолько сильно, что хочешь выйти за меня замуж, но там, откуда я родом — это обязанность мужчины делать предложение. И я счастлив знать, что когда я поправлюсь и буду готов сделать предложение моей девочке — она скажет «да». У меня не осталось многого, чтобы тебе дать, поэтому, пожалуйста, оставь это мне и позволь мне сделать это в свое время. — Он прижимается к моим волосам и бубнит: — И это произойдет скоро, малышка. После всего этого, я знаю, что не могу жить без тебя.

И вот так, моя уязвленная гордость пожимает плечами и улыбается, показывая мне большой палец.

В уголках моих глаз появляются морщинки, и я оставляю медленный поцелуй на его щеке. Я мягко отвечаю:

— Хорошо, милый.

Он сует руку в карман и улыбается.

— Хорошо. Потому что это кольцо оттягивает мне карман на протяжении трех месяцев.

Я широко открываю глаза, у меня отвисает челюсть, когда я смотрю, как он открывает красную бархатную коробочку.

Кольцо из белого золота, простое и элегантное с огранкой из череды бриллиантов наверху.

Кусая губу, я взвизгиваю, а он спрашивает, смеясь.

— Делайла Флинн. Я люблю тебя больше, чем думал вообще возможно. Я хочу прожить остаток своей жизни с тобой, если ты захочешь. — Я как раз хочу ответить, когда он добавляет: — Я не знаю, стану ли когда-нибудь тем человеком, которым был. Я просто хочу, чтобы ты знала это, потому что пойму, если ты не захочешь такого калеку в качестве мужа.

Не обращая внимания на его последние слова, я наклоняюсь, когда он подвигается ко мне.

Наши губы встречаются в медленном, но глубоком поцелуе, и я бормочу напротив его рта.

— Я не могу дождаться, когда стану Лили Тэйлор.

Я чувствую, как он улыбается напротив моего рта. Оставляя легкие поцелуи на моих губах, он спрашивает у меня то, что заставляет меня застыть:

— Хочешь познакомиться с моей мамой?

25 глава

Предки

Две недели спустя...

Лили

Нокс подъезжает к месту, которое я раньше считала своим домом, и я улыбаюсь, вспоминая, что здесь мы впервые встретились.

Моему жениху не нравился тот факт, что мы с отцом отделились друг от друга, поэтому у него появилась идея, которая, надеюсь, всех нас снова воссоединит. Он предложил организовать семейный ужин.

Да, всё верно. Нокс организовал семейный ужин.

Он также рассказал мне один маленький секрет, о котором никто не знал. Его мать всегда знала, что ее сын был жив. И я узнала об этом, когда мы ездили навестить ее на прошлой неделе. Я нервничала и была в полном беспорядке. Нокс смеялся надо мной.

— Малышка, серьезно. Она всё знает о тебе. Я слал ей письма каждую неделю. Она уже тебя любит.

Я насмеялась.

— Да, конечно! Она любит маленькую потаскушку из-за которой, чуть не убили ее сына!

Он одарил меня безумным взглядом.

— Никогда больше так не говори. Никогда.

Закатывая глаза, я отвернулась и незаметно улыбнулась.

Каждый день я получала кусочек моего старого Нокса. Больше властности и меньше нерешительности. Я любила каждую секунду восстановления в своем мужчине.

Нам всё еще приходилось справляться со случившимся, но я собиралась быть настолько терпеливой, насколько это возможно, особенно после того, как я стала свидетелем полномасштабного приступа тревоги, которая была настолько сильной, что мне пришлось раздеть его и вытирать его дрожащее тело прохладным полотенцем.

Оказывается, у Нокса ночные кошмары. Он говорит, что они уже не такие интенсивные, и я склонна ему верить, потому что в нашу первую неделю, у него их было три, а на этой неделе у него не было ни одного.

Но видеть своего мужчину решительным и сильным серьезно меня заводит. Я не могу дождаться, когда мы вернемся назад в спальню.

Как только мы вышли из машины, появилась миниатюрная женщина с причесанными волосами, одетая в милый сарафан пастельного цвета, поверх повязан фартук. Вытирая свои руки о кухонное полотенце, она выбежала из дома, крича:

— Вы здесь! Вы наконец-то здесь!

Что шокировало меня еще больше, так это то, что эта маленькая женщина практически оттолкнула с пути своего сына, чтобы заключить меня в теплые объятия, и сказала лучшим южным говором, из всех, которые я когда-либо слышала.

— Лили, дитя мое, а я всё думала, когда же тебя увижу! О, дорогая. То, через что ты прошла, — она щебетала. — Заходите в дом и позвольте маме вас накормить.

Игнорируя своего уже смеющегося сына, она шлепнула его кухонным полотенцем, взяла меня под руку и повела меня в свой роскошный дом, который находится в какой-то глухомани.

Нокс тащился позади нас со своей тростью и выкрикивал.

— Мама, ты испекла свои бисквиты?

Она выпятила грудь.

— Дорогой, конечно, я испекла бисквиты. Подливку тоже сделала, малыш. — Она повернулась ко мне. — Так как ему нравится, — сказала она, похлопывая меня по руке.

Мы прогостили у Клэр, которая настояла, чтобы я звала ее мамой, два дня. К концу нашего пребывания там, мне действительно было грустно уезжать. Мне понравилось иметь кого-то, с кем можно поговорить о Ноксе.

Мы сидели за ланчем в наш последний день, и я подливала немного холодного чая всем нам. Когда я подошла, чтобы добавить сахар в стакан Ноксу, он покачал головой и ухмыльнулся.

— Сладкий чай — для кисок, малышка.

Мы обе наморщили нос от его грубости, Клэр произнесла:

— Я знаю, что ты уже не ребенок, Адам, но ты не настолько взрослый, чтобы твоя мама не могла дать тебе подзатыльник. Постарайся это запомнить. — Затем она посмотрела на своего сына и сказала: — Передай мне сахар, сладенький. Мама любит сладкий чай. И я не киска, спасибо тебе большое.

Немного позже в этот же день, Клэр и я сидели на крыльце пока Нокс отдыхал. Он всё еще был в состоянии, когда уставал очень быстро и наше путешествие действительно его измотало.

Наконец-то, когда у нас появилось немного времени наедине, я спросила ее:

— Каким он был в детстве?

Задумчивая улыбка озарила ее лицо.

— Он был беспокойным ребенком. Даже тогда он был требовательным. — Она хихикнула. — Я всегда знала, что он не будет вести обычный образ жизни. Он всегда защищал или помогал кому-то. Всегда знала, что он был предназначен для великих вещей, мой Адам был... — поворачиваясь ко мне, она сказала с благоговением: — Он был исключительным. Хорош во всем. Схватывал всё на лету. Как губка, просто впитывал в себя информацию. За словом в карман не полезет, — она засмеялась. — Господь свидетель, у него это не от меня. Я простая девчонка, из простого городка с простыми потребностями. Мой Адам... он был намного большим.

Я сидела, слушая с улыбкой на лице, пока она не сказала:

— Вот как я поняла, что ты была особенной.

Мои глаза начало жечь, но она продолжила:

— Адам всегда окружал себя особенными людьми. Рок и Бу — особенные, как и он, и когда он сказал, что встретил девушку... — она посмотрела на меня с понимающей улыбкой. — Я знала, что он встретил ее. Ту, которую ищет каждый. Они ищут и ищут, и некоторые умирают, пытаюсь найти. И когда ты, наконец, встречаешь ее, что-то внутри тебя говорит: «О, вот ты где. Я искал тебя. И я даже сам этого не знал».

К этому моменту, я уже тихо всхлипывала.

Она объяснила.

— Видишь ли, для меня это был отец Адама. Он был моим недолгое время, прежде чем

я потеряла его, но он был именно ЭТИМ человеком. Я знала, что больше никогда так не полюблю. И мне и не нужно было, потому что эта любовь... она всё еще внутри меня. И она делает каждый трудный день немного легче.

Я сказала, судорожно дыша:

— Вы очень мудрая женщина, Клэр.

И она рассмеялась.

— Господи, Лили! Никто никогда не обвинял меня в том, что я мудрая. И прекрати называть меня Клэр. Я люблю, когда ты зовешь меня мамой.

Широко улыбаясь, я закрыла глаза и тихо ответила:

— Хорошо, мама.

Что приводит нас к настоящему.

Глядя на лобовое стекло, я бормочу.

— О, господи, это будет неловко.

Нокс фыркает.

— Нет, не будет. Перестань драматизировать.

Я сердито смотрю на него, склоняюсь над сиденьем и бью его по руке. Он шутливо блокирует удар и смеется.

— Эй, не бей калеку!

Мои глаза вспыхивают. Я снова склоняюсь и бью его еще два раза, пока он смеется. Я ненавижу, когда он себя так называет. Я никогда не смотрю на него как на инвалида или калеку.

Он просто... Нокс.

Мы выходим из машины, достигаем входной двери, и я рада, что попросила Теру подготовить маму и папу к встрече с Ноксом. Я не хотела, чтобы они были шокированы или задавали глупые вопросы, на которые он не сможет ответить. Мой отец беспокоит меня больше всего.

Мне было интересно, как бы он отреагировал на знакомство с человеком, который украл его дочь.

Держа Нокса за руку, я тянусь, чтобы нажать на дверной звонок, когда дверь открывается. Тера бежит ко мне, крепко меня обнимает и визжит.

— О боже! Я не могу в это поверить! Я так чертовски счастлива за тебя!

Неожиданно она отпускает меня, подбегает к ошеломленному Ноксу и оборачивает свои руки вокруг него, крича:

— Я так рада, что ты больше не мертв! — Нокс тихо смеется, и Тера смотрит на него серьезно. — Нет, я серьезно. Это был полный отстой!

Он смеется еще сильнее, обнимая ее одной рукой.

— Я тоже. Хорошо быть живым.

Тера прыгает вверх-вниз и говорит нараспев:

— И жениться!

Качая ей головой, я говорю.

— Успокойся, дуреха. Мы пока еще никому не рассказывали.

Неожиданно, высокий, красивый мужчина появляется в дверях. У него светло-каштановые волосы, веселые карие глаза и непринужденная улыбка. Взглянув на Нокса, он идет вперед и крепко его обнимает. Нокс обнимает его в ответ, и они какое-то время говорят с глазу на глаз.

Наверное, это Джонатан.

Отпуская Нокса, он идет вперед, улыбаясь с распростертыми объятиями. Стесняясь, я иду навстречу и позволяю ему крепко меня обнять.

Он целует меня в макушку, и у меня сердце разрывается. Такой милый жест, а я даже его не знаю.

Джон немного отстраняется и говорит:

— Боже правый, вот это гены. Думаю, твоему отцу повезло, что у него больше нет маленьких дочек. Ему бы пришлось отбиваться от ухажеров палкой. — Он делает паузу, затем добавляет на полном серьезе: — Или же совершить убийство.

Краснея, я громко и глупо хихикаю, и они оба смеются.

Тера игриво шлепает его по руке.

— Оставь ее в покое, Джон. Ты ее смущаешь.

Она берет меня под руку и ведет по холлу. Я знаю, что она делает. Она пытается показать мне, что открыто поддерживает меня, независимо от моих решений. И я благодарна.

Приближаясь к кухне, я слышу, как мама болтает сама с собой. Когда я заглядываю внутрь, она вопит:

— О, моя малышка!

Мягко посмеиваясь, я обнимаю ее и крепко держу. Она вздыхает.

— Здесь так тихо без тебя, сладенькая.

Сжимая ее, я говорю:

— Я думала, ты любишь тишину.

Сжимая меня в ответ, она произносит:

— Здесь тихо. И там тоже тихо. А я не люблю тишину.

Отпускаю ее, а она смотрит на Нокса за моей спиной. Используя свою трость для поддержки, он выходит вперед, и мамино лицо становится опустошенным. И секунды не проходит, как она заключает его в материнские объятия и бормочет снова и снова:

— Огромное спасибо тебе.

Он же спас мою жизнь, в конце концов.

Нокс обнимает ее.

— Я бы не задумываясь сделал это снова, мэм.

Отклоняясь, она бьет его в грудь.

— Не мэмкай мне. Ты будешь звать меня мамой. — Он шокировано смотрит на нее, а она поворачивается ко мне, подмигивает и добавляет: — Красивое колечко.

Я мысленно бью себя по лбу.

Я забыла снять свое кольцо. Какой сюрприз.

Мама восклицает.

— Нам нужны напитки! И я полагаю, наш повод предполагает что-то с пузырьками.

Она идет по безупречной кухне с такой легкостью, будто бы скользит. Открывая холодильник, она достает оттуда две бутылки «Дом Периньон» и передает их Джону, чтобы он их открыл.

Он разливает шампанское и передает нам наши бокалы, но что-то здесь не так.

— Где отец?

Счастлирое лицо мамы становится грустным.

— В своем кабинете.

Тишина.

Мы пристально смотрим друг на друга мгновение, прежде чем я выпаливаю:

— Мне следует пойти и позвать его.

Улыбка мамы опять появляется на лице, только в этот раз нежнее.

— Это было бы мило, сладенькая.

Нокс сжимает мою шею и спрашивает маму.

— Мог бы я где-то сесть? В эти дни я довольно быстро устаю.

Ее лицо становится грустным.

— О, дорогой! Мне так жаль. Конечно, мы можем сесть. Давайте пойдем на улицу.

Сегодня такой хороший день.

Она берет его за свободную руку и ведет всех на задний двор, а Нокс поворачивается и подмигивает мне. Качая головой, я улыбаюсь и кусаю губу, чтобы сдержать смех. Дурачок дает мне немного времени, отвлекая мою маму.

Я люблю этого мужчину.

Наблюдая, как все они выходят через двойные двери, я беру пару секунд, чтобы подготовить себя к этой встрече. Я люблю своего отца. Правда. Но я бы хотела, чтобы он делал все иначе.

Слишком поздно сейчас что-то с этим делать, но это всё равно беспокоит меня.

Я тихо иду по коридору, останавливаюсь возле кабинета отца и прислушиваюсь.

Ничего. Ни единого звука.

Заглядывая внутрь, я вижу отца за своим столом, просматривающего фотоальбом. Я думаю, что он хочет уединиться, поэтому поворачиваюсь, чтобы уйти, когда слышу:

— Нет ничего страшнее, чем почти потерять ребенка.

Останавливаясь, я слушаю, как он продолжает:

— Потеря ребенка, когда твое дитя умирает, я думаю это то, с чем ты можешь смириться со временем. Это уже финал. Я не говорю, что это было бы легко, просто это уже неизменно. Но почти потерять ребенка... — он прочищает горло. — Это очень тяжелая ситуация, чтобы пережить ее. Ты делаешь всё, что в твоих силах, чтобы сохранить всю свою семью. Каким-то образом, всё всегда возвращается к тому дню. Мысли о том, что тебя от меня забрали хоть на минуту, было достаточно, чтобы превратить меня в сумасшедшего.

Я поворачиваюсь, наши глаза встречаются, и он продолжает:

— Потому что если бы ты не была в поле моего зрения, я не мог бы тебя защитить, любовь моя. Это отцовский долг. И я делал только то, что сделал бы каждый отец. Я мог принимать то, что ты думаешь, что я был несправедлив. Пока ты в безопасности, я мог мириться с твоим отношением ко мне, Лили.

И хоть я и не полностью понимаю его, но хоть что-то. Кивнув, неожиданно нервничаю и переступаю с ноги на ногу.

Улыбающийся отец снимает напряжение словами.

— Итак, он боролся с преисподней ради тебя?

Я не могу сдержать улыбку и шепчу.

— Он обещал, что вернется за мной.

Он выглядит спокойным, когда говорит:

— Должно быть, он очень сильно любит тебя, Лили, девочка моя.

Опуская подбородок, я говорю ему.

— Он говорит, что любит.

Отец возвращается к идеальному ирландскому сарказму.

— Я склонен ему верить. Вернуться с того света — это, конечно, чересчур, но это довольно-таки милый поступок.

И я мягко смеюсь, качая головой.

Вставая, отец улыбается мне.

— Я очень сильно по тебе скучал, милая. Как ты думаешь... думаешь, я могу тебя обнять?

Не теряя больше ни секунды, я пересекаю комнату и обнимаю отца за талию. Прижимаясь щекой к его груди, я окунаюсь в теплоту и любовь, которую он мне отдает в этот самый момент. Я бормочу, уткнувшись в отцовскую рубашку.

— Я выхожу замуж.

Он вздыхает и гладит меня по полосам.

— Я знаю, сладенькая. Пришло время мне отпустить тебя и передать в руки тому, кто заслуживает тебя. И я думаю, Нокс заслуживает тебя.

Прижимая к себе отца, я уверяю его.

— Он заслуживает меня. Так же сильно, как и я заслуживаю его.

Он немного отстраняется и мягко улыбается.

— Следует ли мне пойти познакомиться со своим будущим зятем?

— Да. Я думаю, это было бы замечательно.

Он обнимает меня рукой за плечи, и мы вместе идем назад в патио, где все сидят и болтают. Как обычно, Тера ведет беседу.

Нокс поворачивается к двери и улыбается, видя меня в объятиях своего отца. Беря свою трость, он немного неуверенно встает и подходит к нам. Мой отец подает ему руку. Нокс пожимает ее. И я немного ошарашена, когда отец притягивает его к себе и крепко обнимает.

У меня першит в горле. Глаза пекут.

Всё еще обнимая его, отец говорит:

— Я обязан тебе всем, сынок. Если тебе что-то понадобится — просто попроси.

Нокс зарабатывает очко у отца, когда произносит:

— Я, вроде как, равнодушен к вашей дочери. И, вроде как, надеялся оставить ее себе.

Отец прыскает со смеху и хлопает его по спине. Он сдавленно смеется.

— Я рад сказать тебе «да», и у тебя есть мое благословение. — Он смотрит на меня. — Но решать ей. — Он улыбается мне. — Если это поможет, я думаю, что она последует с тобой в Ад и обратно.

Они отпускают друг друга, и Нокс удерживает себя на своей трости. Он поворачивается ко мне и говорит.

— Она уже это сделала.

Мужчины остались в столовой, пока мы, леди, убираем со стола.

Мы болтаем о мужчинах и свадебных штучках. Тера говорит:

— Боже, иногда я смотрю на Джона и думаю «Каким чудом мне удалось заполучить тебя?». Нам так повезло.

Мама добавляет.

— Они очень привлекательны.

Мы с Терой смеемся. Качая головой, я говорю:

— Не то слово — привлекательны. И большую часть времени Нокс — красавчик. Но, боже, он горяч. Чертовски горяч, мам. Я никогда не думала, что я могла бы полюбить кого-то так сильно. Я едва могу удержать руки от него.

Мама ахает и отчитывает меня.

— Лили! Это непристойно! Ты же леди, а леди так не разговаривают.

Тера хихикает.

— К черту леди. Я люблю наше особое время для обнимашек с Джоном.

Мама закрывает свои уши, но из нее вырывается стыдливый смешок.

— Я не могу этого слушать! Вы, девочки, можете закончить уборку, пока я пудрю свой носик.

Мы с Терой хихикаем и смотрим, как она уходит. Через секунду, она поворачивается ко мне.

— Нокс горячий, малышка, — оборачиваясь назад, она косится на меня. — Вы уже... ну понимаешь... ну это?

Угрюмая, я вытираю блюдо насухо и дуюсь.

— Еще нет. Но я рада подождать. Мы на самом деле ничем особым не занимались, кроме как целоваться с момента как он вернулся, и я думаю, что это в основном связано с его ногой. — Я делаю паузу, наклоняюсь вперед и тихо говорю: — Я думаю, что он даже не догадывается, что он со мной делает. Я чертовски возбужденная всё это время. Я хочу секса, Тера!

Сгибаясь пополам, она сильно смеется.

— О, господи. Я никогда не думала, что доживу до того дня, когда моя младшая сестренка станет такой сексуально раскрепощенной. — Выпрямляясь, она широко мне улыбается и выпучивает глаза. — Соблазни его. Сегодня ночью.

Я становлюсь серьезной, кладу блюдо на стол.

— Серьезно?

Ее брови взлетают.

— Конечно, да! Покажи ему, как сильно ты его хочешь. Покажи ему, что он всё еще тот сексуальный мужчина, в которого ты влюбилась. Возможно, ему необходимо, чтобы ты немного подняла его самооценку. Я не знала его прежде, но Джон сказал, что Нокс раньше был самым самоуверенным человеком, которого он когда-либо встречал, и что сейчас он, наверное, себя дерьмово чувствует.

Я знаю это. Я видела, как Нокса выбивали из колеи простейшие вещи. Эти вещи уже не были простыми.

Принимая поспешное решение, я упираю руки в боки.

— Я собираюсь это сделать. Я покажу своему мужчине, что он всё еще самый сексуальный мужчина из всех, кого я видела. Я покажу ему, как сильно хочу его. Как сильно нуждаюсь в нем.

Затем что-то пронесится у меня в голове.

— А что, если он отвергнет меня?

Тера подходит ко мне, мягко улыбаясь.

— Не отвергнет. Он тебя очень сильно любит. Он увидит, как сильно это важно для тебя. И попытается для тебя.

Я шепчу:

— Я скучаю по нему.

Обнимая меня, она говорит:

— Я знаю, маленькая. — Отстраняясь от меня, она добавляет: — Возвращайся к ним, я приду через несколько минут. Здесь осталось только две тарелки.

Кивая, я сжимаю ее руку и иду по коридору. На полпути открывается дверь в ванную и меня почти сбивают с ног, когда затаскивают внутрь.

Там стоит Нокс, он прижимает меня ближе к себе и ухмыляется.

— Я самый сексуальный мужчина из всех, кого ты когда-либо видела?

У меня отвисает челюсть.

— Уфффф.....

Дерьмо.

26 глава

Подспорье

Лили

Я заливаюсь краской и спрашиваю, выпучив глаза:

— Как много ты услышал?

Он наклоняется, оставляя жесткие, влажные поцелуи на моей шее, и бормочет мне в шею:

— Каждое. Гребаное. Слово.

Черт!

Он требует:

— Отвечай мне.

Еще раз черт!

Я закрываю глаза от ощущения его рта на мне и шепчу:

— Я... я забыла вопрос.

Его дыхание согревает мою кожу, когда он тихо смеется.

— Ты считаешь меня сексуальным?

Ах, это!

Нет сомнений.

— Да. И да. Ты очень сексуальный. И я думаю, что ты самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела. Несомненно.

Он поднимает голову и нежно целует меня в губы, затем проводит своим носом по моему. И то, что он говорит дальше, заставляет меня хотеть сделать колесо.

— Тебе нужно, чтобы я трахнул тебя, малышка?

Я могла бы закричать от облегчения. Кусая губу, я поскуливаю и киваю. Но этого ему недостаточно.

Он хватается меня за волосы, и тянет их нежно, но настойчиво.

— Я спросил, тебе нужно, чтобы я трахнул тебя, принцесса? Мне нужен ответ.

Моя киска сжимается и течет.

Он чувствует, как мои бедра подергиваются и улыбается. Неожиданно, его улыбка исчезает.

— Бл*дь. Ты действительно хочешь меня?

О, боже.

Тера была права. Он не уверен в себе.

Не отвечая ему, я беру его свободную руку, скольжу ею под свою юбку и кладу ее на свои промокшие трусики. Чувствуя, какая я влажная, он со свистом втягивает в себя воздух и прижимается своим лбом к моему.

— Бл*дь, малышка. Гребаный Ад! Бедняжка. Моя бедная малышка. Тебе нужен мой член, не так ли?

Его грязные словечки заставляют меня течь еще больше, играя свою роль, я надуваю губки и киваю.

Он поднимает голову и его полуоткрытые глаза встречаются с моими.

— Нам придется вести себя тихо, принцесса. Мы же не хотим, чтобы это услышала твоя

семья.

Вот дерьмо. А так это еще горячее!

Почти яростно, он берет меня за бедра и поворачивает меня, оставляя лицом к раковине и зеркалу. Его руки скользят вверх по моим ногам и под юбку. Большими пальцами он захватывает мои трусики и тянет их вниз к моим коленям. Я немного покачиваюсь, и они падают на пол.

Поднимает мою юбку вверх, какое-то время смотрит вниз на меня, массируя мои ягодицы своими большими руками. Я наклоняю голову вперед с хриплым вздохом. Комнату наполняет звук его расстегивающейся ширинки, и я поднимаю голову. Наши глаза встречаются в отражении зеркала, и он тихо говорит:

— Шесть месяцев без тебя, малышка. Ты даже не представляешь, как сильно ты мне нужна. Я собираюсь трахнуть тебя прямо здесь, а ты не будешь сводить с меня глаз.

Мои щеки заливают румянец, и я киваю. Он тянется и сжимает мою шею.

— Я не могу обещать, что продержусь долго в этот раз, но когда мы доберемся домой, мы будем заниматься этим снова и снова. — Мое дыхание замирает, и он мягко добавляет: — И снова. И снова. Пока не насытимся. Звучит неплохо?

Тяжело сглатываю, и моя киска снова сжимается, и я энергично киваю.

Я не вижу его член, но вижу, как его рука медленно скользит вверх-вниз позади меня. Знание того, что он касается себя, заставляет меня ерзать перед раковиной. Его глаза закрыты от блаженства, и он бормочет:

— Хочу попробовать тебя на вкус прямо сейчас, но не могу, поэтому сегодня ночью, я буду вылизывать твою киску минимум час. Ты не против?

Черт, да!

Кусая губу, я киваю настолько быстро и сильно, что он смеется. Неожиданно, он прижимается ко мне. Его толстый, длинный член скользит между моими ягодицами.

Тера отвела меня к доктору на следующий день, после того, как я рассказала ей, что Нокс вернулся, и убедилась, что я сделала противозачаточную инъекцию. И я ей сейчас настолько сильно благодарна, что могла бы расцеловать ее!

Но я подожду.

До того момента, как на мне будут трусики.

Нокс заявляет:

— Мне нужны твои глаза, малышка.

Поднимая голову вверх, я удерживаю его пристальный взгляд. Он немного отклоняется, его головка нежно исследует мою влажность. Его глаза полузакрыты, и он спрашивает:

— Что это? — затем он входит в меня совсем чуть-чуть.

Я часто моргаю и бормочу:

— Это, это, это...

Не отвечая достаточно быстро, он выскользывает из меня.

— Что это, принцесса?

Он проводит своим членом по моим складочкам вверх и вниз, я вздыхаю и выпаливаю:

— Твой член. Это твой член.

Он усмехается.

— Правильно, малышка. А где должен быть мой член? Скажи мне.

Удерживая его взгляд, я шепчу.

— В-в моей киске.

Он закрывает глаза и вздрагивает. Когда он снова открывает глаза — они сверкают.

— Мой член должен быть в твоей сладкой киске, малышка. — И с этими словами, он медленно толкается в меня, удерживая мой взгляд, чтобы я не отвела глаза.

Грудь тяжелеет от частого дыхания, и я говорю, задыхаясь:

— О, черт. О. Я так сильно скучала по тебе.

Он открывает рот, когда толкается дальше, до упора в меня. Моя попка касается его шрамов на животе, и он тихо произносит:

— Забыл, — он тяжело сглатывает. — Забыл, как хорошо ты ощущаешься. — Качая головой, он поясняет: — нет. Не забыл. Но иногда я думал, что, может, я просто выдумал это. То, как хорошо ты ощущаешься.

Отстраняясь от меня, он снова медленно толкается в мою киску и говорит:

— Но я не выдумал. Ты совершенна. Чертовски совершенна.

Я двигаюсь бедрами ему навстречу, он скользит глубже в меня и шипит:

— Я не могу двигаться медленно, малышка. Не в этот раз.

Я бормочу:

— Я не хочу медленно. Я хочу, чтобы ты показал мне, как сильно по мне скучал.

Он пронизывает меня своими ледяными голубыми глазами, и мое сердце бьется быстрее. Скрипя зубами, он кладет свои руки на мои бедра, крепко их хватая и глубоко толкается. Я учащенно дышу и опускаю голову, затем слышу.

— Глаза. Или я остановлюсь.

Хныкая, я поднимаю голову, и наши взгляды снова встречаются. Он ритмично двигается во мне.

Моя киска уже пульсирует, и я шепчу:

— Кончи в меня.

Он широко открывает глаза, еще сильнее сжимает в своей хватке мои бедра и врезается в меня жестко и быстро. Мой желудок сжимается. Соски напрягаются. Я хватаюсь за край раковины, и моя киска начинает сжиматься.

Я тихо стону и открываю свой рот в попытке заговорить, но не издаю ни звука.

Мои бедра дергаются, глаза закрыты. Он спрашивает хриплым голосом:

— Ты собираешься кончить на мой член, малышка?

Грязные, грязные словечки. Я обожаю их.

Кто бы мог подумать?

И затем я открываю рот и стону немного громче. Он тянется и закрывает мой рот своей рукой, и я кусаю его за палец. Неожиданно, волна удовольствия пробирает меня до костей, и я сжимаюсь вокруг него. Его руки оборачиваются вокруг моей талии, и он глубже насаживает меня на свой член, я закатываю глаза от удовольствия.

Разноцветные пятна танцуют у меня перед глазами, желудок снова сжимается.

Его толчки становятся неистовыми, и он тихо рычит.

— Я собираюсь кончить в твою киску, малышка.

Он вбивается в меня как обезумевший, моя киска сжимается вокруг него, и я ловлю ртом воздух. И начинаю кончать.

Во время оргазма, я не свожу с него своих глаз. Он смотрит, как я кончаю, затем неожиданно я слышу скрежет его зубов. Жестко удерживая, он толкается еще один раз, замирает, затем шепчет:

— Бл*дь, да.

Боль отражается у него на лице, и он тяжело дышит. И я чувствую его освобождение. Оно пульсирует глубоко внутри меня. Теплое семя так приятно ощущается, что это заставляет меня сжиматься снова. И снова.

Наслаждение.

Ничто не смогло бы сравниться с тем, что я чувствую прямо сейчас.

Что бы ни препятствовало нашему воссоединению последние две недели — оно неожиданно исчезло.

Мы оба тяжело дышим, всё еще удерживаем взгляд друг друга в зеркале, и я ему нежно улыбаюсь.

И он делает кое-что ослепительное. Что-то, по чему я так скучала.

Он самодовольно улыбается.

О, да.

Мой мужчина вернулся.

Две недели спустя...

— Нокс, милый, тебе нужно одеться. Мы опоздаем. А мы не можем опоздать!

Звуча взволнованно, он рявкает мне в ответ:

— Я работаю над этим, малышка. Это просто... — он ворчит, затем рычит, и я перестаю заниматься своими делами.

Это не является необычным в эти дни. Нокс сказал мне, что у него иногда бывают вспышки раздражительности, поэтому мне следует быть терпеливой с ним.

И я терпелива.

Я иду по коридору к нашей комнате, останавливаюсь в дверях и смотрю, как он пытается надеть свой новый протез ноги. Этот прибыл на прошлой неделе, и его немного сложнее надевать. И я вижу, как это выводит его из себя.

У меня сжимается всё внутри, пока я смотрю, как он снова и снова пытается, а у него не выходит. И неожиданно, он хватается протез, замахивается и бросает его через комнату. Сильно. Он ударяется о стену, и этот стук такой громкий, что я вздрагиваю от неожиданности. У меня сердце разрывается. Я ненавижу то, что это так тяжело для него.

Упираясь локтями в колени, он трет свое лицо руками и тяжело дышит, пытаюсь успокоиться.

Я подготовила себя к этому моменту. И я молюсь, чтобы видео, которые я посмотрела в интернете, были правдивы. Или это будет просто супернеловко.

Тихо, как мышка, я вхожу в комнату и поднимаю протез. Я подхожу к кровати, где он сидит, и становлюсь перед ним на колени. Чувствуя меня рядом, он убирает руки со своего покрасневшего, злого лица. Как только он видит меня, он смягчается.

— Привет.

Не говоря ни слова, я беру протез и раскручиваю гильзу крепления. Нокс осторожно наблюдает за мной, открывает рот, чтобы заговорить, но я его обрываю.

— Ты провел месяцы, спасая меня. — Избегая его взгляда, я скольжу силиконовой гильзой вверх к тому, что осталось от его правой ноги и шепчу: — Теперь моя очередь тебя спасти.

Я так осторожна, чтобы не издать ни звука и не показать ни одной эмоции. Я не хочу, чтобы это был негативный опыт для нас. Я хочу, чтобы я была рядом, готовая помочь, когда ему понадобится. Прикручивая стопу к силиконовому креплению, я говорю ему.

— Тебе не нужно делать это одному. Я всегда рядом, малыш. — Скольжу рукой по протезу и произношу: — Встань, малыш. Тебе нужно немного пройтись.

Он встаёт, и я слышу первый щелчок установленного болта в основе протеза. Он шагает на месте еще несколько раз, и он всё еще щелкает. Затем он перестает издавать этот звук.

Улыбаясь ему, я спрашиваю:

— Хорошо?

У него красное лицо, и он ворчит:

— Не хорошо.

У меня вытягивается лицо.

Тебе не следовало вмешиваться, идиотка.

Я пожимаю плечами.

— Я просто подумала....

Я замолкаю, когда он оборачивает руки вокруг моей талии и притягивает меня ближе к себе. Настолько близко, что я могу чувствовать, как что-то большое и твердое упирется мне в живот.

Ну, привет.

Я шокировано смотрю вверх на него. Он говорит с трепетом:

— Ты — самая сексуальная женщина на этой чертовой планете.

Я краснею и говорю тяжело дыша:

— Ох.

Притягивая меня ближе, он наклоняется и бормочет мне прямо в рот:

— И я собираюсь тебя трахнуть прямо сейчас.

Испытывая слабость, я вздыхаю ему в рот.

— Хорошо.

Я чувствую его ухмылку на своих губах.

— Я думал, что мы опаздывали.

Оборачивая свои руки вокруг его шеи, я бормочу:

— Это может подождать.

Посмеиваясь, он опускает меня на кровать и показывает мне, насколько сексуальной он меня считает.

— Дерьмо! Мы так опаздываем!

— Это же наша свадьба, малышка. Они не начнут без нас.

Я выпучиваю глаза, когда пытаюсь пригладить волосы в зеркале автомобиля.

— У меня волосы выглядят как после секса!

Он ухмыляется.

— Да, так и есть.

Провожу руками по своему длинному, прямому платью без бретелек цвета слоновой кости и хмурюсь. Поворачиваясь, я уже готова плевать огнем, но взглянув на него, я закрываю рот. Мои глаза наполняются слезами, губы дрожат.

— А ты выглядишь таким красивым в этом смокинге.

Он тянется, берет меня за руку и сжимает ее.

— К чему эти слезы, малышка? Мы же должны быть счастливы сейчас.

Хлюпая носом, я объясняю:

— Это была одна из тех вещей, которых я думала, была лишена. Когда я думала, что ты... ну, ты понимаешь. Я чувствовала себя обманутой, что мы не сделали ничего из парень-девушка вещей. Мы не покупали продукты вместе, или не покупали вместе постельное белье. И я всегда хотела тебя увидеть в смокинге. И вот теперь вижу.

Глотая ком в горле, не могу себя контролировать, я поднимаю голову и буквально завываю.

— В день нашей свадьбы!

Сжимая мою руку сильнее, Нокс нервно посмеивается.

— Ты пугаешь меня, малышка.

Отпуская его руку, я машу руками на лицо.

— Черт. Хорошо, прости. Я в порядке.

Он снова фыркает.

— Нет, не в порядке.

Нет. Я не в порядке.

Мы подъезжаем к мэрии, и я вижу, как мои родители и Тера ждут нас. Паркуемся прямо перед зданием, я выхожу из машины, и все женщины спешат ко мне, все одновременно разговаривая и жестикулируя.

Меня уводят от Нокса, и он поднимает палец к голове в молчаливом приветствии.

Я закатываю глаза и произношу одними губами:

— Люблю тебя.

Он целует свои пальцы и прижимает их к своему сердцу.

Подписание бумаг, должно быть, было самой эмоциональной вещью, через которую я когда-либо проходила.

Слезы просто не прекращают литься.

И я чувствую себя дурой.

Это было до тех пор, пока Нокс не подходит ко мне сзади, обнимая за талию и говоря:

— Сегодня никаких слез, малышка. Это лучший день в моей жизни.

Я согласна. На все сто процентов.

Судья подходит к нам и пожимает руки. Он наклоняется к Ноксу и говорит:

— Рад, что ты служишь этой стране, сынок. Хорошо, что ты дома.

Это легенда Нокса.

Согласно армейским отчетам (благодаря Митчу), Адам Кристиан Тэйлор пропал во время военной миссии несколько лет назад. Он был объявлен мертвым, чье тело не было найдено. Выяснилось, он был жив всё это время. Он был найден шесть месяцев назад, смертельно раненный с тяжелой стадией амнезии.

Вуаля.

И Нокс ненавидит это.

Но Митч настоял, что это была единственная история, которая могла бы сработать,

чтобы вернуть личность Нокса назад. Но Ноксу ненавистно то, что его благодарят за то, что он никогда не делал.

Сжимая свою челюсть, он говорит:

— Не благодарите меня, сэр.

Судья улыбается.

— Конечно, нет. Ты просто выполняешь свой долг.

Тера берет Нокса за руку, очевидно пытаясь спасти его. Она говорит судье:

— Прошу меня извинить, вы не против, если я украду их, чтобы сделать несколько фото? Это мгновенно сделает маму счастливой.

Судья сдавленно смеется.

— Совсем нет, дорогая. — Он поворачивается к нам. — Я надеюсь, что у вас будет долгая и счастливая жизнь вместе. Действительно, надеюсь.

С этими словами, мы покидаем здание и направляемся к местному парку.

Кучу фотографий спустя, мы направляемся в ресторан для свадебного ужина с нашей семьей. И когда мы туда добираемся, Нокс подталкивает меня немного.

— Я больше не хочу никаких слез, малышка.

Что?

Качая головой, я спрашиваю сквозь смех:

— С чего бы мне плакать? Я так невероятно счастлива, дурачок!

— Да, ну... — Нокс смотрит мне за спину и улыбается. — Да. Ты будешь плакать.

Оборачиваюсь, и у меня отвисает челюсть от шока.

Не может быть. Не может быть!

Там стоят Рок и Бу, одетые с иголки, готовые праздновать вместе с нами.

И, конечно, это происходит.

Мои глаза щиплет, и уже через секунду я закрываю рот рукой и начинаю плакать.

Бу спешит ко мне, одетая в длинное желто-розовое платье. Она выглядит прекрасно. Захватывает меня в теплые объятия, и я чувствую, как ее тело трясется вместе с моим. Это слезы счастья.

Рок через секунду оттягивает ее, только чтобы крепко меня обнять. Он отлично выглядит в брюках и серой рубашке. Вытирая слезы, я заявляю:

— Вы оба выглядите чертовски горячо!

Бу смеется.

— Черт, Диди. Никогда не думала, что смогла бы увидеть кого-то столь прекрасного, но... — она показывает на мое очень простое свадебное платье и пожимает плечами. Рок заканчивает за нее:

— Ты похожа на ангела, малышка.

Мое сердце тает.

Прямо сейчас я так счастлива!

Клэр идет к нам, оперев руки в боки.

— Адам, позже у нас с тобой будет разговор. Почему ты не сказал мне, что они приехали?

Рок улыбается во весь рот и широко открывает свои объятия.

— Мама!

Бу отталкивает его в сторону.

— Жди своей очереди, чувак! — затем она поворачивается к Клэр. — Мама!

Мне следовало бы догадаться, что они встречались. Мама говорила о них, когда мы навещали ее в первый раз, но она никогда не упоминала, что действительно знакома с ними лично.

Мы подходим к нашему столу, все друг с другом знакомятся. Следующий час мы болтаем друг с другом и просто хорошо проводим время.

Спокойно и ненавязчиво.

И мне это нравится.

Мы с Ноксом решили пойти против традиций. Мы захотели очень маленькую свадьбу и хотели сами за нее заплатить. Я знаю, что я из богатой семьи, но это было важно для меня. Моя независимость значит всё для меня.

Все заказывают то, что хотят на ужин (отец настоял заплатить за это, и Нокс согласился), и на мгновение я откидываюсь в кресле, впитывая происходящее вокруг меня.

Осматриваясь, я мягко улыбаюсь. Тера и Джон шепчутся, держась за руки. Бу и Рок громко разговаривают, жестикулируя, очевидно споря о какой-то глупости. Как обычно. Мама и папа болтают с Клэр. А Нокс...

Я поворачиваюсь к своему мужу.

Я нахожу его, наблюдающим за мной с этой роскошной кривой улыбкой на лице.

Наклоняясь ближе ко мне, он говорит:

— Привет.

Я пододвигаюсь еще ближе к нему, наши носы касаются друг друга, и я шепчу:

— Привет.

Он нежно меня целует, мои глаза закрыты от чистого наслаждения. Я вдыхаю через нос и углубляю наш поцелуй. Аккуратно отстраняясь от меня, он спрашивает, ухмыляясь:

— Итак, когда же ты подаришь мне детей?

Чуть не поперхнувшись собственным языком, я тихо смеюсь.

— Не в ближайшее время. Может, через пару лет. Ну, понимаешь, когда я вдоволь смогу насытиться тобой.

Его рука покоится на моем бедре, и он сжимает его.

— Я согласен на это.

Улыбаясь как идиотка, я трюсь о его нос.

— Хорошо. Потому что, несмотря на то, что я люблю детей, я к ним пока еще не готова.

Целуя меня в губы еще раз, он проговаривает:

— Это справедливо, малышка. Что бы ты ни захотела, я с этим согласен.

Неожиданно, он серьезно спрашивает:

— Ты счастлива?

Мое сердце тает.

— Да, абсолютно. — У меня исчезает улыбка. — А ты?

Он думает с секунду и хмурится.

— Я не могу вспомнить дня, где бы я был хоть в половину счастлив, как сегодня.

Мое сердце трепещет, и я становлюсь мечтательно-счастливой.

Я наблюдаю, как он осматривает стол и улыбается. Он поворачивается ко мне, обнимает меня за плечи и прижимает ближе к себе. Целуя меня в макушку, он произносит:

— Никакой день не будет лучше, чем этот. Со мной рядом все, кто мне дорог, такого никогда еще не было. Мне ненавистно это говорить, малышка... — он со смертельной серьезностью смотрит на меня и продолжает: — Я никогда не думал, что буду счастлив,

защищать кого-либо. Но чтоб меня, я абсолютно счастлив. Жаль, что мы прошли через всё это, чтобы очутиться здесь. Но... мы здесь. И это, всё что имеет для меня значение.

Прижимаясь лбом к его подбородку, я мягко говорю:

— Люблю тебя, Нокс.

Он вздыхает.

— Люблю тебя еще больше, принцесса. Ты даже не представляешь насколько сильно.

Я закрываю глаза, кладу руку ему на бедро и сжимаю.

Да.

Я абсолютно уверена, что представляю.

Два года спустя...

Нокс

Возвращаясь со своей пробежки, я тяжело дышу, пока добираюсь до нашего дома. Мое сердце колотится.

Сегодня был хороший день. Я побил свой собственный рекорд и справился с новым протезом для бега.

Он охрененный. Это Г-образный кусок углеродного волокна, который позволяет мне больше прыгать, чем бежать.

И я в восторге от этого. Но в данный момент я чертовски устал.

Незадолго после свадьбы мы с Лили купили дом. Она была права. Ее квартирка была слишком мала. Нам нужен был дом, где бы я мог иметь комнату для тренировок и, со временем, — детскую.

Наш дом скромный, с четырьмя спальнями в пригороде.

У Митча заняло немного времени, чтобы отмыть мои деньги и положить их на счет на мое реальное имя. Независимо от того, сколько у нас денег, Лили настояла на том, чтобы работать. Я не думаю, что это плохо. На самом деле, мне нравится, что она знает, чего хочет. Хоть я и чертовски удивился, когда она вернулась на работу к своему отцу в «Флинн Логистикс».

И она продвигается по служебной лестнице. И быстро. За последний год у нее было три повышения.

И это не потому, что она папина дочка. Это потому, что она чертовски усердно работает, и она охрененно умная.

Я горжусь ею.

А я, как бы то ни было, ушел в отставку.

Я достаточно много работал в молодости, чтобы понять, что я пропускал очень много вещей. И поэтому сейчас я наслаждаюсь своей жизнью с Лили.

— Лили? — я кричу в сторону кухни.

Нет ответа. Я иду по коридору, выхожу через заднюю дверь и нахожу ее. Улыбаясь, я смотрю на то, чем она занимается и посмеиваюсь.

Я спускаюсь по ступенькам к ней и беру одежду у нее из рук.

— Дай, я это сделаю. Слишком высоко для тебя.

Лили улыбается мне так, будто бы я ее герой.

Всегда ее герой.

А всё, что я сделал — это развесил мокрую одежду для нее.

Она спрашивает:

— Ну? И как он?

Я всё еще тяжело дышу и прыскаю со смеху.

— Как будто бы бежать по воде. Так чертовски хорошо. Я не думаю, что когда-нибудь сниму его.

И она ухмыляется.

— Возможно, я могу дать тебе причину снять его.

У меня поднимаются брови.

Поворачиваясь, я спрашиваю хриплым голосом:

— О, правда? И какую, малышка?

Она смотрит по сторонам, затем манит меня пальчиком. Наклоняюсь к ней, она берет мое лицо в свои ладони. Прижимается своими губами к моим, и я вдыхаю ее запах.

Моя жена — невероятна.

Немного отстраняясь, она шепчет:

— У меня зуд, который необходимо почесать.

Играя с ней, я становлюсь серьезным.

— Где чешется?

Ее щечки заливают розовый румянец.

Я люблю, когда она так делает.

Я провожу языком по ее розовым губкам, и ее улыбающиеся зеленые глаза встречаются с моими.

— Мне нужно показать тебе это там, где я могу лечь. Спальня была бы неплохим местом для начала.

Хорошее место для начала?

Дерьмо.

Теперь и у меня появляется зуд.

Она разворачивается, взмахивая волосами, и я чувствую, как начинаю твердеть.

Бл*дь, как же я люблю ее волосы.

Я смотрю, как она виляет своей попкой, когда поднимается вверх по ступенькам в дом.

Устал?

Нет.

Уже нет.

Лили

После сегодняшнего впечатляющего любовного марафона, Нокс оставил меня поспать. И мне это было необходимо.

Этот мужчина — ненасытный.

....Ах, кого я обманываю?

Я такая же.

Может быть, даже и хуже.

Недавно, это стало еще сильнее. Я чувствовала себя такой потаскушкой! Но мой муж любит меня, и он всегда готов помочь мне с моим возбуждением.

Улыбаясь как идиотка, я чувствую небольшую острую боль в животе.

О. Это было неприятно.

Затем еще. И еще.

Встаю на ватные ноги и выхожу в коридор.

Я смотрю вниз на свои ноги и открываю глаза настолько широко, что они становятся похожими на блюдца.

Вот дерьмо.

Нокс

— Мам, я не могу сказать ей прекратить работать. Это делает ее счастливой. Ты думаешь, она бы послушала, даже если б я и попросил? — я говорю по телефону.

Мама отвечает:

— Она не слушает, но это не означает, что ты не должен пытаться. В данный момент она находится на сложном этапе, малыш. Ты ей помогаешь?

Гордясь самим собой, я заявляю:

— Сегодня днем я развесил ее постиранную одежду.

— Нокс.

Я почти могу видеть мамину улыбку.

— Это мой хороший мальчик.

Откидываясь назад в кресле, я признаюсь.

— Мне нравится помогать ей, во всём, это помогает мне чувствовать, что я что-то делаю.

— Нокс.

Мама отвечает:

— О, детка, ты уже слишком усердно работал. Ты заслуживаешь отдыха. Наслаждайся своим временем дома. Ты никогда не был лентяем. Может, ты мог бы заняться волонтерством, если чувствуешь, будто не делаешь ничего полезного.

— Нокс.

Я поджимаю губы и поднимаю брови.

— А это, на самом деле, неплохая идея, мама. Я сделаю несколько запросов в понедельник.

— Адам Кристиан Тэйлор! — кричит Лили.

Я хмурюсь.

— Подожди, мама. — Поворачиваюсь к своей жене, которая стоит в конце коридора, я спрашиваю: — Что, принцесса?

Улыбаясь, она хлюпает носом и заявляет:

— У меня только что отошли воды.

У меня отвисает челюсть.

Лили смотрит на мое лицо и прыскает со смеху, прикрывая свой рот рукой. Обхватывая второй рукой свой круглый животик, она кивает.

— Серьезно. Только что.

Я паникую и кричу в телефон:

— У Лили только что отошли воды, мама! Что нам делать?

Мама смеется.

— Ох, детка! Это наконец-то происходит! — неожиданно она становится суровой. — Не паникуй, мальчик мой. Ты меня слышишь? Ты должен оставаться спокойным и рассудительным ради своей жены. Ей нужно, чтобы прямо сейчас ты был сильным, чтоб она могла сесть тебе на шею, когда у нее уже не останется сил.

Моя мама умная.

Немедленно успокаиваюсь, я смотрю на улыбающуюся Лили и заключаю с ухмылкой.

— Мне нужно бежать, мама. Мы рожаем ребеночка.

Мама щебечет:

— Передай Лили, что я люблю ее, и позвоните мне, когда он или она появится на свет.

— Хорошо, мама. Люблю тебя.

— Я тебя тоже люблю, детка.

Лили кусает свою губу и говорит:

— Я думаю, нам следует идти.

Встаю, беру ключи от машины, поднимаю предварительно уложенную сумку для родов и подхожу к своей жене. Целуя ее в улыбающиеся губки, я соглашаюсь:

— Да, принцесса. Давай сделаем это.

Оборачивая свою руку вокруг моей талии, она крепко меня сжимает и вдыхает со свистом.

— Черт, это больно!

И ничего не могу с собой поделать, я смеюсь.

По-моему она сказала то же самое, когда мы в первый раз занимались любовью.

Рок

Дорогой дядюшка Рок,

Меня зовут Рокко Леннокс Тэйлор.

Мы с тобой никогда раньше не встречались, но мои мама и папа постоянно разговаривают о тебе и тетушке Бу.

Я родился только на прошлой неделе, но у меня уже есть к тебе просьба.

Видишь ли, мне нужны крестные родители. Согласно словам мамы и папы, нет лучше пары людей для этой работы, чем вы с тетушкой Бу.

Возможно, мне следует рассказать тебе немного о себе. Я вешу десять фунтов, мой рост почти двадцать дюймов. У меня колючие черные волосы и голубые глаза, как у моего папы.

На данном этапе я люблю кушать и спать — не так много всего.

Если бы вы хотели возложить на себя эту миссию, то мы будем праздновать мои крестины через две недели в нашей местной церкви, здесь — в Калифорнии.

Мой папочка говорит, что вы знаете, где мы живем, и что мы всегда вам рады.

Мамочка говорит, что если у вас не получится, то всё хорошо. У нас есть тетушка Тера и дядюшка Джон как запасной вариант.

Я действительно надеюсь, что у вас получится. Мне действительно очень хотелось бы познакомиться с моим тезкой. Если не сейчас, тогда в скором времени.

С любовью,

Рокко

P.S. Мои пальчики еще слишком малюсенькие, чтобы писать. Это письмо было написано моей мамочкой.

— Дерьмо.

Мои глаза щиплет и образуется ком в горле.

Я перечитываю письмо.

Закрывая лицо рукой, я плачу как маленькая сучка.

Прочищаю горло, вытираю глаза, беру письмо и выхожу из своей комнаты.

Улыбаясь, я выкрикиваю:

— Бу! У меня хорошие новости, малышка...

Больше книг на сайте — Knigolub.net